



Светлана Тулина  
Максим Тихомиров

**ЭРА МОРИАРТИ**

Северо-Запад





Издательство «Северо-Запад»  
2015





СВЕТЛАНА ТУЛИНА  
МАКСИМ ТИХОМИРОВ

# ЭРА МОРИАРТИ

МЕЖАВТОРСКИЙ ЦИКЛ



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2015

УДК 82-3  
ББК 84.445  
Т82

Редактор *Светлана Тулина*

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ  
Print on demand

**Тулина Светлана Альбертовна**  
Т82 **Тихомиров Максим Михайлович**

Эра Мориарти: межавторский цикл. –  
СПб.: Издательство «Северо-Запад», 2015. –  
306 с.

**ISBN 978-5-93835-564-4**

Вторжением с Марса и Великой Мировой войной закончилась викторианская эпоха. Лондон оправляется от последствий атомных бомбардировок, наука сделала гигантский скачок, и уже никого не удивляют паромобили на улицах и аэробусы на атомном ходу в небе над лондонской Кровлей. Не удивляет и падение ценности человеческой жизни. Таков новый мир, в котором приходится жить двум джентльменам ушедшей эпохи – Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону.

Наступает новая эра – эра Мориарти.

**УДК 82-3**  
**ББК 84.445**

**ISBN 978-5-93835-564-4 © Светлана Тулина,**  
**Максим Тихомиров, 2015**

# ЦЫГАНСКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ





«Меня зовут Ватсон. Джон Ватсон, секретный агент на службе Её Величества...»

Я вернулся взглядом к первому предложению и задумался. Может быть, всё-таки лучше назвать главного героя Джеймсом, заранее отмечая у будущих читателей всяческие подозрения, что он и автор записок — одно и то же лицо? В конце концов, я ведь не собираюсь писать автобиографическую повесть, изложить реальные события в их первозданном виде не позволяет данное мною слово джентльмена, так почему бы и не дать волю фантазии? Джеймс — красивое имя, благородное, не то что простоватое «Джон»...

Я повертел в металлических пальцах искусственной правой руки новомодную самопишущую ручку — осторожно, чтобы не пролить чернила, заполнявшие стерженёк на две трети, — и усмехнулся. Похоже, я заразился от нашей юной и взбалмошной мисс Хадсон страстью к перемене имён — примеряю на себя имя персонажа ещё ненаписанной мною же истории. Вот уж действительно, старость не спасает от глупости, даже немцам иногда удаётся рассуждать на удивление здраво.

Надобно вам сказать, что ваш покорный слуга вовсе не собирался писать биографические очерки о собственной персоне, находя персону сию достаточно скромной и малоинтересной для предоставления её жизнеописания вниманию широкой общественности, и вполне удовлетворяясь ролью верного Босуэлла при удивительнейшем человеке нашего времени, мистере Шерлоке Холмсе — а с недавнего времени ещё и сэре Шерлоке. Титул был пожалован моему великому другу почти



одновременно с последним достижением инженерной мысли, летательной яхтой, в уютной гостевой каюте которой ваш покорный слуга и пишет эти строки на странице своего дневника — вместо того чтобы живописать приключения великолепного и неустрашимого Джеймса Ватсона, секретного агента на службе Её Величества.

Мой проницательный друг был абсолютно прав, высказывая предположение, что последняя война нанесла мне куда большую внутреннюю травму, чем я был готов признать — даже перед самим собой. Я запретил себе говорить и даже думать о тех жутких годах, похоронил на самом дне памяти — но тем самым лишь сохранил в себе ужасы, превращавшие ночные часы в непрекращающийся кошмар. Алкоголь и всё возрастающие дозы лауданума были мерой временной и ненадёжной — как врач, я не мог этого не понимать, но другой методы борьбы с внутренними демонами я тогда не знал и надеялся только, что демоны эти, терзая меня, причиняют окружающим не слишком много хлопот.

Но однажды — да будет благословенен тот день! — мне попала на глаза статья моего коллеги с каким-то совершенно непроизносимым то ли славянским, то ли немецким именем. В статье рассказывалось об успешном возвращении душевного спокойствия пациентам, которые страдали от невидимой глазу травмы и перенесённого ужаса — а таких страдальцев оказалось немало после Великого Нашествия и Смутных лет, вылившихся в пожар всеобщей войны. Первой войны на памяти человечества, поистине охватившей весь мир. Многие стали свидетелями гибели друзей и близких, потеряли здоровье не на поле битвы, а в мирных, казалось бы, городах.



Мир сошёл с ума, в этом безумии люди теряли себя, и долгое время потом не могли исцелиться.

Мой европейский коллега применял довольно рискованный способ излечения — он заставлял несчастных снова и снова рассказывать о пережитом ими кошмаре, требуя вспоминать каждую подробность, каждую самую мелкую деталь перенесённого ужаса, и обязательно её проговаривать вслух. Эта, казалось бы, варварская и лишённая малейшего сострадания к несчастным метода дала удивительные результаты — все пациенты отмечали существенное улучшение, а некоторые сумели навсегда избавиться от мучивших их кошмаров!

Статья так потрясла меня, что я всю ночь не сомкнула глаз — и вовсе не из-за боязни возобновления кошмарных снов. Словно рука Провидения подкинула мне спасительную соломинку именно тогда, когда я уже почти сдался и готов был утонуть в море отчаянья. Впрочем... было бы не совсем искренним с моей стороны не уточнить, что я почти уверен, каково имя этого Провидения, оставляющего после себя запах крепкого табака. Полагаю, что и немецкий медицинский журнал вовсе не случайно оказался на моём столе в тот день — а ведь я из патриотических соображений не выписываю немецких журналов, даже по медицине! И не случайно журнал этот был открыт именно на той поразившей меня странице...

Как бы там ни было, с моей стороны оказалось бы проявлением страшной неблагодарности не воспользоваться советом столь проникательного и благосклонно ко мне относящегося Провидения. Но, будучи по природе более склонен к жанру скорее эпистолярному, чем разговорному, ваш покорный слуга вознамерился усовершенствовать методу немецкого коллеги. Бессонные часы не были



потрачены зря — мне удалось всё как следует обдумать и изобрести способ, посредством которого не только удалось бы избавиться от внутренних демонов, но при этом и не нарушить данное мною слово о неразглашении определённых подробностей военной карьеры.

Мною были приняты несколько важных решений по поводу будущей книги — во-первых, писать не от своего лица, используя псевдоним и описывая приключения некоего безымянного героя. Далее я собирался соблюдать честность и доскональность лишь в описании виденных и испытанных мною ужасов, все же остальные события и факты исказить и преувеличить настолько, чтобы у проницательного читателя не оставалось ни малейших сомнений — всё описанное есть не более чем фантазия автора.

Незадолго до рассвета поняв, что заснуть мне в эту ночь так и не удастся, я решил успокоить разгулявшиеся нервы при помощи трубочки хорошего табака. Конечно, куда привычнее было бы накапать в стакан с содовой некоторое количество не раз уже спасавшего меня лауданума, но в ту ночь я твёрдо решил начать новую жизнь, в которой подобным снадобьям более не будет места. Да и надо признаться, что после специальной алхимической подготовки, коей я был подвергнут в особых войсках Её Величества (и о подробностях коей я по понятным причинам умолчу), обычные медицинские препараты действовали на меня довольно слабо.

Пристроив на место снятый на ночь механистический протез и пощёлкав для пробы шарнирно-суставчатыми пальцами, я счёл его работу вполне удовлетворительной и, накинув халат, отправился в гостиную. Где обнаружил, что не одному



мне не спится в эту ночь — Холмс скрючился в своём любимом кресле, подтянув худые колени к ястребиному носу и выставив перед собой чёрную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Трубка его не горела, глаза были закрыты, и я уже подумал было, что он спит, и собирался тихонько вернуться к себе, когда мой друг шевельнулся и спросил негромко:

— Ватсон, не дадите ли мне огоньку? Я задумался, а трубка погасла.

Уже не скрываясь, я подошёл к креслу, протянул искусственную чудо-руку, щёлкнул большим пальцем по кремниевой наладонной пластинке и зажёл миниатюрную газовую горелку на конце указательного. С неудовольствием подумал, что в ближайшее время надо бы навестить мастерскую Отто, что на углу Уинстоу и Аллеи Безвестных Героев. Он обещал, что зажигательная накладка из твёрдой стали прослужит не менее года, а между тем дистальная фаланга большого пальца стёрта чуть ли не на треть, хотя не прошло и четырёх месяцев. Я, конечно, после войны стал больше курить, но не настолько же!

Холмс тем временем затянулся и благодарно кивнул, выпустив клуб ароматного дыма. В его пронизательных глазах на секунду отразились крохотные язычки пламени.

— Холмс, мне надоело удивляться, — сказал я, устраиваясь в кресле напротив и тоже закуривая. — Как вы догадались, что это именно я? И только не говорите мне, что опять из-за моего протеза и издаваемых им звуков — я сам его перебрал и отшлифовал все поршни, подогнал сцепление и как следует смазал. Смею вас уверить, он работает совершенно бесшумно.

— Элементарно, мой друг, — из глубины кресла раздался хриловатый смешок. — Если вдруг



соберётесь подкрасться ко мне незамеченным, вам следует предварительно перестать так усердно окуривать благовониями свою каюту.

Я немного смутился — мне казалось, что пристрастие к восточным ароматическим свечам и притираниям не настолько очевидно и раздражительно для окружающих.

— Раньше вы, кажется, не возражали...

— Полноте, Ватсон, я и сейчас вовсе не имею ничего против. Надо отдать вам должное, аромат весьма приятный и хорошо подобранный. Напоминает мне о тех волнующих месяцах, когда я прятался от профессора Мориарти в горах Китая. Но легко сообразить, что если Тибет далеко, а я всё-таки ощущаю знакомое амбре — значит, мой друг Ватсон где-то поблизости и может избавить меня от необходимости вставать за спичками.

Помимо воли я рассмеялся.

— Так вот оно что! Вы успокоили меня, Холмс. А то я уж было подумал, что ваши друзья из горного монастыря научили вас всяким мудрёным штукам вроде чтения мыслей. А всё оказалось так просто!

— Я давно уже полагаю, — с нарочитым раздражением ответил на это Холмс, — что совершаю большую ошибку, объясняя, каким образом прихожу к тем или иным выводам. Ещё древние латиняне говорили — «омне игнотум про магнифико», что вам, как медику, не составит труда перевести.

— Всё непонятное принимается за великое.

— Вот именно, Ватсон, вот именно... Не объясняйте ничего — и прославите великим чародеем, объясните — и любой болван воскликнет: «Оба-на! Да я тоже так могу!». Боюсь, если я и дальше буду всё объяснять, моей скромной славе грозит скорый крах.

Однако голос его при этом звучал отнюдь не расстроено, а скорее даже удовлетворённо, да и



глаза блестели довольно весело. Странное оживление — ещё буквально вечером он был весь во власти хандры и скуки, жаловался на лондонскую погоду и вконец измельчавших преступников, не желающих давать своими примитивными правонарушениями пищи его изощрённому уму. Обругал мисс Хадсон за остывший кофе (что было правдой), а мальчишку — за скверно вычищенные туфли (что правдой не было), потом снова переключился на Лондон, его мерзкую погоду и не менее мерзких обитателей.

Поздняя осень — не самое лучшее время для столицы Британии, с этим я вынужден согласиться. Вечный грязноватый дождь, в котором сажи и копоти больше, чем воды, слякоть и промозглая сырость способны ввергнуть в чёрную меланхолию и самую жизнерадостную натуру. К тому же воздухоплавательные причалы, у одного из которых и был пришвартован наш «Бейкер-стрит», располагались на самой границе цивилизованной части города, и из огромных окон по левому борту в ясные дни открывался вид на ряды мрачных построек и чёрный частокол дымящих труб, что тоже не способствовало подъему настроения.

Но когда я предложил сняться с якоря и продолжить наше путешествие, Холмс не проявил ни малейшего энтузиазма, выразившись в том смысле, что нынешний мир везде одинаков, с изобретением телеграфа в нём не осталось настоящих тайн и загадок, а великие злодеи более неподсудны, поскольку сидят в правительствах и совершают жуткие преступления против закона и человечности одним нажатием клавиши. Прочие же преступники измельчали и способны разве что украсть конфету у слепого ребенка. Так какая, мол, разница, где именно умирать со скуки?



И вот, по прошествии всего лишь нескольких часов всё изменилось, хандры как не бывало, мой друг полон жизни, энергичен и весел, сидит в своём кресле, словно в засаде, посверкивает глазами и ждёт... внезапно я понял, что причина всему этому может быть лишь одна.

— У нас есть загадка, Ватсон! — подтвердил моё предположение Холмс. — А, может быть, есть и дело. — Элеонора сегодня ночью вернулась очень поздно. И, что куда интереснее — не одна!

И пояснил, видя моё вытянувшееся от недоумения лицо.

— Элеонора. Мисс Хадсон. И не надо строить такую чопорную мину, мой друг! Неужели вас это совсем не интригует?

— Холмс, я действительно полагаю, что это не наше с вами дело...

— И вам совершенно неинтересно, что именно за особу привела к нам на борт юная мисс? И с какой целью она это сделала?

— Холмс, — воскликнул я, шокированный. — Ваше любопытство переходит всякие границы приличия!

— Есть ещё одна пикантная подробность, — торопливо продолжил Холмс прежде, чем я успел заткнуть уши. — Эта особа — женского пола.

Теперь затыкать уши было бы глупо — главное я всё равно узнал. Как бы там ни было, а мисс Хадсон мне нравилась — милая девочка, рано оставшаяся без родителей, а потому несколько взбалмошная и экстравагантная. К тому же, как и многие в её годы, пытающаяся доказать всему миру, что она ужасно самостоятельная и вполне уже взрослая дама — а вовсе не милая девочка. Несмотря на все её возмутительные выходки и лозунги, затверженные на собраниях



суффражисток, я был уверен, что всё это лишь внешняя шелуха, призванная шокировать чопорных лондонских старичков и не менее чопорных домохозяек. Я даже позволял себе внутренне подсмеиваться над пафосными декламациями нашей девочки, полагая, что знаю её лучше, и все её ужасающие слова так и останутся только словами, не воплотившись в реальные действия. Ну, во всяком случае, во что-либо более экстравагантное, чем ношение мужских костюмов и постоянные рассуждения о мужском шовинизме.

Было очень грустно ошибиться, и оставалось только надеяться, что на моём бесстрастном лице ничего не отразилось.

— Не переживайте так, Ватсон, — лишил меня последней иллюзии мой слишком проницательный друг. — Циничный опыт врача на этот раз, думаю, вас подводит, направляя к неверным выводам: страсть, которая привела таинственную юную особу на борт нашего дирижабля, подвластна скорее Афине, нежели Купидону. Иными словами, девушке нужна разгадка какой-то тайны — надеюсь, зловещей! — и только врождённая деликатность не позволила ей потревожить среди ночи покой столь пожилых джентльменов, каковыми мы с вами, Ватсон, без сомнения, кажемся этой юной особе. Дождёмся утра и всё узнаем! Но вы ведь не об этом хотели со мною поговорить, правда?

Я был рад перемене темы, поскольку слова Холмса меня вовсе не успокоили. Я помнил, как они ссорились вчера с Элеонорой (нет, тогда ещё Патрисией). Наши милая секретарша последнее время полагает постоянное имя ещё одним способом закрепощения женщины, и потому меняет своё собственное каждый день, а то и по несколько раз на дню. Но как бы она ни называла себя вчера



вечером, с Холмсом она поссорилась всерьёз. И даже прокричала с надрывом и слезами в голосе, что по-настоящему понять женщину не способен ни один мужчина, и убежала, хлопнув дверью, а мой друг остался сидеть на диване, кутаясь в плед и бурча под нос какие-то только ему внятные едкие замечания и колкости. Элеонора (Патрисия) вчера была очень расстроена и обижена, а юные леди в таком состоянии способны на всякие глупости. Особенно юные леди, считающие себя уже вполне взрослыми дамами...

Стараясь отвлечься, я рассказал Холмсу о намерении вытащить наружу своего внутреннего демона, пришить его к бумаге и уничтожить, превратив в развлекательную историю для публики. Ради пущей забавы и интриги я собирался сделать своего героя безымянным, обозначенным лишь цифрами, и даже придумал ему трёхзначный номер, начинающийся с двух нулей и показавшийся мне не только красивым, но и полным глубинного смысла. Ноль и сам по себе достаточно привлекательный и глубоко-мысленный знак — отсутствие чего-либо, пустота, закрытая сама в себе. А уж удвоенный ноль, пустота, помноженная на пустоту, показалось великолепным решением, изящным и вполне достойным запечатления на бумаге.

Однако Холмс, хорошо разбирающийся в нумерологии, прояснил всю глубину моих заблуждений. Он согласился со мною в той части, что смех и праздный интерес случайной публики — самое действенное оружие против терзающих нас внутренних страхов, но при этом безжалостно высмеял столь понравившийся мне номер. Ноль — сильный знак, но два нуля, поставленные рядом, способны вызвать только презрительное недоумение у любого мало-мальски знающего человека, поскольку взаимно уничтожают



друг друга. Да и зрительный образ, — о котором я, к стыду своему, совсем не подумал, — получается не слишком приличный.

Тем временем уже почти рассвело, хотя солнца по-прежнему не было видно на мутно-сером небе — то ли из-за привычной для Лондона облачности, то ли из-за не менее привычного в последнее время смога. В гостиную забрёл сонный мальчишка в намерении, пока никто не видит, выпить стаканчик-другой содовой воды с сиропом, аппарат для газирования которой располагался в углу как раз за моим креслом. Мальчишка был сильно разочарован, обнаружив в комнате нас с Холмсом. Недолго думая, я огорчил его ещё больше, вручив шиллинг и отослав в ближайшую лавку за бумагой и писчими принадлежностями — так не терпелось мне приступить к самоисцелению ещё до завтрака. Мальчишка поплёлся к выходу, зевая и цепляясь ногой за ногу, но я слегка подстегнул его прыть, сообщив, что по возвращении он может выпить два стакана сладкой газировки в качестве награды. Мальчишка заметно повеселел и убежал довольно резво, уже не изображая умирающего. А я вернулся к себе в каюту переодеться, поскольку начинался новый день.

\*\*\*

— Её зовут Джейн. Она моя подруга. И у неё проблемы.

Элеонора решительно выпятила маленький подбородок, скрестила руки на груди и посмотрела со значением — сначала на Холмса, потом на меня. В своей короткой, но решительной речи она чётко выделила тоном два слова — «подруга» и «проблемы» — так, чтобы ни у кого не осталось



ни малейших сомнений в серьёзности и первого, и второго.

Похоже, мы с Холмсом оказались правы оба в своих надеждах и опасениях.

— Ватсон, — представился я, вставая и кланяясь. — Джон Ватсон.

При этом я неожиданно для самого себя имя почему-то выделил интонационно, словно оно имело особое значение. И чуть было не добавил — «секретный агент на службе Её Величества» — очевидно, сказалося утро, проведённое в муках творчества.

— Очень рада познакомиться, — Джейн, миловидная блондинка с тонкими чертами лица и огромными голубыми глазами, кивнула и очаровательно покраснела. Она выглядела настолько же ранимой и незащищённой, насколько Элеонора, с её рыжими кудряшками и вздёрнутым носиком, — решительной и боевой.

— Вздор! — прервала свою подругу Элеонора. — Оставь эти буржуазные любезности, у нас есть дела поважнее!

— Милые дамы, на борту «Бейкер-стрит» существует жёсткое правило — никаких важных дел до завтрака! — сказал Холмс, входя в гостиную, где я наслаждался обществом двух столь юных и очаровательных особ. Тон его был преувеличенно серьёзен, но глаза искрились весельем. — Кстати, а что у нас на завтрак?

— Омлет! И блинчики с джемом! — обрубил безжалостно мисс Хадсон.

Я содрогнулся.

Как однажды деликатно выразился мой проницательный друг, «наша юная мисс Хадсон, в отличие от своей почтенной бабушки, куда более приятна для глаза, чем её стряпня — для желудка». И если овсянку ей ещё удавалось иногда



сварить вполне пристойную, то всё, что требовало чуть большего кулинарного мастерства, в том числе и взбивания или поджаривания, выходило совершенно несъедобным. Все наши с Холмсом робкие попытки нанять кухарку встречали со стороны юной суфражистки полный негодования отпор — кухонное рабство мисс Хадсон почитала постыдным и совершенно неприемлемым для любой здравомыслящей женщины, и не собиралась принимать участие в порабощении ещё одной несчастной.

Иногда, сжалившись над нашими желудками (или же слишком увлечённая делами подруг по движению, что будет вернее), мисс Хадсон заказывала еду в ресторанчике на углу у причалов — там готовили весьма достойно, особенно столь ценимый Холмсом татарский бифштекс. Но сегодня, похоже, на такую удачу рассчитывать не приходилось — мисс Хадсон всё ещё дулась на моего друга.

В полном молчании мы прошли в столовую.

Усевшись на своё место, я с понятным трепетом заглянул в тарелку — и был приятно поражён, не обнаружив там ни торчавших из клейкой субстанции осколков скорлупы с прилипшими к ним перьями, ни спёкшейся до состояния угля пластинки бекона. Над тарелкой возвышалась аппетитно выглядевшая и пахшая не менее привлекательно пористая масса, более всего напоминающая великолепный омлет — как по цвету и запаху, так и по вкусу, в чём я не преминул немедленно убедиться. Блинчики тоже оказались выше всяческих похвал. Даже Холмс, вкусы которого последнее время носили несколько специфический характер, отдал им должное. Я уже собирался высказать своё восхищение столь разительным



успехам Элеоноры в этой области, но меня опередил Холмс, в изысканных выражениях превознеся кулинарное искусство мисс Джейн.

Мисс Джейн снова мило покраснела и потупилась. Элеонора фыркнула и заявила, что убитое над плитой время Джейн могла бы потратить с куда большей пользой — как для себя, так и для общества.

Ну конечно же! Великолепным завтраком мы были обязаны именно ей, маленькой мисс Джейн!

Моё восхищение нашей юной посетительницей сделалось просто безграничным — особенно после того, как она тихонько возразила мисс Хадсон, что вовсе не считает обременительным приготовление завтрака для такой приятной компании. Глаз она при этом не поднимала и говорила негромко, но сразу становилось ясно, что эта хрупкая на вид девочка не так слаба и беззащитна, как могло бы показаться на первый взгляд. Может быть, виновата старческая сентиментальность или же эйфория, в которую я впал после вкусного завтрака, но на какой-то миг подруга нашей взбалмошной Элеоноры показалась мне живым воплощением Британии. Такая же скромно одетая и неприметная, хрупкая и беззащитная снаружи, но хранящую глубоко внутри несгибаемый стержень.

К тому же она не стала охать и вскрикивать, когда во время завтрака заметила мою механическую руку — признаюсь, я специально несколько раз менял заключенные в ней приборы, чтобы немного поразвлечься. Но юная леди повела себя в высшей степени достойно — только слегка расширила глаза в самом начале, а потом не обращала на это ни малейшего внимания. И даже не вздрогнула, когда я, передавая солонку, нарочно коснулся её запястья отполированным медным



суставом. Вот что значит настоящая англичанка! Даже наше безумное и безбожное время неспособно поколебать такую выдержку и заставить леди вести себя неблагопристойно.

После завтрака мы снова вернулись в гостиную. Холмс расположился в любимом кресле, я же пристроился на неудобном диванчике у окна, уступив своё прелестной юной гостье, куда та и поместилась не без изящества. Элеонора пристроилась рядом, с независимым видом присев на обтянутый кожей подлокотник.

— Верите ли вы в проклятия, мистер Холмс? — спросила мисс Джейн, когда все мы уютно устроились и приготовились слушать её историю.

Вопрос прозвучал настолько нелепо, что я с трудом удержался от смеха. Но для нашей гостьи ответ Холмса, похоже, был крайне важен — лицо её оставалось совершенно серьёзным и напряжённым. Она даже подалась вперёд всем телом, впившись в Холмса удивительными голубыми глазами. Боже, как она была хороша в эту минуту, у меня даже защемило в груди! Я не мог понять, почему она напоминает мне мою покойную жену, да будет земля ей пухом, ведь внешнего сходства между ними не было. Но, услышав сдержанное напряжение в голосе и увидев эти удивительные глаза, сверкающие внутренним огнём, я понял — вот оно!

В Джейн горело то же самое неукротимое внутреннее пламя, что и в моей горячо любимой бедной маленькой Мэри. Редкое качество, которое только и может сделать женщину истинно прекрасной.

Поэтому я вовсе не удивился тому обстоятельству, что мой друг ответил юной особе со всей серьёзностью и честностью, на которую был способен:



— Нет, сударыня, я не верю в силу проклятий. Но я верю в зло, которые одни люди могут причинить другим, в том числе и при помощи слов.

Джейн вздохнула с видимым облегчением и немного расслабилась.

— Рада это слышать, сэ. Я тоже не верю. Во всяком случае — не верила до последнего времени. Но с недавних пор вокруг меня начали твориться странные вещи, и они не то чтобы поколебали моё неверие, но...

— Но заставили вас ранним утром бежать из уютного сельского дома, где вы пытались забыть печальные обстоятельства, при которых покинули Лондон около полугода назад, недоучившись. Полагаю, он был вашим женихом? Примите мои искренние соболезнования.

Голубые глаза Джейн стали ещё больше, рот округлился в удивлении, а потом девушка нервно рассмеялась.

— Пэт говорила мне, что вы просто волшебник! Но я даже подумать не могла...

— Не называй меня этим глупым именем! — оборвала подругу мисс Хадсон. — Оно мне разонравилось.

Но Джейн словно и не заметила грубой выходки нашей очаровательной секретарши, продолжая во все глаза глядеть на Холмса с восторженным удивлением. Слегка тронутая золотистым загаром кожа её порозовела, глаза блестели.

— А что вы ещё можете обо мне сказать?

— Не слишком много, — мой друг явно наслаждался произведённым эффектом. — Вы любите возиться в саду, и с некоторых пор избегаете шумных компаний. Вы долгое время жили в Лондоне, были студенткой, но защититься не успели. Хотя и сейчас не оставляете своих занятий, но вряд ли помышляете о возобновлении обучения. У



ваших соседей много детей, которых вы балуете. А ещё у вас случилось что-то настолько серьёзное, что вы уехали в Лондон, бросив любимую кошку.

Мисс Хадсон фыркнула. Джейн же по-прежнему не отрывала от Холмса поражённого взгляда.

— Всё так и есть, — просто сказала она. — Но как вы догадались?

— Это не догадка, мисс, а следствие применённой дедукции. Ваше платье простое и удобное, а такой здоровый цвет лица можно приобрести только при ежедневной работе на свежем воздухе — в саду или огороде, но никак не в нашем городе, продымлённом и погружённом в туманы. Значит, сейчас вы живёте в деревне и подолгу работаете в саду. Однако выговор у вас чистый, речь правильная — значит, образование вами было получено. В прихожей я заметил вашу сумочку — она элегантная, хорошей кожи, но при этом слишком крупная для дамского ридикюля, в котором есть место лишь для веера и пудреницы. Ваша же сумка более вместительная, но при этом вовсе не напоминает те ужасные бесформенные мешки с ручками, в которых кухарки таскают продукты с рынка, а почтенные домохозяйки хранят многочисленный женский хлам. К тому же кожа на сумке в некоторых местах слегка растянута, словно в ней долгое время носили крупный прямоугольный предмет. Если у вас нет привычки таскать в сумочке булыжники из лондонской мостовой, то я осмелюсь предположить, что предметом этим могли быть книги из университетской библиотеки — по размеру философские трактаты как раз подходят. Но девушка ваших лет вряд ли будет читать подобные произведения ради собственного удовольствия — значит, вы были студенткой.

— Поразительно! Как, оказывается, много может сказать обычная дамская сумочка!



— Ну, ваши перчатки не менее болтливы — они совершенно не подходят вашему платью, но зато великолепно гармонируют с сумочкой. Тот же тонкий стиль и высокое качество. Такие застёжки со стеклярусом были популярны около восьми месяцев назад, если я не ошибаюсь. Значит, в то время вы следили за модой и старались выглядеть как можно более привлекательно. Это указывает на романтическую историю. С несчастливым финалом — поскольку я не вижу на вашем пальце кольца, зато вижу следы от траурного крепа на шляпке. Вы его отпороли совсем недавно и не очень тщательно — местами остались следы от ниток. Полагаю, вы сделали это в поезде, перед самым приездом в город — вам просто не хотелось навязчивого сочувствия незнакомцев.

С кошкой и детьми всё ещё проще — волоски на вашем платье почти незаметны, но их слишком много для случайных игр со зверьком. Кошка явно проводит с вами большую часть времени — согласитесь, так не поступают с нелюбимым домашним питомцем. А из вашего левого кармана торчит уголок пакетика с конфетами — судя по трём видимым мною буквам и цвету, это лакричные леденцы, которые обожают дети и юные девушки. Значит, можно с уверенностью предположить, что или вы сама любите сладкое, или же у ваших друзей или соседей есть дети, которых вы балуете. Но для сладкоежки у вас слишком хорошие зубы, значит, остаются дети. Причём именно дети соседей — судя по вашему платью, вы не слишком общительны. Итак — что же заставило вас бросить любимую кошку и оставить детей без сладкого?

— Мисси умерла. А дети теперь меня боятся, — сказала Джейн грустно и быстро вздохнула. — Это из-за проклятья... Но давайте я расскажу вам всё по порядку.



Вы совершенно правы — год назад у меня был жених. Его звали Джон, Джон Мэверик, самый лучший мужчина, который только рождался под этим небом. Джон и Джейн... Он смеялся и повторял, что мы обязательно будем счастливы. Он был не такой, как большинство мужчин, и его вовсе не раздражало то, что я учусь. Он сам собирался поступать в Итон, искал репетитора, а мне нужна была подработка — так мы и встретились. У него был дом в Боскомской долине, собственный дом. Вернее, полдома, но в Лондоне я вынуждена была ютиться в дядиной квартире, где у меня не было даже собственной гардеробной — я делила её с тремя кухнями! Так что эти полдома казались мне настоящим дворцом или волшебным замком, мы собирались переехать туда на всё лето, сразу после венчания. Мы всё распланировали... И тут эти волнения в аlienской резервации... Казалось бы, какое они имеют отношение к нам, но надо было знать моего Джона... Набирали добровольцев, и он, конечно же, записался одним из первых. Он был храбрым, мой Джон...

Он не вернулся.

Я даже не знаю, как он погиб — пришло лишь коротенькое официальное письмо с уведомлением, и то не мне, на адрес его квартирной хозяйки. Добрая женщина не хотела мне ничего говорить, но я всё поняла по её лицу — я заходила к ней почти каждый день. И поверила сразу — к тому времени я уже чувствовала, что моего Джона больше нет, письмо оказалось лишь подтверждением.

Я больше не могла оставаться в Лондоне — этот город помнил нас двоих, Джона и Джейн, которые были счастливы. Я не могла посещать лекции, на которые он никогда не придёт, не могла читать книги, которые он никогда не откроет. Не знаю,



куда бы я уехала — мне было всё равно, лишь бы убежать подальше! Но тут меня нашёл поверенный моего Джона, мистер Брэдли из адвокатской конторы «Брэдли и сын». И внезапно оказалось, что я вполне обеспеченная женщина, а, главное, мне есть куда бежать — Джон оставил мне небольшую ренту и ту самую половину дома, в которой мы собирались жить летом...

— Ха! — воскликнула мисс Хадсон и по-хозяйски положила изящную руку на плечико Джейн. — Мужчины! Они всегда стремятся закрепить женщину, привязать её к дому и кухне! Даже после смерти. Мужчины — ужасные собственники!

Если Джейн и были неприятны слова подруги или её собственнические жесты, то она ничем этого не выдала и продолжала рассказ, уже не прерываясь:

— Понимаете, мистер Холмс, тот дом помнил Джона, но нас двоих он не помнил, и это был мой единственный шанс ещё немного побыть с моим любимым, я не могла отказаться! И в тот же вечер купила билет на поезд в Боскомскую долину. Вот так я и появилась в «Ивовой хижине», познакомилась с двоюродным братом моего Джона и его семьёй.

Дом оказался огромен — трёхэтажный особняк с флигелями и пристройками, окружённый заброшенным садом, с которым совершенно не справлялся пожилой садовник — вы правы, я полюбила возиться в саду, и много времени провела именно там. Как раз в саду я и встретила ту цыганку... Но не буду забегать вперёд, я ведь ещё не рассказала вам о брате моего Джона и его семье.

Они замечательные люди, Берт и его жена Алисия, у них четверо совершенно очаровательных детей. Ещё в доме живёт отец Берта, дядя моего Джона, Эшли, и пара каких-то старых тётушек, но с ними я



почти не встречалась. Дом действительно разделён на две половины ещё во времена эксцентричного дедушки моего Джона, все проходы между восточным и западным крылом были заколочены или даже заложены кирпичной кладкой. Мы с Бертом сразу же пришли к согласию в том, что это не дело. Он понимал, как неудобно мне будет одной в огромном пустом пространстве, и был настолько любезен и предусмотрителен, что к моему приезду разобрал часть заложённых проходов, и из крыла в крыло теперь можно пройти не только через сад.

Они все оказались очень приятными людьми, и Берт с Алисией, и их отец, дядя моего Джона. Не без странностей, конечно, но у кого их нет? Они очень хорошо ко мне отнеслись, а я ведь была для них совершенно незнакомым человеком, мы обменялись разве что двумя или тремя телетайпограммами. Но они приняли во мне живое участие, сочувствовали, пытались развлечь. Расспрашивали о дальнейших планах, не собираюсь ли я продолжить учёбу и вернуться в Лондон, предлагали помощь и даже деньги. Но я тогда была совершенно разбита и не хотела ничего, только побыть одной, и они отнеслись с пониманием, оставив меня в покое.

Когда я с ними знакомилась, возникла неловкая ситуация: я приняла Берта за дядю Эшли и была просто поражена, осознав, что ошиблась — брат моего Джона действительно выглядит старше собственного отца! Но оказалось, что это последствия полученного им ранения — он потерял здоровье во время службы, надышавшись какой-то военной гадости. И теперь он совершенно лыс, сторблен, и лицо его покрыто морщинами, как у дряхлого старца. К тому же ему постоянно приходится принимать укрепительные микстуры, ими пропахла вся восточная половина дома, и, к своему стыду,



я не очень любила там бывать. А вот детям нравилось играть в моём крыле, и ещё там обитала Мисси. Очаровательнейшее существо! Поначалу она отнеслась настороженно к моему вторжению во владения, которые считала своими, но потом мы подружились и, действительно, много времени проводили вместе, тут вы тоже угадали, мистер Холмс. Если я работала в саду, Мисси располагалась рядом, греясь на солнышке, если же погода была дождливая, я читала у окна в гостиной, а Мисси пристраивалась у меня на коленях.

Она была со мной, когда мы встретили ту цыганку. Бедная Мисси...

Это случилось утром в начале июня, я срезала розы для букета с любимого куста у самой изгороди в дальнем конце сада, когда со стороны дороги меня окликнул женский голос. Живая изгородь в «Ивовой хижине» невысокая, по грудь, и, распрямившись, я сразу же увидела эту странную женщину.

Она стояла в каких-то пяти-шести шагах и пристально смотрела на меня поверх подстриженных кустов. Обычная цыганка, укутанная в несколько разноцветных платков, несмотря на то, что день был довольно жаркий, позванивающая монистами и невероятно грязная, как и все они. Цыгане не были редкостью в тех краях, Алисия говорила, что рядом расположился табор, я часто видела их на дороге, бредущих то в одну, то в другую сторону, крикливых, как птицы, замотанных в яркие тряпки и обвешанных полуголыми ребятишками. Они часто просили у нас еды или мелких монет и предлагали погадать, но вели себя мирно, и я никогда не испытывала перед ними страха. Тем удивительнее, что эта цыганка напугала меня до дрожи.

Может быть, дело в том, что она была одна, без подруг и детей, и ничего не просила? Или в её



пристальном взгляде? Не знаю. Но мне сделалось очень страшно, несмотря на яркий солнечный день и то, что я была в саду не одна — пожилой садовник как раз подстригал изгородь неподалеку и обернулся к нам, заинтересованный.

Пытаясь справиться с собой, я кликнула кухонного мальчишку и велела принести молока и хлеба, а также пирог, оставшийся от завтрака. Цыганка же подошла вплотную к разделяющим нас кустам и, посмотрев в небо над моей головой, заулыбалась и сказала, что даже гадать мне не станет — она и так видит мою судьбу.

Она действительно многое обо мне знала. В том числе и про трагическую гибель Джона и мою учёбу в Лондоне...

Не считайте меня дурочкой, мистер Холмс, я ни на секунду не поверила, что всё это она вычитала в облаках над моей головой — полагаю, по деревне ходило немало сплетен о нашем семействе, а цыгане умеют не только болтать, но и слушать. Поэтому её необычное гадание не вызвало у меня никаких иных реакций, кроме веселья. Теперь, неся обычные благоглупости, она больше не казалась мне такой загадочной и пугающей, как вначале. Страх окончательно покинул меня. Обычная попрошайка, которая хочет стясти побольше, а потому и не просит мелочи. А тут она понесла всякую чушь о том, что мне надо обязательно вернуться в Лондон, что нельзя такой девушке хоронить себя в глуши, а в большом городе меня ждёт такая же большая любовь и прекрасное будущее.

Помню, я расхохоталась ей прямо в лицо, и долго не могла остановиться. Теперь я понимаю, что это была нервная реакция на пережитое мною ранее. Но тогда мне почти сразу же сделалось неловко за подобную несдержанность. Тем



более, что цыганка испуганно отшатнулась, да и старый садовник бросал в мою сторону странные взгляды. Это помогло мне взять себя в руки, справиться с неловкостью и успокоиться. Тут как раз принесли узелок с кухни, и я отвернулась, считая разговор законченным и собираясь идти в дом, поскольку день был достаточно жарким и срезанные розы нуждались в воде.

И вот тогда-то она и крикнула мне в спину, что надо мною висит проклятье.

Что-то в её голосе заставило меня обернуться и прислушаться к почти бессвязным крикам. Она была бледной и очень злой, сильно жестикулировала и на этот раз, кажется, не пыталась обмануть.

Она кричала, что я проклята, что в этом доме мне жить нельзя, что мне надо скорее бежать отсюда. А если я останусь — то умру, и умрут все, кто будет рядом со мной и все, кто мне дорог. Она кричала, что мои безвестные предки были прокляты самой землёй, и только камень города способен оградить меня от этого проклятья, да и то не до конца, потому что Джон тоже мог бы жить, если бы не встретил меня. А потом она убежала, даже не взяв узелок с едой, чем напугала меня больше, нежели всеми своими криками.

Я девушка здравомыслящая, мистер Шерлок Холмс. И потому постаралась не придавать особого значения этому происшествию, хотя оно и оставило в моей душе неприятный осадок. Особенно последние её слова... Несколько дней я даже не выходила в сад, опасаясь новой встречи, но потом окончательно убедила себя, что всё это глупости. К тому же Алисия, обнаружив моё внезапное соседство, пыталась вызнать причины, а рассказывать ей о неприятном разговоре мне не хотелось. Тем более что её муж отличался



излишним суеверием и постоянно рассказывал за обедом про те или иные пророчества, оказавшиеся истинными, и с моей стороны было бы глупо давать дополнительную пищу для и без того надоевших мне разговоров.

Июнь и половина июля прошли спокойно, я уже почти забыла про тот скверный инцидент, но тут случилась первая неприятность — погиб мой любимый розовый куст. «Королева Виктория», знаете, такие насыщенно-алые, с тоненькой чёрной бахромкой и более светлыми прожилками. Это сейчас, в сравнении с дальнейшими событиями, я говорю «неприятность», а тогда произошедшее показалось мне страшным несчастьем. Чуть ли не большим, чем гибель моего милого Джона. Это ведь был мой любимый куст, я знала на нём каждую веточку, каждый бутончик, знала, когда который распустится, утром ещё до завтрака бежала проведать, словно старого друга...

Он сгорел за два дня, словно пожираемый изнутри невидимым пламенем, я ничего не могла поделать, и старый садовник только чесал в затылке, говоря, что никогда такого не видел. Листья скукожились и почернели, веточки покрылись белёсым налётом, похожим на воск, а вместо прекрасных цветов остались лишь пепел, источающий скверный запах. Видя такое дело, садовник предпочёл выкопать умерший куст вместе с землёй, вывезти на задний двор и там сжечь, опасаясь, что в ином случае зараза может перекинуться на остальные растения.

Я проплакала несколько дней.

Вы можете счесть меня бесчувственной, сэр, я не плакала, когда умер мой Джон, а над глупым розовым кустом рыдала, как ненормальная. Алисия пыталась меня успокоить, а Берт был мрачен и ворчал, что это только первая ласточка.



Каким-то образом он узнал про слова той цыганки — наверное, рассказала бывающая в деревне кухарка, известная на всю округу сплетница. Мне были неприятны эти разговоры, тем более что их дети, раньше чуть ли не каждый день приходившие поиграть в моё крыло, теперь сторонились меня, а Памела, самая младшенькая, любительница конфет, теперь при случайных встречах раздражалась слезами и убегала.

Я снова начала большую часть времени проводить в саду, не столько работая, сколько прячась. Так прошел ещё один месяц.

А в августе заболела Мисси...

Я не сразу забеспокоилась, когда она пропала — Мисси кошка вполне самостоятельная, уходила по своим надобностям, когда хотела, и могла не возвращаться, пока не нагуляется. Но обычно её отлучки длились не долее одного-двух дней, а если такое и случалось, то она всегда находила время проведать если не меня, то свою любимую мисочку с молоком. А тут мисочка оставалась нетронутой уже третий день, хотя я утром и вечером наполняла её свежим молоком, и я начала волноваться.

А потом её обнаружил садовник и прибежал за мной — поскольку с Мисси было что-то не то и он побоялся к ней приближаться. Я поспешила за ним, как была, в клеёнчатом фартуке и грубых садовых перчатках — я тогда как раз пыталась придать подobaющую форму разросшемуся сверх всякой меры кусту шиповника на центральной аллее.

Мисси лежала в сухой канавке и выглядела ужасно — пушистая и густая ранее шерсть слезала с неё клочьями, обнажая покрытую струпьями кожу, её трясли непрерывные судороги, изо рта шла кровь. Садовник кричал, чтобы я не трогала её, поскольку это может быть заразно, но я не могла оставить



бедную Мисси в таком плачевном положении. Я перенесла её в пустующий флигель, устроила поудобнее на меховой лежанке и послала мальчишку в деревню за доктором. Сама же попыталась напоить несчастную молоком, зная, что молоко помогает при многих болезнях и отравлениях. Но Мисси была настолько слаба, что не могла даже пить. Её трясло, дыхание было тяжёлым и прерывистым, иногда она начинала рычать или плакать, один раз даже попыталась меня укусить, но не смогла пробить зубами жёсткую садовую перчатку, которую я так и не успела снять.

И тут как раз пришёл доктор.

Мальчишка всё перепутал, и привёл обычного доктора, а не ветеринара. Узнав, что его вызвали к кошке, доктор пришёл в крайнее негодование, но тройная оплата визита примирила его с необычной пациенткой — я понимала, что спасти Мисси может только чудо, и ждать прибытия другого врача нельзя. Впрочем, доктор ничем не смог помочь — да и никто бы не смог, наверное. Мисси умерла у него на руках, прямо во время осмотра вдруг сильно вытянувшись и окостенев в считанные секунды. Шерсть к тому времени с неё слезла практически полностью, лысый трупик выглядел ужасно, но почему-то сильно заинтересовал нашего доктора. Он говорил, что никогда не видел столь быстрого трупного окоченения и хотел произвести вскрытие. Обещал отказаться от платы за вызов, если я позволю ему забрать труп несчастной кошки с собой. Я не могла допустить подобного издевательства над телом моей бедной подруги, доктор настаивал и даже начал сам предлагать мне деньги. Возможно, он чувствовал мою слабость — мне было плохо, хотелось поскорее остаться одной и оплакать несчастную Мисси — потому и был таким настойчивым. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут во флигель заглянул Берт, и, узнав причину



спора, принял мою сторону и быстро выпроводил назойливого доктора.

Я была слишком слаба и решила отложить похороны Мисси до следующего утра. Оставила её тельце там же, на меховой подстилке во флигеле. Никогда не прощу себе этой слабости, стоившей моей четвероногой подруге посмертного надругательства.

Утром, когда я заглянула во флигель, прихватив шляпную картонку, которая должна была послужить последним пристанищем бедняжке, меховая подстилка оказалась пуста. Обежав весь сад, я обнаружила то, что осталось от Мисси на подъездной дорожке у чёрного входа — кто-то обезглавил и выпотрошил несчастную, а тело разрубил на несколько кусков, да ещё и облил керосином. Хорошо, что я ранняя пташка, наткнись на это безобразие кухарка — и разговоров хватило бы на месяц. Поэтому я поспешила собрать останки несчастной кошки в коробку из-под шляпки и похоронить под кустом сирени на клумбе перед нашим окном — я надеялась, что ей там понравится, во всяком случае, при жизни она любила греться на этой клумбе.

Домашним я ничего про это не рассказала, достаточно с них и прочих переживаний. Сама же ломала голову и никак не могла понять, кто и, главное, зачем мог совершить подобное зверство? Не хотелось бы думать, что солидный доктор мог прийти до такого безумства в своём профессиональном рвении, чтобы под покровом ночи тайком возвратиться в наш сад и совершить столь вождеденное вскрытие? Но если не доктор, то кто?

А через двенадцать дней умер садовник.

Сначала он жаловался на боли в суставах — но он и раньше на них жаловался, и мы не придавали этому особого значения, пока однажды он не



упал прямо на дорожке, и не забился в конвульсиях, страшно крича. Пришлось снова посылать за доктором и звать шофера, чтобы помог отнести несчастного в дом. Это оказалось далеко не простым делом — садовника били ужасные судороги, его буквально выгибало дугой, на помощь шоферу прибежали двое дюжих кухонных работников, но и трое взрослых мужчин не могли его удерживать. Боже, как он кричал! Мы уже совсем было отчаялись, но тут садовник внезапно перестал кричать и обмяк, словно из него разом выдернули все кости. Его удалось отвести в пристройку и уложить на кровать, он больше не вырывался, лишь тяжело дышал и постанывал. Но не успели мы подумать, что все самое страшное миновало, как приступ начался снова, еще ужаснее и продолжительнее. Беднягу выгибало дугой, так что он касался кровати лишь пятками и затылком. Из рта его текла кровавая пена, и он кричал, кричал, кричал не переставая...

Доктор приехал во время третьего приступа. Заглянул больному в глаза, попытался прощупать пульс на руке, напряжённой и твёрдой, словно горячая деревяшка. Пожал плечами, сказал, что сделает всё возможное, но в результатах не уверен, и что нужно ждать окончания приступа, чтобы сделать укол кураре. Ещё он говорил о ядах — о том, что любой яд может стать лекарством при умелом с ним обращении, и наоборот. Кажется, он хвастался, или просто был не очень уверен в собственных силах. Когда садовник обмяк и замолчал, доктор сделал ему укол и сообщил, что теперь всё в руках всевышнего. Если сильного приступа не будет хотя бы час-полтора — садовник точно выкарабкается. Если промежуток составит менее часа — вероятность счастливого



исхода резко убывает. Но больше он сделать всё равно ничего не может, надо надеяться и ждать, толкуя все сомнения в пользу несчастного.

Приступ начался через девять с половиной минут. Наверное, так было даже лучше, чтобы сразу ни у кого не осталось ни малейших сомнений...

Сначала я полагала, что с садовником приключилась та же напасть, что и с Мисси, а значит, это действительно заразно, и мы все на очереди, особенно я сама. Но доктор успокоил нас, заявив, что у садовника типичный столбняк, а столбняк не заразен, и нам ничего не грозит — если, конечно, я не поцарапаю одной и той же иглой сначала руку несчастного до крови, а потом и «свой прелестный пальчик» — он так и сказал, тот доктор, а ведь рядом в страшных мучениях умирал несчастный садовник, помочь которому было уже невозможно. Доктор же всё повторял про пальчики — очевидно, считал это весёлой шуткой, и сам же смеялся... всё-таки я вынуждена признать, что он оказался не слишком деликатным человеком, этот доктор...

Садовник умер через три дня. Боже, как он страдал! Даже врагу не пожелаю подобной смерти. На второй день он уже не мог даже кричать, только хрипел. Я сидела с ним до последнего, видя в этом свой долг. Даже если не принимать во внимания проклятье, человек пострадал, пытаюсь сделать лучше мой сад, и посидеть рядом — самое малое, что я могу для него сделать. Доктор заходил дважды. Делал уколы, после которых умирающий на некоторое время впадал в забытье. Предлагал мне успокоительное. Во время второго визита посоветовал позвать священника, но Берт сказал, что садовник был убеждённым атеистом. Берт поначалу старался как-то меня утешить, составлял компанию и всё пытался уговорить



меня не убиваться так или хотя бы ненадолго пойти отдохнуть. Но сдался, видя мою непреклонность, и оставил одну. Бедняга, он и сам-то с трудом держался на ногах, и пахло лекарствами от него куда сильнее, чем обычно. Так что я была рада, когда он ушёл. К тому времени несчастного садовника уже окончательно парализовало, он не мог даже говорить, только смотрел на меня. И в глазах его я видела отражение собственной вины. Он не обвинял меня — я сама себя обвиняла.

Я не пошла на похороны — заснула тяжёлым сном, и меня долго не могли добудиться. Больше я не работала в саду, и вообще старалась не выходить из своей комнаты, даже к обеду. Сидела у окна целыми днями, смотрела на осенний сад и старалась ни о чём не думать. А особенно — не думать о том, остался ли бы садовник в живых, послушайся я слов той цыганки и вернись в Лондон.

Осень постепенно раскрашивала сад золотом и багрянцем, а я смотрела, как ветер играет листьями сирени под моим окном, пока однажды не обратила внимания, что с ними творится нечто странное. Это было вечером, и сначала я не поверила своим глазам, списав все на неверную игру освещения. Вернее, нет... я поняла всё сразу, просто не хотела верить, потому и спустилась, надеясь убедиться, что вечерний свет и напряжённые нервы сыграли со мной злую шутку.

Осень бушевала в саду огненно-рыжим пожаром, но пламя, которое сжигало куст сирени под моим окном, было иного рода — то самое чёрное невидимое глазу внутреннее пламя, что уничтожило ранее мои любимые розы. Многие листья уже почернели и скрючились, а на тех, что остались, более не было иных оттенков — ни зелёного, ни жёлтого с красным. Только чёрный. И на



некоторых веточках уже появился знакомый восковидный налёт белесого цвета.

Сами понимаете, мистер Холмс, выхода у меня не оставалось. Я не стала никому ничего объяснять, в ту же ночь собрала небольшой дорожный чемоданчик и покинула «Ивовую хижину» ранним утром, пока все ещё спали. Пешком добралась до станции и купила билет на первый же поезд в сторону Лондона.

Понимаете, мистер Холмс, я не могла рисковать.

Нет, вы только не подумайте, что я суеверна. Даже сейчас я не верю до конца в мистическую подоплёку происшедшего и пытаюсь по мере сил найти рациональное объяснение всем этим ужасным событиям. Но если есть хотя бы малейшая вероятность, хотя бы тень вероятности — я не вправе рисковать жизнью и здоровьем хороших людей.

Я должна точно знать, мистер Холмс, понимаете? Я ведь даже не сообщила дяде о своём приезде, поселилась в дешёвых меблированных комнатах и стараюсь не попадаться на глаза прежним друзьям, а также и не заводить новых. Я боюсь сходиться с людьми — вдруг случившееся в Боскомской долине повторится и в Лондоне? Я устала бояться, но не знала, к кому мне обратиться за разъяснениями. Древние философы ничем не могли мне помочь, и я перестала посещать библиотеку, в которой первоначально надеялась найти все нужные мне ответы. Конечно, я слышала о великом сыщике Шерлоке Холмсе — а кто в Англии о нём не слышал? Но полагала, что вы давно отошли от дел или же работаете на правительство, и было бы самонадеянно с моей стороны отягощать вас подобными мелочами. Но тут на вдруг женском собрании меня познакомили с мисс Хадсон, и она была столь любезна...



— Всё это вздор, милочка! — перебила свою подругу Элеонора, и слегка наклонилась, чтобы ободряюще похлопать её по руке. После чего распрямилась и требовательно уставилась на Холмса. — Ну? Мистер Шерлок Холмс, великий детектив... Ох, извиняюсь — сэр Шерлок, конечно же! У вас найдётся свободная минуточка, чтобы помочь моей подруге?

Холмс проигнорировал как неподобающий тон подобного замечания, так и саму юную скандалистку, и обратился непосредственно к нашей гостье.

— Вы поступили правильно, обратившись ко мне, мисс. Ваше дело куда серьёзнее, чем могло показаться на первый взгляд, несколько раз вы только чудом избежали смерти. Но пока я не вижу в нём ничего сверхъестественного. Сейчас мне надобно навести кое-какие справки и проверить кое-какие догадки. Но рискну предположить, что завтра к этому времени мы уже будем знать ответы на все интересующие нас вопросы. А пока предложу вам воспользоваться нашим гостеприимством в обществе особы, более подходящей вам по полу и возрасту, чем два престарелых джентльмена.

Юные леди поняли намёк правильно и удалились из гостиной, оставив нас с Холмсом вдвоём — хотя мисс Хадсон и не отказала себе в удовольствии несколько раз негодуяще фыркнуть и поворчать что-то о мужском деспотизме. Когда шаги девушек затихли в дальнем конце коридора, я в некотором смущении обратился к своему всё ещё молчавшему другу.

— Холмс! Мне, конечно, далеко до вашей интуиции, но кое-что и я не мог не заметить. Мне кажется, я знаю, что явилось причиной смерти несчастной кошки и бедного садовника. Во время моей службы мне доводилось работать с некоторыми веществами,



чьё воздействие на живые организмы производит подобный эффект... Кошка, очевидно, съела нечто, пропитанное отравой, потом, взбесившись от боли, поцарапала садовника и внесла на своих когтях в его царапины малую толику яда, оттого-то он и умер иначе и далеко не сразу. Какое-то дьявольское стечение обстоятельств, я никак не могу понять, как несчастная кошка могла добраться до подобного вещества, это ведь не мышьяк, которым травят крыс наши добрые фермеры, и не цианистый калий, который можно купить в любой аптеке...

— Вы, как всегда, упускаете самое важное, Ватсон! — откликнулся Холмс из своего кресла. — Вы забываете о том, с чего всё началось.

— Вы имеете в виду розовый куст?

— Я имею в виду цыганское проклятье.

— Помилуйте, Холмс! Никогда бы не подумал, что вы можете верить в подобную чушь!

— А кто вам сказал, что я верю? Я просто отметил, что именно с него-то всё и началось. Хотя, если быть точным, всё началось даже раньше.

Воспользовавшись отсутствием дам, Холмс достал из початой упаковки сигару, аккуратно обрезал кончик и закурил — на этот раз воспользовавшись спичками.

— Я называю такие дела «делом на пол-сигары», — пояснил он, выпуская клубы ароматного дыма. — Глупо и расточительно ради такого простого дела набивать трубку, не успеешь толком раскурить — а решение уже найдено.

— Но тогда зачем же, Холмс?! — вскричал я, до глубины души поражённый. — Зачем вы сказали бедной девочке ждать до завтра? Почему не успокоили её сразу?

— Ватсон, ну это же элементарно, неужели вам не хочется ещё хотя бы раз вкусить столь



восхитительный омлет? К тому же мне действительно следует навести кое-какие справки, чтобы окончательно удостовериться в собственной правоте. — Тон моего друга был серьезен, но глаза смеялись. — Может быть, мне удастся уговорить её приготовить стейк по-американски, а не ту горелую подошву, что выходит из-под очаровательных ручек нашей милой мисс Хадсон. Или даже татарский бифштекс без этого ужасного чесночного соуса, который постоянно к нему присылают, несмотря на все мои просьбы. Никогда не ешьте чесночный соус, Ватсон! Мало того, что он сам по себе ужасно гадок на вкус, так ещё и легко маскирует привкус мышьяка.

И я, поразмыслив, пришёл к выводу, что Холмс абсолютно прав. Если не по поводу чесночного соуса — то хотя бы по поводу омлета.

— Дело нашей прелестной садовницы простое, но от того ничуть не менее страшное и подлое, — повторил Холмс, когда с сигарой было покончено, сделаны необходимые звонки и получены ответы на телетайпограмму. — Вы, конечно же, обратили внимание на внешний вид мистера Берта? «Ранение, полученное при службе в особых войсках» — так это теперь дипломатично принято называть, но мы-то с вами знаем, что это значит на самом деле. К тому же бальзамические жидкости и странно пахнущие микстуры... Нет, с этим Бертом дело совершенно ясное! Понятно, где он служил, и что там с ним сотворили. Нетрудно найти отраву, если пользуешься ею каждый день.

— Холмс! — вскричал я, шокированный. — Неужели вы действительно полагаете, что за всеми этими ужасными преступлениями может стоять этот несчастный калека?! Мисс Джейн утверждает, что он хороший человек, а ей не откажешь в проникательности! Да и зачем ему



могло понадобиться убивать садовника и уж тем более — бедную кошку?

— Характеристики, данные мисс Джейн своим новоявленным родственничкам, говорят нам, скорее, о душевных качествах самой мисс Джейн, нежели о тех, кого она описывала. Хорошему человеку бывает трудно поверить в существование мерзавцев, даже имея к тому явные доказательства. Кошку он убил вполне сознательно, но вовсе не кошка должна была стать настоящей жертвой.

— Убивать садовника? Холмс, это выглядит странно. В наше время и без того трудно с прислугой!

— Садовник умер случайно — или же был наказан провидением, если вам так больше нравится. Поскольку он наверняка был замешан в этом деле — помните, Берт не хотел оставлять его наедине с нашей гостьей? Опасался, что перед смертью тот наговорит лишнего. И успокоился только тогда, когда паралич полностью лишил несчастного подобной возможности. Но специально его никто не убивал — он пострадал из-за случайной ранки, в которую попал яд. Нет, настоящей жертвой должна была стать именно мисс Джейн — ведь это её кошка, и именно ей бы достались те смертоносные царапины, если бы не жесткие садовые рукавицы.

Не в силах более сдерживаться, я вскочил и заходил по комнате. Даже мысль о том, что кто-то мог желать зла подобной девушке, казалась мне кошунственной, но не верить своему другу я тоже не мог.

— Но почему, Холмс? Почему?

— Всё очень просто, Ватсон — дом. Дом, который Берт с семейством уже привыкли считать своим полностью — настолько, что даже начали потихоньку разрушать возведенные дедом перегородки. Я догадался обо всём сразу, как только



мисс Джейн упомянула об этом обстоятельстве, а остальное было лишь недостающими фрагментами уже сложившейся мозаики. Берта можно понять — у Джона не было семьи, да и сам он не жил в поместье уже довольно давно. К тому же он наверняка считал подобное распределение несправедливым — ведь если бы после окончания Мировой в Британии не упразднили майорат — весь дом и так бы достался целиком старшему брату, как исстари повелось. А тут из-за непонятного юридического крючкотворства большое семейство вынужденно ютиться на своей половине — и видеть, как постепенно приходит в полное запустение и ветшает без должного присмотра второе крыло семейного дома. Аlienский мятеж и гибель младшего брата пришлось очень кстати. Берт с семейством посчитали себя единственными и полноправными хозяевами и успели привыкнуть к этой приятной мысли, когда им на голову свалилась невеста погибшего — и настоящая хозяйка половины того, что они уже считали своим.

Они не были злодеями, Ватсон — помните, мисс Джейн говорила, что сначала они уговаривали её продолжить учёбу и даже предлагали денег? Они были готовы ей заплатить — лишь бы оставить за собой весь дом целиком. Но наша упрямая гостья не захотела уезжать. И тогда её родители наняли цыганку.

Достижения науки — великое дело, Ватсон! В прежние времена нам бы пришлось трястись в кэбе до железнодорожного вокзала, потом ехать до нужной станции, а там ещё и добираться по плохим дорогам до той деревни, рядом с которой два месяца назад располагался табор. Мы бы потратили несколько дней — и в результате убедились бы, что табор давно переехал,



а куда — неизвестно! Сейчас же я отбил всего лишь три сообщения, нашему другу Лестрейду в Скотланд-Ярде, коронеру Боскомской долины и ещё одно, по указанному им номеру — и дело сделано! Табор обнаружен, цыганка допрошена и созналась, что её действительно наняли господа из «Ивовой хижины». Дали соверен и обещали в десять раз больше, если ей удастся прельстить молодую госпожу гаданием и заставить её уехать в Лондон. Или напугать — с тем же результатом. Так что цыганка действительно была совершенно искренна в своём стремлении заполучить вожделенное золото, но не преуспела. И тогда Берту пришлось действовать самому — уже вместе с садовником. Полагаю, вряд ли он бы смог отравить розы в одиночку так, чтобы давно работающий в доме слуга ничего не заподозрил. Они знали, что это любимые цветы мисс Джейн, и полагали, что такого потрясения ей будет достаточно.

— Какое неслыханное коварство! — пробормотал я, без сил опускаясь на диванчик.

— Но Берт и его помощники снова ошиблись. Гибель любимых цветов хоть и расстроила девушку, но не заставила её покинуть «Ивовую хижину». И тогда преступники нанесли новый удар, жертвой которого стала несчастная Мисси.

Расчёт был прост: если отравленная кошка поцарапает мисс Джейн и девушка умрёт — ни у кого не возникнет ни малейших подозрений. Все знали, что она любит работать в саду, где так легко поцарапаться и занести в ранку смертельную инфекцию. Симптомы отравления малой дозой этой гадости похожи на столбняк, это вы правильно заметили, и у сельского врача не возникло бы никаких сомнений при установлении диагноза. Как позже и случилось



с садовником — кошка могла поцарапать его, когда ей делали смертельную инъекцию, или отравка попала в его организм через поры кожи. Как бы то ни было, один из убийц сам пал жертвой своего преступления.

То, что случилось с кошкой после смерти, только подтвердило мои подозрения, превратив их в уверенность. Конечно же, Берт знал, что именно должно было произойти с несчастной Мисси — и, разумеется, всеми силами стремился этому воспротивиться. Он не мог допустить её вскрытия — даже деревенскому врачу при подобном исследовании всё сделалось бы яснее ясного! Не мог он и оставить тело кошки в целостности, допустить её погребение вовсе не значило поставить точку в этой истории, вы и сами это прекрасно понимаете, хотя до сих пор так и не признались, в каких именно войсках изволили служить... но вернёмся к нашей кошке.

Её необходимо было сжечь. Ну или на крайний случай хотя бы обезглавить, выпотрошить и расчленив на как можно большее количество кусков. Что он и постарался сделать той ночью, пока домашние спали. Обезглавил, расчленил и выпотрошил. И даже облил керосином. Вот только почему-то не сжёг. Это ставит меня в тупик. Вам ничего не приходит в голову, Ватсон?

Последние минуты я, чтобы скрыть волнение, развлекался тем, что выпускал крохотный язычок пламени из указательного пальца своей механической руки — и тут же гасил его. Обращение Холмса оказалось для меня полной неожиданностью — я вздрогнул, и пламя выстрелило из пальца длинной струёй наподобие миниатюрного огнемёта. Я поспешил загасить его и ответил, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо:



— Полагаю, Холмс, что такие, как этот Берг... калеки... боятся огня. Мне приходилось работать с ними, и я часто наблюдал подобную реакцию, доходящую иногда до настоящей фобии. Тут всё дело в том, что на начальном этапе обработки их тела легко воспламеняются, и это накладывает отпечаток. Потом-то, конечно, подобный недостаток устраняют, но память остаётся. И только редкие натуры обладают достаточной внутренней силой, чтобы с ней справиться.

— Вот как? Буду знать, — ответил мой друг, посмотрев на меня при этом как-то странно. — Тогда всё становится на свои места... Утром мисс Джейн обнаружила останки растерзанной кошки и похоронила их под сиренью, тем самым отравив ещё и это ни в чём не повинное растение. После чего уехала в Лондон, где, на счастье, судьба свела её с нашей очаровательной мисс Хадсон...

— Мистер Холмс! Вы потрясающий человек!  
Вздвогнув, я обернулся.

Наша юная гостя стояла в дверях, прижав стиснутые кулачки к груди, и смотрела на Холмса с восторгом и обожанием. Личико её покраснелось, глаза горели ярче обычного.

— Спасибо вам, мистер Холмс! Спасибо за всё! Элеонора была совершенно права, убедив меня прокрасться обратно и подслушать... Благодаря ей я теперь всё-всё знаю! Вы великий человек, мистер Холмс. Вы сняли с моей души огромную тяжесть. И я теперь знаю, что мне делать.

— Если подадите на вашего деверя в суд за попытку убийства — можете смело ссылаться на меня, как на доверенного эксперта. — Мой друг, казалось, был совершенно не удивлён столь



дерзким вторжением и смотрел на нашу гостью вполне благосклонно.

Мисс Джейн отмахнулась.

— Да бог с ним, с Бертом! Я не об этом, уверена, его накажет судьба... Но благодаря вам, мистер Холмс, я теперь знаю, кем хочу стать!

И, не успели мы опомниться, как она подбежала и порывисто расцеловала опешившего Холмса в обе щеки. Рассмеялась, видя нашу оторопь, и снова упорхнула к дверям.

— Я хочу быть детективом, мистер Холмс! Нет, я неправильно говорю — я стану детективом! Обязательно стану! Мисс Джейн Марпл, сыщик на службе Короны! Вы не представляете, мистер Холмс, какая это лёгкость, какое счастье — знать, что ты ни в чём не виновата! Вы удивительный человек. И я хочу быть такой же, как вы, — помогать простым людям, дарить им такую же лёгкость, какую вы подарили мне. Спасибо вам, мистер Шерлок Холмс, сэръ! Спасибо вам!

И она убежала, не попрощавшись. Истинная англичанка, что ни говори!

— Ну вот и остались мы с вами, Ватсон, совершенно одни, — заметил Холмс, с некоторой грустью глядя вслед юной особе. — Без столь вождьденного вами омета и не менее милого моему сердцу стейка по-чикагски...

И с этими словами он удалился в спальню — последнее время он предпочитал отсыпаться днём и работать ночами, утверждая, что ночью никто не мешает ему думать.

Скорее всего, это правда.

Но — опять же, скорее всего — далеко не вся правда.

Эра Мориарти сильно изменила нас всех. Но я никогда не спрошу его, почему он больше не носит



серебряных запонок и не любит чесночный соус. Точно так же, как и он никогда не спросит меня о том, с чего бы это вдруг я так полюбил резкие ароматы восточных благовоний, и почему из моей каюты так часто несёт бальзамической алхимией, с которой даже они не справляются. Разве что в шутку — да и то лишь наедине.

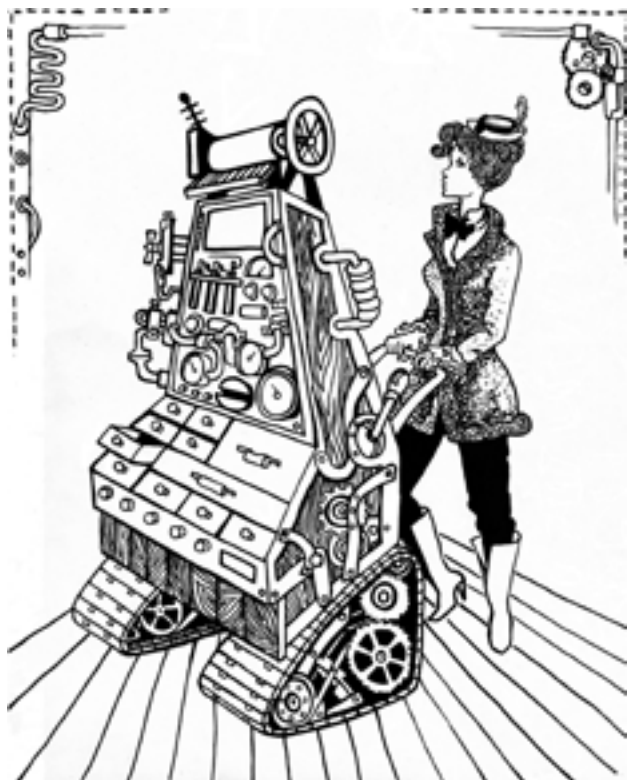
Мы оба слишком дорожим нашей дружбой — и не хотим знать лишнего...



*Недавно мой редактор при личной встрече в клубе за стаканчиком хереса мягко пожурил меня за то, что я так и не довёл до сведения широкой публики обстоятельства, вследствие которых мы с моим знаменитым другом переселились со столь уютного и всем нашим почитателям хорошо известного дома на Бейкер-стрит, 221-б на борт «Королевы Марии», дирижабля новейшей конструкции. Также напомнил он мне и о том, что я до сих пор не описал в своих биографических заметках дело, за раскрытие которого сэръ Шерлок получил свой титул. А читатели буквально завалили редакцию письмами с вопросами — и что же, скажите, делать несчастному редактору?*

*В итоге я вынужден был пообещать, что незамедлительно устраню это досадное недоразумение и удовлетворю любопытство почтенных сограждан. Тем более что сейчас политическая обстановка такова, что раскрытие некоторых пикантных подробностей уже не может причинить вреда тем высокопоставленным особам, которые были волей случая вовлечены в*

# ДЕЛО С МАРСИАНСКИМИ ТРЕНОЖНИКАМИ





— Как по-вашему, что самое странное во всей этой истории, Ватсон?

Хрипловатый голос великого сыщика вывел меня из состояния созерцательной задумчивости, в которую я был погружен видом, открывавшимся из окна салона первого класса пассажирской гондолы «Графа Цеппелина».

Я пожал плечами: творящиеся вокруг странности перестали меня удивлять задолго до Нашествия и Великой Мировой. Одной меньше, одной больше — не всё ли равно? Но всё же определённая доля любопытства — какую именно странность аналитический разум знаменитого детектива посчитал наиболее интересной? — заставила меня отвернуться от панорамного окна.

— Просветите меня, друг мой, — отозвался я, наливая шерри в хрустальные бокалы.

— Самое странное то, что мои услуги понадобились короне именно тогда, когда мы с вами неожиданно-негаданно решили вдруг вернуться на берега Туманного Альбиона после стольких лет отсутствия, — сказал Шерлок Холмс, принимая свой бокал. — Я вижу в этом нечто большее, чем просто совпадение. Вы так не считаете, Ватсон?

— Вы по-прежнему верите в теорию всемирного заговора, Холмс? — я не сдержал улыбки. — Во все эти многоходовые комбинации с участием тысяч разновеликих фигур по всему свету, в интриги, затеянные ещё в прошлом веке и растянувшиеся до наших дней? Полноте, Холмс! Люди, положившие им начало, давно уже мертвы, и некому пожинать плоды семян зла, рассеянных по всему миру на стыке столетий.



Холмс едва притронулся к вину. С той минуты, когда наше судно вошло в воздушное пространство Британии и посыльный вручил знаменитому сыщику таинственную телеграмму, тот погрузился в состояние сосредоточенной рассеянности, свойственное всем неординарным натурам при полной их увлечённости какой-либо сложной проблемой.

— У сеятелей всегда найдутся благодарные последователи, которые с готовностью воспользуются результатами их трудов, — ответил он. — Помните, Ватсон: ничто на этом свете не возникает из ничего и не пропадает бесследно, и каждое, абсолютно каждое действие имеет своё последствие, пусть даже и удалённое во времени. И если оглянуться на события прошлого, приглядеться попристальнее к тому, что происходит в мире сейчас, наложить одно на другое и экстраполировать обнаруженные тенденции в будущее, мы увидим довольно зловещую систему. Любой здравомыслящий человек с острым умом, маломальски умеющий им пользоваться, вооружившись машиной Бэббиджа и проведя необходимые подсчёты, с лёгкостью убедится в существовании некоего генерального плана, которому подчинено развитие цивилизации в последние десятилетия.

— Вообще-то это называется паранойей, другой, — улыбнулся я. — И поиски доказательств существования вселенского заговора обычно приводят большинство ищущих в стены Бедлама.

— Я вовсе не большинство, Ватсон, и вам это прекрасно известно, — возразил Холмс тоном удовлетворённой гордости, которую малознакомые с ним собеседники зачастую почитали высокомерием. — В ближайшие часы я сумею доказать вашу неправоту, и для этого мне не понадобятся



интеллектуальные костыли в виде счётной машины. В прошлом мы с вами не раз сталкивались с тем, что преступления, ничем не связанные между собой на первый взгляд, при рассмотрении их под нужным углом становились вдруг частью единой мозаики, а грозные преступники оказывались лишь марионетками в руках умело прячущегося за ширмой кукловода.

— Единственный известный мне кукловод, обладавший талантом подобного рода и силы, мёртв уже четверть века, друг мой, и вам это прекрасно известно, — напомнил я со всей возможной деликатностью.

Взгляд Холмса унёсся в прошлое. На некоторое время наступила тишина, нарушаемая лишь едва слышными разговорами в салоне и негромким шумом воздушных винтов, который за время полёта сделался такой же привычной и незамечаемой частью общей обстановки, как и лёгкая дрожь палубы под ногами.

— Тела так и не нашли, — сказал он наконец. — Я склонен был подозревать мистификацию сродни своей собственной, однако все последующие годы могучий преступный ум профессора так и не дал о себе знать ни единым материальным проявлением. О том, насколько трудно держать под контролем деятельность столь совершенного прибора, как мозг, подобный мозгу Мориарти и моему собственному, мне известно не понаслышке. Периоды бездействия, особенно бездействия вынужденного, изнуряют рассудок сильнее, чем отсутствие наркотика — душу зависимого от него бедняги. Замаскировать же деятельность столь мощного и амбициозного интеллекта практически невозможно, ибо это потребует усилий, значительно превосходящих по своей цене ценность



скрываемого. Так что до недавнего времени я склонен был считать, что профессор действительно мёртв.

— До недавнего времени? — я скептически приподнял бровь.

— Это трудно объяснить тому, кто сам не замечает закономерностей и не способен сложить разрозненные мелочи в единую картину. Поэтому вам не остаётся ничего иного, как просто поверить мне на слово — в последние годы в определённых кругах появились довольно-таки подозрительные настроения... При этом представители совершенно различных сообществ и государств, разнесённых территориально и разделённых границами, проявляют поразительное единодушие, которому я не могу дать никакого иного разумного объяснения. Такое уже было на моей памяти — на рубеже столетий, и мне не надо вам напоминать, чем тогда всё закончилось. А ведь тоже начиналось с совершенно безобидных на первый взгляд событий, с лёгкой ряби, расходящейся по поверхности воды от брошенного камня. С почти незаметной вибрации нитей паутины, связывающих воедино события, явления и людей, вроде бы не имеющих между собой ничего общего. В последнее время вибрации эти становятся всё настойчивей, и у меня всё сильнее желание выяснить, кто сидит в центре раскинутой на весь мир паутины и познакомиться с ним поближе. Впрочем, возможно, что и знакомиться не придётся.

— Я не верю в существование призраков, Холмс, — ответил я. — И призраков прошлого это касается в полной мере. Думаю, попросту подросло и вошло в силу новое поколение криминальных гениев — молодых, образованных, амбициозных. И безликих в той же мере, что и профессор. В



наше время им даже не обязательно становиться преступниками — достаточно занять нужное положение в обществе. Вы не обращали внимания, сколько молодых людей с профессиональными улыбками и холодными глазами появилось в последние годы на руководящих постах? Вот они, герои нового времени, — молодые хищники, карьеристы и честолюбцы, всеми силами старающиеся достичь собственного благополучия. Да, в одном вы правы, мой друг. Наступило время, которое я не побоюсь назвать Эрой Мориарти. Покойный профессор чувствовал бы себя в современном обществе как рыба в воде. Крайне опасная хищная рыба...

— Всё так, друг мой. Вы, как и всегда, умеете точно отследить очевидные тенденции и изложить их чётко и ясно. Благодаря вам я всегда осведомлен об общественных настроениях. Вы — моя лакмусовая бумажка, Ватсон. Кстати о бумажках.

С этими словами Холмс извлёк из жилетного кармана бланк телетайпограммы и, водрузив на нос очки, в который уже раз пробежал глазами текст, после чего взгляд его сделался отрешённым и великий сыщик погрузился в глубокую задумчивость. Потягивая излишне ферментированный херес, который на «Графе Цеппелине» почему-то выдавали за классическое шерри, я наблюдал за своим старым другом и компаньоном, стараясь не нарушить его сосредоточенности заданным не ко времени вопросом.

Делиться со мной содержанием депеши Холмс не торопился. Я же не настаивал. Предыдущий опыт давно позволил мне удостовериться, что в нужное время мой знаменитый друг и сам расскажет всё, что мне необходимо знать для того, чтобы быть полезным в ведении дела — а также



для отражения последовательности событий в моих записках.

Не скрою, отчасти успех этих записок, на публикацию коих у меня заключены контракты с наиболее престижными издательствами Старого и Нового Света, позволил нам предпринять наше совместное кругосветное путешествие, которое как раз подходило к концу, завершаясь там же, где и началось пять лет назад.

В Лондоне.

Дом, милый дом! До чего же приятно в него вернуться!

Холмс расположился в кресле напротив. Любому другому человеку его поза показалась бы до крайности неудобной. Сыщик сидел скрючившись, словно рак-отшельник, не желающий покидать уюта гостеприимной раковины. Квадратный подбородок касался груди, голова была втянута в плечи, локти упирались в подлокотники. Длинные тонкие пальцы нежно оглаживали чубук трубки. В движениях не проскальзывало ни грама нервозности, хотя Холмс с самого утра не был в курительной комнате — единственном месте на борту «Цеппелина», где только и можно предаваться сему пороку без опасности для воздушного судна и его пассажиров. Курение табака давно уже стало для сыщика скорее способом концентрации ума, нежели действительной необходимостью.

Бесцеремонно вытянув длинные ноги в проход, Холмс предоставил прогуливавшимся по салону пассажирам преодолевать это препятствие самостоятельно. Дамы в платьях с кринолинами бросали на него неодобрительные взгляды, когда им приходилось приподнимать юбки до щиколоток и тянуть вверх колени. Впрочем, два джентльмена,





по виду типичные забияки со Стрэнда, попытавшиеся нарочно споткнуться о ноги Холмса, внезапно обнаружили, что препятствие, столь раздражавшее их утончённые натуры, в последний миг куда-то исчезло, заставив их едва не потерять равновесие. Багровея лицами и беззвучно бранясь, джентльмены, рассчитывавшие на добрую лондонскую ссору, были вынуждены продолжать бесцельное хождение по палубе.

«Граф Цеппелин» кружил над столицей Империи третий час подряд в ожидании разрешения на посадку. Все чемоданы давно были сложены, книги, взятые с собой в полёт, прочитаны, а в свете того, что азартные игры на борту дирижабля находились под строгим запретом, заняться было решительно нечем.

Полуприкрытые глаза великого сыщика скрывались за дымчатыми стёклами очков. До той минуты, когда он обратился ко мне, я был убеждён, что он пребывает в состоянии медитации, — а возможно, и просто дремлет, как и принято делать в послеполуденный час джентльменам нашего возраста.

Я вновь вернулся к созерцанию бескрайнего скопления разновеликих фуллеровских куполов далеко внизу. Я любовался ими вот уже который час подряд. Зрелище поистине зачаровывало.

Сверкающую, подобно друзе горного хрусталя, неоднородность лондонской Кровли здесь и там нарушали волнующиеся на ветру кроны городских парков в осеннем убранстве, шпили соборов да извилистая тёмная полоса Темзы, перечёркнутая местами прозрачными трубами железнодорожных и автомобильных мостов. Воздушные налёты последней войны оставили уродливые следы во вспененном пространстве



крыш: местами в бескрайнем сопряжении полупрозрачных пузырей зияли проломы, никто не спешил их заделывать — слишком немного времени прошло с той поры, когда смерть сыпалась с неба чёрным снегом, и слишком тяжким бременем для истерзанной войной экономики даже столь могущественного государства, как Великая Империя, было восстановление прежних блеска и великолепия.

Из обширного пролома в Кровле прямо под танцующим в турбулентных потоках «Цеппелином» торчал ржавый остов небесного левиафана. На опалённой перкали хвостового оперения явственно виднелись кайзеровский орёл и чёрный паук свастики.

Следы минувшей войны обнаруживались повсюду. Обугленные стены полностью выгоревших домов таращились слепыми провалами окон на усыпанные битым кирпичом пустыри на месте кварталов лондонского Сити — там, куда пилоты германских аэропланов кидали каролиниевые бомбы несколько лет назад. Кое-где сквозь бреши в Кровле в небо, и без того полное изрыгаемых вентиляционными трубами городских испарений, до сих пор поднимались столбы дыма и пара, зловеще подсвеченные снизу негасимым пламенем ядерного распада. Казалось, цепная реакция в полных огня кратерах на местах взрывов будет идти бесконечно — за прошедшие годы жар, исходящий от жерл рукотворных вулканов, не уменьшился ни на градус, и никто из уцелевших жителей этих районов не спешил возвращаться на насиженные места.

Рассветное небо над Лондоном было полно хаотического движения. Сотни летательных



аппаратов двигались одновременно во всех направлениях. Бипланы лондонского аэротакси ежесекундно взлетали с рельсовых направляющих и совершали посадку на предназначенных для этого участках Кровли. Громоздкие красные даблдекеры линий регулярного сообщения развозили в противоположных направлениях рабочих дневной и ночной смены сотен фабрик столицы, и лучи поднимавшегося солнца играли алыми отсветами на крутых боках небесных великанов. Частные аэропилы кишели в воздухе, ритмично трепеща полупрозрачными крыльями. Тысячи воздушных винтов месили крыльчатками лопастей лондонский смог.

Причальные мачты лётного поля Хитроу принимали до десяти воздушных кораблей за час, но не в силах были справиться с потоком прибывающих дирижаблей. Раз в четверть часа капитан «Графа Цеппелина» обращался к пассажирам, сообщая о подвижках в небесной очереди. Сейчас «Цепелин» был третьим в очереди на посадку и радиус описываемых им над столицей величественных кругов значительно уменьшился. Судно держалось поближе к мачтам, и публика приникла к окнам, сияясь разглядеть внизу хоть что-нибудь, способное пролить свет на причины внезапной задержки.

Причины эти, впрочем, на мой личный взгляд были весьма просты. В настоящую минуту все причальные мачты аэропорта были заняты обманчиво тяжёлыми телами дирижаблей, выкрашенных в невзрачный серо-голубой цвет, призванный прятать воздушный корабль в небе от глаз возможного наблюдателя. Ещё с полдюжины таких кораблей барражировали в отдалении над лондонским центром, и орудийные порты их



боевых галерей зияли зловещей чернотой. Вывернув шею, я смог разглядеть несколько неприметных серо-голубых силуэтов высоко над городом, выше уровня всех транспортных коридоров столичного неба.

Военные. Армия Её Величества взяла в свои руки контроль над городским небом. И, судя по тому, как бодро шла высадка солдат с причаленных транспортов, уже совсем скоро возьмёт под контроль и всё происходящее на земле.

Знать бы ещё, чем вызвано столь явственное оживление военных. Я открыл было рот, чтобы задать соответствующий вопрос своему другу, но он опередил меня.

— Взгляните вон туда, Ватсон. Да-да, на северо-восток. В направлении Паддингтона и нашего с вами дома. Там, между массивами парков, — видите?

Не очень-то надеясь на своё зрение, в последние годы не раз подводившее меня в ответственный момент, я опустил на глаза цейсовский бинокль своего походного шлема, покрутил колёсики настройки. Сначала я не видел решительно ничего. Потом разглядел на фоне тусклого золота и багрянца крон букв и вязов некую бесформенную массу, возвышавшуюся над деревьями и домами. Полчища птиц кружили в небе над парками, и сквозь их мельтешение виднелось покачивавшееся на ветру чёрно-белое веретено полицейского аэростата, вставшего на якорь неподалёку. В сравнении с загадочным предметом, который скрывало растянутое до земли и прихваченное здесь и там верёвками огромное полотно, аэростат выглядел миниатюрным. Предмет возвышался над Кровлей и на глаз



равнялся по высоте собору Святого Павла — а, возможно, и превосходил его.

— Что бы это могло быть, Холмс? — спросил я, не отрываясь от окуляров.

— Давайте-ка попросим стюарда принести утренние газеты, — услышал я в ответ. Голос сыщика был совершенно спокоен.

Несколько минут спустя мы уже шелестели ещё тёплыми листами только что отпечатанных в судовой типографии газет, которые были ночью получены из редакций по радиотелеграфу.

Передовица «Таймс» освещала успех доктора Кейвора и его команды, которые готовы были уже на следующей неделе представить вниманию всех заинтересованных лиц плод своих многолетних усилий. Под сводами Хрустального Дворца в Банхилле Кейвор собирался продемонстрировать публике детище Британского Общества Звездоплавателей — аппарат, способный пронести человека сквозь толщу земной атмосферы в безвоздушное межпланетное пространство, используя для этого принципиально новую технологию, нежели разработанные русскими учеными Циолковским, Цандером, Лосем и Туманским ракетные корабли, испытания которых сейчас также входили в финальную фазу.

На страницах «Обсервер» королева отзывалась о перспективах освоения иных миров скептически: «Зачем нам подвергать себя опасности новой войны с обитателями Марса, едва пережив прошлую войну миров?»

Самой интересной заметкой в «Дейли Телеграф» было сообщение о наблюдавшемся вчера в небе над Ла-Маншем атмосферном феномене. Пилоты звена бипланов береговой обороны стали свидетелями падения в воды пролива некоего предмета,



который они в один голос называли не иначе, как «зелёной кометой». При этом, с их слов, прежде чем кануть в свинцовые волны, странное небесное тело предпринимало попытки маневрировать в атмосфере. Военные психиатры признали пилотов вменяемыми, окулист Королевского госпиталя, подтвердив полное здоровье глаз лётчиков, исключил возможность оптического обмана. Объективно настроенные скептики из правительственных кругов настаивали на версии лунного света, отражённого метеозондом и преломлённого пузырьём болотного газа. В настоящее время к месту падения неопознанного объекта направлялись две субмарины флота ЕКВ.

«Полицейская газета» бесстрастно констатировала прокатившуюся по марсианским гетто Англии и Уэльса волну беспорядков. Причина недовольства головоногих осталась неясна. Особо отмечался тот факт, что полиция взяла ситуацию под контроль без использования специальных средств.

В пику основному печатному органу полицейского управления красная «Морнинг Стар» выступила с оголтелой проповедью борьбы марсиан за свои ущемлённые права и обратилась ко всей прогрессивной общественности Соединённого Королевства с призывом поддержать переселенцев с Марса, несправедливо угнетаемых земными капиталистами, в их революционном протесте.

«Файненшл Таймс» обрушивала на читателя каскад малопонятных цифр, прогнозы роста и падения индексов и котировок в связи с туманными намёками на изменение политической ситуации, интервью с влиятельными персонами мира денег, призывавших покупать и продавать акции обществ с совершенно неизвестными мне названиями. Пролистав её, я понял, что не понимаю



ровным счётом ничего в современной экономике, списав это на длительность нашего с Холмсом отсутствия на родине.

«Иллюстрейтед Лондон Ньюз» в статье без иллюстрации сообщало о готовящемся открытии возведённого у Букингемского дворца колоссального памятника королеве Виктории, который являлся даром городу Лондону от королевской семьи и данью уважения великой правительнице прошлого, именем которой была названа целая эпоха в истории не только Великобритании, но и всего мира в целом.

В глубоко презираемом мною за необоснованно злую критику моих «Записок» «Лондонском книго-чее», издании столь же скучном, как и те графоманские труды, которые он освещает, бросалась в глаза набранная крупным кеглем короткая заметка о том, что известный американский литератор Э.Р.Берроуз приглашает всю просвещённую публику на творческую встречу, которая состоится в книжном магазине «Симпкин и Маршал», где вниманию поклонников таланта будет представлен новый роман его столь популярного цикла о марсианских приключениях Джона Картера. Газета делилась с читателями сведениями о том, что творчеством м-ра Берроуза не на шутку увлечена сама Королева. Обсуждался вопрос, позволяют ли ей приличия посетить встречу с любимым писателем, или же он сам будет удостоен частной аудиенции во дворце.

Больше ничего интересного в свежей прессе не нашлось.

Холмс уже давно утратил интерес к чтению, небрежно свалив газеты на журнальный столик. Дождавшись, когда я переверну последнюю страницу, он нетерпеливо побарабанил пальцами по колену.



— Скука смертная, — сказал он. — Такие новости в первую очередь говорят об отсутствии новостей. Впрочем, это показатель стабильности в государстве и обществе.

Я кивнул.

— Вынужден согласиться с вами, друг мой. Меня не покидает чувство, что мы с вами никуда и не уезжали на все эти годы. Меняются названия фирм и имена политиков, но Британия по-прежнему кажется оплотом стабильности в нашем мире.

— Ага! Вот тут-то я вас и поймал, дорогой доктор! — воскликнул вдруг Холмс и расхохотался. — Вы всё тот же Ватсон, неспособность которого порой сложить два и два даёт мне некоторую надежду на то, что мой мозг по-прежнему работает чуточку лучше мозга среднего обывателя.

Я давно уже научился не обижаться на бестактные высказывания моего друга. Вот и на сей раз позволил себе лишь ироничную улыбку.

— Вы, разумеется, просветите меня о всей бездне моей ненаблюдательности, Холмс? — только и спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более смиренно.

Как и все гении, великий сыщик любил лести. То, что он способен был распознать её с полуслова, ничуть не мешало ему каждый раз получать истинное удовольствие от её выслушивания.

— Вне всякого сомнения, мой милый Ватсон — ответил Холмс, явственно смягчаясь. — Вне всякого сомнения. Но не сразу и не вдруг, это было бы слишком скучно. Мне бы хотелось, чтобы вы продолжили развивать в себе способности к дедукции.

— Безусловно, я приложу к этому все усилия, как и всегда, — безропотно пожал я плечами. — Однако с



годами человеческий разум лишь всё больше костенеет в собственных заблуждениях, а я не блистал способностью сопоставлять факты и будучи в расцвете сил. Смею вам напомнить — мы с вами давно разменяли по седьмому десятку, друг мой.

— Вздор! — фыркнул Холмс. — Не пытайтесь убедить меня в том, что вы одной ногой в старческом слабоумии, Ватсон. Ни за что не поверю. А что до умения делать верные выводы из очевидных и неочевидных фактов — ваша профессия сама по себе предполагает подобный стиль мышления. Вы же врач, Ватсон, пусть уже и не практикующий! Искусство постановки правильного диагноза во многом сродни работе сыщика. И тот, и другой должны верно определить убийцу — только в вашем случае это болезнь, а в моём — человек.

— Что ж, вы, как всегда, правы, Холмс, — сказал я. — Не вижу смысла не соглашаться с очевидным. Сделаю всё, что в моих силах, чтобы не разочаровать вас. Но пока мне не известно ни одного факта. Ведь даже содержание полученной вами телеграммы вы держите от меня в секрете, а в газетах, как вы сами имели возможность убедиться, нет и намёка на преступление, которое заслуживало бы вашего внимания.

— Нашего внимания, Ватсон, — поправил меня Холмс, многозначительно подняв палец. — Насчёт газет вы, разумеется, заблуждаетесь. Впрочем, это простительно, ведь у вас не все карты на руках. Одну минутку.

С этими словами он бодро отстучал ключом карманного телеграфа короткое сообщение. Через несколько секунд аппарат отозвался мелодичным звоном, оповещая, что сообщение получено адресатом, а ещё через несколько секунд разразился



трелью ответного послания, воспринять которое на слух я не смог. Ленту же Холмс отправил в корзину, небрежно скомкав, после чего с крайне довольным видом откинулся в кресле.

Я попытался и сам использовать дедуктивную методику, свидетелем успешного применения коей Холмсом оказывался не раз.

Адрес послания был коротким, даже на слух — куда короче положенных для связи в пределах города девяти цифр и уж тем более — двенадцатизначного междугороднего. Здесь же я чётко слышал короткую вступительную трель из трёх, максимум — четырёх знаков. Это означает, что адресат пользуется внутренним ретранслятором «Графа Цеппелина». Что в свою очередь говорит о его нахождении на борту в качестве пассажира или члена команды. Но в силу некоторых специфических привычек мы с Холмсом мало общались с соседями и так и не завели ни с кем не то что дружеских, но даже и приятельских отношений. С представителями команды или обслуживающего персонала дело обстояло приблизительно таким же образом, если не считать капитана, за столом которого мы дважды обедали. Но обеденные разговоры вряд ли можно считать достаточным основанием для близкого знакомства.

Есть ещё, правда, наша очаровательная секретарша мисс Хадсон...

Но тут мои дедуктивные способности пробуксовывали — зачем посылать телетайпограмму особе, с которой всё равно встретишься через несколько минут за утренним чаем?..

— Чего же мы ждём? — спросил я знаменитого сыщика через минуту, запутавшись окончательно. Как и всегда, когда намечалось новое дело, я чувствовал душевный подъём и нетерпение. Ещё



не зная сути предстоящего нам расследования, я испытывал сильнейшую жажду деятельности. Сила и энергия наполняли меня, заставив позабыть о гнёте лежавших на плечах лет.

— Недостающих звеньев газетной мозаики, — ответил Холмс. — Кстати, вот, кажется, и они.

Я уже и сам услышал дробный перестук каблучков по паркету палубы. Ему вторил лёгкий лягг цепной передачи и мягкие шлепки обрезиненных траков о палубный настил.

— Доброе утро, джентльмены, — произнёс у меня за спиной бархатный голосок с ноткой явно-го осуждения.

Холмс ответил преувеличенно учтивым кивком. В глазах его танцевали озорные искорки, а тонкие губы старательно сдерживали улыбку.

Я неловко повернулся в кресле на голос, и покалеченная спина отозвалась электрическим разрядом боли, скользнувшим вдоль позвоночника. Эхо последней войны. В такие минуты я был рад чувствовать боль. Боль — удел живых. После всех ужасов мировой бойни, после гекатомб Марны, Ипра и Вердена ощущать себя по-прежнему живым казалось странно — но до чего же замечательное это было чувство! Я сжал в кулак и снова разжал обтянутые лайковой перчаткой пальцы правой руки, механистической от плеча — протез работал безупречно.

Ни один из нас не прошёл сквозь геенну Великой войны, не изменившись. Все мы калеки, увечные кто телом, кто душой, а кто и душой и телом разом. Мой друг, которого гений его уникального таланта забрасывал в самые странные места воюющего с самим собой мира, тоже был опалён огнём охватившего планету безумия, пусть ему ни разу так и не пришлось оказаться даже



вблизи передовой за все эти годы. Удел же военного врача — быть там, где кровь, боль, увечья и смерть. Подобное способно закалить самую раннимую душу, но в то же время постоянное соседство смерти, и смерти страшной, превращает в романтика самого закоренелого циника.

Циник в моей душе отпустил русскую шутку насчёт седины и беса — к счастью, не сделав её достоянием ничьих более ушей. Помимо своей абсолютной неуместности, шутка ещё и не соответствовала действительности — никакой седины у меня не было и в помине. Со времён Великой войны мой череп совершенно лишён растительности. Я не стал опускаться до ношения парика или вживления совершенно естественных бровей, хотя доктор Поррот из парижской клиники долго преследовал меня подобными предложениями. Своего отражения в зеркале я давно уже научился не пугаться, хотя и не могу сказать, что оно особо меня радует. Вот только разве что усы... Перед рыжими накладными усами от Картье я не смог устоять. Отличного качества, не нуждаются в стрижке и выглядят как натуральные! Согласитесь, ветеран без усов выглядит куда менее респектабельно, чем тот же ветеран без бровей. Брови — всё-таки далеко не главное украшение мужчины.

— Вот то, что вы просили, мистер Холмс, — продолжила между тем обладательница волшебного голоса, и осуждение зазвучало в нём яснее. — Хотя ума не приложу, зачем вам могло понадобиться именно это!

На столик между нами упала новая пачка газетных листков — поверх уже лежащих там. С первых страниц на нас вызывающе таранились обнажённые красотки с игольно-острыми





сосками на впечатляющего размера грудях, застигнутые врасплох в чужих спальнях известные политики в спешке натягивали штаны, а мерзопакостного вида упыри вгрызались полужардовыми клыками в угодливо подставленные навстречу противоестественной алчности шеи томных молодиц — или же оплетали их тела похотливыми щупальцами.

В силу некоторых обстоятельств я давно научился краснеть, но ощущать себя неудобно при щекотливых ситуациях так и не перестал.

— И впрямь, что это, Холмс?! — с негодованием спросил я. — Неужели вы полагаете соответствующим нормам приличия — заставлять юную даму смотреть на это, пусть даже и по долгу службы?

— Не думаю, что дама против, доктор, — заметил мой друг, погружаясь в лихорадочное перелистывание дешёвой желтоватой бумаги газетных страниц.

— Вы совершенно правы, мистер Холмс, — последовал ответ, интонацию которого можно было бы счесть презрительной или даже высокомерной, не будь он произнесён столь чарующим голосом.

Развернувшись наконец в своём кресле, я встретил полный негодования взгляд пары самых зелёных глаз, какие мне только приходилось видеть за мою долгую жизнь. Глаза смотрели на меня с милovidного остроносого личика, белую кожу которого усеивала россыпь очаровательных веснушек. Зелёный тренкот плотно облегал стройную фигурку, изрядно натягиваясь на пышной груди, обшлага его рукавов и ворот украшали петли, отороченные красным шнурком, огненно-рыжие локоны ниспадали на плечи из-под озорной охотничьей шляпки с пером, и — о боже, да! — она



носила брюки, заправленные в голенища высоких сапог, которые в прошлом, когда лошади ещё не вымерли от Коричневой Чумы, назывались сапогами для верховой езды.

— Доброе утро, мисс Хадсон, — выдавил я, как всегда досадуя на неизменно подводивший меня в такие моменты голос. Я знал, что она находит это милым. Вот и сейчас она улыбнулась мне, и я поспешил сказать: — Вы совершенно потрясающе выглядите сегодня, сударыня. Впрочем, как и всегда.

— Вздор! — остренький носик сморщился в очаровательной гримаске неудовольствия. — Внешнее всё — абсолютный вздор! И зовите меня сегодня... хм... пожалуй, Анжеликой. Да! Сегодня — Анжелика. Но не старайтесь запомнить этого имени, доктор. Как и все имена, оно мимолётно и не имеет ничего общего с сутью той свободной личности, каковой я являюсь. А всё это навешивание ярлыков придумано мужчинами, сторонниками оголтелого домостроя и стремящимися поименовать и всё сущее в мире! Ха! Это всё не более чем попытка метить территорию, против которой должна уметь выступить каждая прогрессивная женщина!

Крайние, а порой и просто абсурдные проявления исключительной независимости характера юной эмансипэ не переставали озадачивать меня. Холмс же не обращал внимания на причуды нашей прекрасной секретарши, пропуская их мимо ушей с поразительным хладнокровием. Если я всё ещё старался запомнить каждое из потока ежедневно, а порой и по несколько раз на дню меняющихся имён, уважая стремление юной дамы к самовыражению, то мой друг быстро научился обходиться ни к чему не обязывающими



обращениями, вроде «сударыня», «юная леди» или просто «мисс Хадсон».

Как ни странно, наша юная суфражистка прощала ему подобное поведение. Иногда, в наиболее меланхолические минуты, я начинал подозревать, что причиной тому — остатки детской влюблённости мисс Хадсон в знаменитого детектива, истории о приключениях которого она слышала от своей бабушки, той самой Миссис Хадсон, чью квартиру мы с Холмсом снимали едва ли не полвека назад, в самом начале нашего с ним сотрудничества.

Мисс Хадсон ворвалась в неторопливое течение нашей с Холмсом жизни два года назад с сокрушительностью и непреклонностью цунами. Мы с моим знаменитым другом тогда как раз путешествовали по Американским Штатам, где вели расследование крайне запутанного дела, основным фигурантом которого был некий мистик креольской крови, отзывавшийся на имя Барон Суббота. Возникнув на пороге нашего номера в отеле во Французском квартале Нью-Орлеана и потрясая рекомендательным письмом своей бабушки и свежотпечатанным дипломом выпускницы Гарварда, новоиспечённый юрист женского пола просто-напросто припёр нас к стенке и вынудил принять себя на давно пустующее место секретаря. И следует сказать — никогда впоследствии ни я, ни мой друг не пожалели об этом скоропалительном и несколько вынужденном решении.

Одним из несомненных достоинств нашей помощницы являлось её умение управляться с Дороти — картотечным автоматом с крайне вздорным характером. Мой излишне



рациональный друг, вечно стремящийся упорядочить всё и вся, обрёл квинтэссенцию вожделенной упорядоченности в сём нелепом предмете — и тут же превратил его в объект тайной гордости и явных насмешек. Разработанный в мастерских Томаса Эдисона механизм, представлявший собой гибрид картотечного шкафа, печатной машины с пароэлектрическим приводом, сверхбыстрого бэб-биджева исчислителя с алмазными подшипниками в счётных шестернях и валах, а также тележки садовника на гусеничном ходу, был презентован Холмсу американским президентом несколькими годами ранее «за исключительные заслуги перед народом Штатов Северной Америки».

Информация, которую хранил в своих тикающих недрах этот ящик на каучуковом ходу, сделала бы честь Библиотеке Конгресса — но вот воспользоваться ею, а тем более воспользоваться эффективно, оказалось практически не под силу двум таким джентльменам старой формации, как мы с моим компаньоном. Обращение с машиной, получившей имя Дороти от шутника-лаборанта, требовало адова терпения, а его-то нам с Холмсом не доставало. От неминуемой расправы чудомашину спасло появление мисс Хадсон, с которой они вскорости образовали весьма эффективный, хотя и странный дуэт.

Сейчас Дороти замерла рядом с нашей прекрасной секретаршей, время от времени взвзгивая скрытыми под корпусом красного дерева шестернями исчислителя. Надраенный до блеска атомный котёл негромко шумел, выпуская время от времени лёгкие облачка пара сквозь предохранительные клапаны. Облитые резиной гусеницы сохраняли в целости драгоценный паркет прогулочной палубы, а встроенный гироскоп позволяя



автоматону с лёгкостью маневрировать среди разбросанных по салону столиков, не смахивая на пол посуду и не нанося непоправимых повреждений дубовым панелям переборок.

— Вы ввели в неё те исходные данные, что я просил, мисс Хадсон? — спросил Холмс, не отрываясь от бульварной газетёнки.

— Разумеется, мистер Холмс, — ответила та, не достаивая своего работодателя взглядом и упрямо вздёргивая подбородок.

— Вот оно — нынешнее поколение, Ватсон, — усмехнулся Холмс. — Умеет врать, не моргнув и глазом и даже не покраснев.

— С чего вы взяли, что мисс Хадсон... Анжелика... гм, говорит нам неправду? — Поспешил я встать на защиту профессиональных (да-да, именно профессиональных, и только!) качеств нашей очаровательной помощницы. — Вы ведь даже не взглянули на неё, а характерных для лжи модуляций в её голосе не уловил даже я. Уж поверьте мне, я знаю, о чём говорю, и пока не оглох.

— Я верю вам, мой друг. На секретной службе Её Величества вы должны были овладеть навыками распознавания лжи, — ответил Холмс, заставив меня молниеносно обвести зал пристальным взглядом в поисках гипотетической подозрительной особы, могущей с излишним вниманием прислушиваться к нашему разговору. Когда таковой не обнаружилось, я с облегчением позволил себе вздохнуть и укоризненно взглянул на Холмса. Но голос всё-таки приглушил — некоторые привычки неистребимы.

— Холмс, ведь мы же с вами, кажется, договаривались, что о некоторых вещах...



Но меня на полуслове перебила мисс Хадсон со свойственной ей бесцеремонностью:

— Вздор! Ни один из пассажиров не находился в опасной близости в тот миг, когда мистеру Холмсу приспичило открыть миру государственную тайну, — язвительно сказала она.

— Холмс! — вскричал я шёпотом, разрываясь между праведным возмущением и нежеланием привлекать к нашим персонам излишнего внимания, — Вы же обещали, что никому!!!

— Мистер Холмс здесь совершенно ни при чём, — спокойно и даже несколько снисходительно ответила за моего друга мисс Хадсон, одновременно наливая мне порцию шерри, которую я проглотил залпом, не почувствовав вкуса. — Всё дело в верном сопоставлении фактов, легко доступных любому наблюдательному человеку. Разница заключается лишь в инструментах, которые мы с мистером Холмсом используем для этого сопоставления. Ему достаточно его собственного гениального мозга, мне же приходится обращаться за помощью к Дороти, скармливая ей огромное количество отобранных данных, и если данные эти закодированы правильно — вуаля! Мой метод гораздо эффективнее и прогрессивнее и имеет всего лишь один недостаток — иногда приходится долго скучать в ожидании результата. Зато этот метод совершенно научен, абсолютно беспристрастен, не подвержен влиянию человеческой ограниченности и начисто лишён мужского шовинизма!

— И что характерно, мисс Хадсон сейчас говорит чистую правду, — донёсся голос Холмса из-за газеты, которой он, словно ширмой, отгородился от вспышки моего гнева. Опустив зашелестевшие листы, он взглянул на меня с тем уже привычным



сочувствием, с которым человек о двух руках и двух ногах смотрит на безногого и безрукого калеку: и жаль, и не поможешь... — Не ломайте голову, Ватсон, старина. Отражение лица мисс Хадсон...

— ...в лицевой панели Дороти, — кивнул я, и Шерлок Холмс отсалютовал мне своим бокалом.

Дороти отозвалась мелодичным звоночком. Из прорези на передней панели серпантинном поползла перфолента. Мисс Хадсон расправила её, пробежала глазами по прихотливому узору отверстий.

— Я полагаю, ответ гласит: недостаточно данных.

Голос Холмса был сух и бесцветен, чего нельзя сказать о румянце, мгновенно залившем щёки нашей секретарши и сделавшем её донельзя трогательной. Она с досадой закусила губу и, помедлив, с явной неохотой кивнула. Потом вскинула на Холмса сузившиеся глаза, полыхнув из-под светлых ресниц изумрудным огнём негодования. Она готова была признать свою вину, но нисколько не раскаивалась в содеянном, что и подтвердила тут же, решительно заявив:

— Я сочла, что вводить в машину сведения личного плана об особе королевских кровей, да ещё и составляющие врачебную тайну...

— Безнравственно? — понимающе спросил Холмс, видя её невольное замешательство.

— Да! — порывисто ответила мисс Хадсон и снова метнула на моего друга негодующий взгляд. — Именно безнравственно! Думаю, доктор Ватсон поддержит меня. Тайна пациента не должна быть предметом машинных расчётов, призванных удовлетворять чьё-то праздное любопытство!

Я пожал плечами и постарался ответить со свойственной настоящему врачу осторожностью.



— Мисс Хадсон безусловно права... Однако, как мы с Холмсом не раз имели возможность убедиться на собственном опыте, далеко не всегда интересы личности и неприкосновенность её прав могут перевесить то благо, которое общество получает при их сознательном игнорировании особами, выполняющими поручение... эээ... особого свойства и при обстоятельствах, носящих...эээ... особый характер...

— Доктор! — возмущению Анжелики не было предела. Глаза её гневно сверкали, грудь вздымалась самым пикантным образом, заставив меня на время позабыть о сути нашего спора. — Не ожидала от вас...

— С годами становишься всё большим циником, — развёл я руками. Правая издавала при движениях лёгкое жужжание. — Со временем вы поймёте, надеюсь...

— Не списывайте свою аморальность на возрастную деградацию, доктор! Так можно позволить себе слишком многое, оправдывая любое сотворённое безобразие снижением самокритики в результате старческого слабоумия!

— Я попросил бы вас, милочка... — возразил я, чопорно поджимая губы напоказ и втайне наслаждаясь восхитительным зрелищем, ибо гнев делал нашу юную суфражистку поистине прекрасной, но тут Холмс язвительным хмыканьем пресёк начинающуюся перепалку.

И к счастью, ибо на самом деле мне решительно нечего было сказать. Честно говоря, я находился в совершеннейшем замешательстве. И я был даже рад, когда, приложившись как следует к бокалу хереса, поперхнулся и раскашлялся до слёз — кашлем было легче прикрыть охватившее меня смущение. Мисс Хадсон участливо похлопала меня по спине изящной ладошкой.



— Вот и я возмущена до глубины души, — доверительно шепнула она мне в самое ухо, ошибочно истолковав причину затянувшегося приступа кашля. — Мало того, что мужчины считают себя вправе измываться над женской душой и ни в грош не ставят женский разум, так они ещё и бессовестно лезут своими руками в самые интимные места женского тела, чтобы потом продать кому ни попадя открывшиеся им тайны!

Я несколько опешил от суффражистской трактовки невинной процедуры гинекологического осмотра — мероприятия, безусловно, крайне интимного и требующего совершенно особенной степени деликатности от врача, занимающегося подобными манипуляциями, но абсолютно необходимого для контроля за здоровьем женщины — и совсем уже было собрался указать нашей воительнице, что она сражается с ветряными мельницами, тем более что университеты по всему миру который уже год увеличивали набор женщин на медицинские факультеты, но тут Холмс вышел из оцепенения и в зародыше задавил вновь наметившуюся ссору.

— Предлагаю пари, друзья мои! — объявил он. В его глазах появился тот лихорадочный блеск, который обычно порождали лишь морфий или предвкушение близкой разгадки дела. От пагубного пристрастия к опию и его производным Холмс решительно отошёл сразу после войны, примерно в то же время приобретя любовь к ношению гоголов с затемнёнными стёклами, регулярному посещению стоматолога, а также весьма своеобразные гастрономические предпочтения. Я уважал эти его мелкие слабости, куда менее вредные для здоровья, ибо сам к тому времени обзавёлся некоторыми секретами из разряда тех, что не обсудишь даже с лучшим другом.



— И в чём суть этого пари? — спросил я.

— Вам, Ватсон, я готов доказать, что дело уже есть, пусть даже нас с вами ещё не привлекли к его расследованию.

— Неудивительно, Холмс, — пожал я плечами в который уже раз за последние полчаса. — У вас есть телеграмма, содержание которой никому более неизвестно.

Словно козырную карту, способную переломить ход партии, Холмс бросил сложенный вчетверо бланк телетайпограммы на стол. Глаза его лучились торжеством. Мой тщеславный друг явно наслаждался происходящим.

Я потянулся было к клочку бумаги, но металлические пальцы поймали лишь пустоту с приглушённым кожей перчатки лязгом: мисс Хадсон оказалась быстрее. Развернув телеграмму, она жадно впиалась взглядом в те несколько слов, что я смог разглядеть на бумаге. По лицу её пробежала тень разочарования и досады. Фыркнув, она протянула бланк мне.

Телеграмма, адресованная мистеру Шерлоку Холмсу, борт трансатлантического лайнера «Граф Цеппелин», гласила: «Мой мальчик вскл ты очень вовремя тчк ждём нетерпением тчк твой м тчк».

— И всё?! — спросил я, не веря своим глазам. — Восемь слов, одна буква и четыре знака препинания?!

— Именно! — беззаботно отозвался Холмс. — Стоимость один шиллинг два пенса, с учётом авиатарифа.

— И на основании этого вы сделали вывод о том, что нас ожидает дело государственной важности?!

— Вне всякого сомнения, друг мой. Вне всякого сомнения, — ответил Холмс.



— Потрудитесь объяснить, — потребовал я, чувствуя нарастающее раздражение — иногда мой компаньон бывает просто невыносим!

— Всею своё время, друг мой, всею своё время, — Холмс был совершенно невозмутим. — Пока же могу лишь сказать вам, что только один человек на свете, подписывающий свои послания литерой «М», способен называть меня «своим милым мальчиком», особенно если учитывать мой настоящий возраст.

— «М»? Неужели... — начал было я, вспомнив начало нашей сегодняшней беседы, но Холмс прервал меня с довольно обидным смехом.

— Конечно же нет, мой добрый друг, — сказал он, отсмеявшись. — Не Мориарти. Это мой брат Майкрофт. Серый кардинал Британской Империи собственной персоной.

— Майкрофт Холмс? Но почему же...

— Почему он не воспользовался официальными каналами, не обставил всё с присущей случаю помпой, хотите вы спросить? Почему нас не снял с борта «Цеппелина» гербовый аэропил? Почему почётный караул не выстроился в каре на лётном поле, а к трапу не раскатали красную ковровую дорожку? Это вы хотели бы знать, мой друг?

Я лишь слабо кивнул в ответ.

— Гроши, потраченные короной на это послание, являются частью способа поведать человеку моих умственных способностей гораздо больше, чем сказал бы мне самый исчерпывающий отчёт по делу. Учитывая то, что любая информация может быть перехвачена, похищена и расшифрована, надо обладать поистине титаническим умом, умом, схожим по своей организации с моим собственным, чтобы рассказать всё, не сказав ничего. С этой задачей мой брат справился блестяще.



— Я по-прежнему ничего не понимаю, — вынужден был признать я. Мисс Хадсон кивнула в знак согласия. Дороти промолчала.

— Отлично! — обрадовался Холмс. — Значит, для части заинтересованных лиц и для огромной массы людей незаинтересованных, но донельзя любопытных, падких на сенсации и склонных к спонтанным, по ситуации, реакциям — я имею в виду рядовых английских обывателей, Ватсон, — для всех этих людей дела, представляющего для нас глубочайший интерес, попросту не существует. Ситуация всё ещё под контролем. И уж простите меня, что для того чтобы прийти к подобным выводам, мне снова приходится ориентироваться на вас. Да, кстати, Ватсон, просмотрите-ка бегло и все эти, столь ненавистные вам, жёлтые листки.

— Но зачем? — удивился я.

— Хотите узнать правду о событиях — обращайтесь к таблоидам и жёлтой прессе, Ватсон. Отсутствие цензуры не всегда пагубно отражается на свободе слова. Среди тонн вранья на страницах бульварных газетёнок можно отыскать зерно истины. Но вряд ли вы найдёте его в причесанных статьях официальных изданий. Намёки — быть может, но не более. Чтение между строк — великое искусство, друг мой, и им я овладел в совершенстве. Теперь ваш черёд.

Я послушно погрузился в чтение, испытывая смутное — а порой и вполне отчётливое — омерзение от сопричастности к скандалам, преступлениям и человеческим порокам, которые были основной мишенью изданий «для масс». Мисс Хадсон затаив дыхание читала заметки через моё плечо. Я чувствовал лёгкий аромат зелёного чая, исходящий от её волос.



«С пылу с жару» посвятило большую статью явлению, которое горе-писатели помпезно именовали Вторым нашествием марсиан. Приводились интервью с сектантами из Церкви Исхода Человечества, которым в мескалиновых галлюцинациях во время варварских обрядов в их капищах являлись обожествляемые ими обитатели Красной Планеты, предсказывавшие скорый конец человеческой цивилизации и торжество царства головоногих. Сектанты не призывали никого покаяться во имя спасения — они лишь злорадовались, утверждая, что не спасётся никто.

«Вестник астрологии и астрономии» напечатал крайне размытые и невнятные дагерротипические изображения марсианской поверхности в районе вулкана Олимп и Цидонии, полученные учёными обсерватории в Кордильерах. Пририсованные от руки корявые стрелки указывали на зоны пыльных бурь, которые, согласно утверждениям журналистов, являлись последствием новых выстрелов сверхорудий марсианских агрессоров в сторону Земли. Смаковались ужасные подробности инопланетного вторжения четвертьвековой давности и предсказывались ещё более кошмарные перспективы для населения Земли в самом ближайшем будущем. При чтении этих восторженных заявлений по моей спине бежали мурашки.

«Криминальная Британия» поразила меня в изобилии рассыпанными по своим страницам подробностями жесточайших убийств, хитроумных ограблений, финансовых махинаций и прочих преступлений. Такой размах преступности в наше просвещённое и добропорядочное время ужаснул меня до глубины души. Усилия полиции и министерства внутренних дел по искоренению преступности на территории Соединенного



Королевства откровенно высмеивались авторами статей, и я никак не мог уяснить для себя, на чьей всё-таки стороне находились люди, так обстоятельно описывавшие подробности столь безобразных происшествий. Воистину, мир уверенно вступал в эру преступников, во времена негодяев. В Эру Морiarти.

Моё внимание привлекла украшенная аляповатыми рисунками записка о ритуальном убийстве в заброшенном особняке в Ричмонде, который пустовал вот уже больше трёх десятилетий. Рисунки изображали расчленённое человеческое тело, части которого были разложены по линиям странного, напоминающего пентакль, рисунка на полу заброшенного дома. Линии рисунка явно были нанесены кровью жертвы — цитировалось заключение коронера, согласно которому ткани тела покойного были таинственным образом иссушены до состояния мумификации. Приводились также показания почтенных членов общества, убелённых сединами господ Филби и Бленка, которые опознали в покойном хозяина дома, своего давнего знакомого, полубезумного изобретателя, пропавшего лет тридцать назад во время одного из своих нескончаемых экспериментов по исследованию природы пространственно-временного континуума. По их словам, с момента исчезновения он практически не изменился, и коронер подтверждал, что тело принадлежит мужчине в расцвете сил, а вовсе не дряхлому старику, каким бы покойному в таком случае полагалось быть. Имя жертвы в интересах следствия не разглашалось.

Мисс Хадсон при виде рисунка испуганно вскрикнула, зажав рот ладонью, и стремглав покинула салон. Я укoризнeннo взглянул на Холмса. Тот лишь развёл руками.



— Я считаю, что леди не должны касаться подобных мерзостей человеческого бытия, — сказал я. — Это всё-таки слишком.

— Наша прекрасная помощница сама выбрала свою стезю борца с преступностью, — отмахнулся Холмс. — А посему следует предполагать, что на её пути будут встречаться не только изображения мест преступлений в прессе, но и сами эти места. Вы не находите, Ватсон, что для убеждённой суфражистки и эмансипэ наша юная мисс Хадсон чересчур впечатлительна?

— Смею полагать, это у неё возрастное, — сказал я в ответ. — Не впечатлительность, конечно, а склонность к новомодным течениям. Молодёжи свойственен бунтарский дух. С годами из наиболее отъявленных возмутителей спокойствия получаются самые ответственные отцы и самые заботливые матери. За годы бунта и войны лучше всего учишься ценить покой, стабильность и порядок. А потом приходит новое поколение с новыми бунтарями, и всё начинается снова. Таков великий круг жизни, Холмс.

— Да-да, мой друг, вы правы, — сыщик вновь сделался рассеянным. Он забормотал себе под нос: — Круги... витки... спирали... Да-да, всё возвращается. И все возвращаются. Вне всякого сомнения.

Голос его становился всё невнятнее и наконец затих и вовсе. Взгляд потерял осмысленность и устремился в никуда. Потом, встрепенувшись, он снова вернулся в реальность.

Одновременно с этим к нам присоединилась и мисс Хадсон, несколько бледная, но уже вполне успокоившаяся.

— Вы будете свидетелем, мисс Хадсон, — заявил Холмс, сверля её взглядом, отчего



девушке явно было не по себе. — Совсем недавно я предложил доктору Ватсону пари, от которого он не стал отказываться с достойной джентльмена решительностью. Суть пари сводится вот к чему. Я берусь доказать, что дело, к расследованию которого мы будем в ближайшее время привлечены, в чём не может быть ни малейших сомнений, уже раскрыто мною. По сути, это и было — будет — делом на половину трубки. Кроме того, я хочу продемонстрировать превосходство аналитических способностей человеческого мозга над вычислительными способностями одной из самых совершенных машин, созданных человеком именно для того, чтобы в кратчайшие сроки сопоставлять и обрабатывать огромные объёмы информации. Я берусь объяснить вам всю последовательность размышлений, которые приведут вас и уже привели меня к успеху в расследовании — но лишь по мере того, как следствие будет выявлять всё новые и новые детали общей мозаики. Пока же я напишу на бумаге несколько слов, запечатаю их в конверты, а потом вручу их вам, Ватсон. В нужный момент мы будем вскрывать один из них и сравнивать выводы, сделанные вами в ходе расследования, с моими предварительными догадками. Попробуем объединить в грядущем расследовании дедукцию и интуицию и посмотрим, которой из них следует больше доверять.

Своим летящим почерком Шерлок Холмс написал на клочках перфоленты Дороти несколько слов, а потом разорвал эти куски на более мелкие части. Каждый из кусочков бумажной ленты содержал сейчас одно-два слова. Холмс тщательно свернул клочки бумаги в несколько раз таким образом, чтобы надписей на них не было видно,



и понумеровал их, нанеся цифры на внешнюю поверхность каждого из свертков.

Цифр, как и пакетов, было семь. От размашистой единицы до корявой семёрки.

Холмс раскрошил остатки сургуча, запечатававшего прежде конверт с телеграммой, и пробормотав: «В конце концов, она мне никогда не нравилась...», засыпал крошево в чашечку глиняной трубки.

— Ватсон, я рассчитываю лишь на вас в этом царстве запрещённого огня!

Я усмехнулся и протянул руку к трубке, по-особому напрягая локоть, оставленный на полях сражений и существующий ныне только в моём воображении. Древние мистики утверждали, что воображение способно творить настоящие чудеса и само по себе — что уж говорить о его сочетании с последними достижениями науки и техники! Отдав ментальный приказ, я почувствовал, как заурчал, словно довольный кот, миниатюрный атомный котёл в металлической сфере на месте бывшего плечевого сустава. Стянув перчатку, я явил миру чудо поствикторианской технологии, заменившее мне утраченную во время Великой войны конечность.

Сияющая медь суставов, латунный блеск гидравлических цилиндров, воронёная сталь фаланг, испещрённая гравировкой... Настоящее произведение искусства. Слияние инженерной мысли лучших умов человечества и трофейной технологии побеждённых марсиан.

Понимая, что открытый огонь на борту дирижабля явится слишком сильным нарушением правил безопасности, я решил ограничиться использованием лишь нагревательного элемента. Концевая фаланга указательного пальца раскалилась



докрасна в течение нескольких секунд, и сургуч в трубке растаял грязно-коричневой лужицей. Холмс ловко капнул получившимся расплавом на каждый из семи конвертов, запечатывая их. Усмехнувшись, я оттиснул в остывающем сургуче монограмму JW, украшавшую каждый из моих искусственных пальцев.

— Пари принято, — резюмировала мисс Хадсон.

Холмс невозмутимо кивнул и отложил испорченную трубку на край стола, потеряв к ней всяческий интерес.

— Я следил за вашими глазами, Ватсон, когда вы изучали газеты. Это было небезынтересно, и я бы даже сказал поразительно! Вы уделили внимание именно тем статьям, что содержат информацию, на основании которой мне и удалось раскрыть ещё только предстоящее нам дело. Теперь вы располагаете тем же набором фактов, что и я. Я с интересом буду следить за тем, как вы станете выстраивать из них логические цепочки, друг мой. Вы же, мисс Хадсон, по мере продвижения нашего расследования потчуйте нашего верного автомата уликами и наблюдениями. Мне крайне интересен результат вычислений, хотя я и по-прежнему уверен в превосходстве человеческого гения над машинной логикой.

— А что стоит на кону, Холмс? — спросил я, несколько обескураженный, но заинтригованный.

— Моя репутация, дорогой Ватсон, — рассмеялся Холмс. — Всего лишь моя репутация! И успех ваших грядущих заметок, разумеется. Ну и, конечно же, судьба Империи, но когда было иначе? Все мы тут лица заинтересованные, как ни крути...



Но тут его хриловатый смех был перекрыт голосом капитана «Графа Цеппелина», с сильным немецким акцентом объявившим из репродукторов салона о том, что дирижабль готовится к стыковке с причальной мачтой.

\*\*\*

К встрече с климатом родных Островов мы подготовились загодя, но кондиционированный воздух пассажирских палуб «Графа Цеппелина» с регулируемой термостатикой способен расслабить самые непрехотливые и выносливые натуры, а потому свежий ветерок, встретивший нас в открытой клетке подъёмника причальной мачты, показался неожиданно холодным. Пробравшаяся под пальто прохлада осеннего лондонского утра заставила нас ёжиться, и я почувствовал, как стремительно зябнут все члены моего тела, а сильнее всего — рука, которой давным-давно уже не было. И хотя моему изменённому организму теперь уже не могли причинить вреда и куда более сильные температурные перепады, но древние мистики в который раз оказались правы: воображение — великая сила.

Холмс выглядел настоящим щёголем в тёмно-пурпурной крылатке и того же цвета цилиндре. Ветер выдергивал роскошные волосы мисс Хадсон из-под кокетливо сдвинутой на висок шляпки и бессовестно их развевал, делая её мишенью заинтересованных мужских взглядов; она же, сохраняя полную невозмутимость, всем своим существом излучала крайнюю степень презрения в адрес многочисленных обладателей подобного интереса. С трудом заставив себя отвести глаза от стройной фигуры, столь соблазнительно





обтянутой тонким зелёным сукном высшего качества, я поглубже нахлобучил сиреневый — по последней заокеанской моде — котелок, заменивший привычный походный шлем, и спрятал руки в глубоких прорезных карманах пальто. Пальто на мне тоже было сиреневым, в тон шляпе.

Лифт скользнул вниз по направляющим, и грузное брюхо «Графа Цеппелина» заслонило от нас небо.

— Никогда не подумывали о личном дирижабле, Ватсон? — спросил вдруг молчавший доселе Холмс.

— Как-то не приходило в голову, друг мой, — ответил я. — Я всё-таки врач, и потому привык ставить перед собой реальные цели.

— Я верю, что через столетие в каждой лондонской семье будет по дирижаблю, а то и не по одному, — сказал Холмс, мечтательно скользя взглядом по украшенным изображениями орлов покатым бокам воздушного исполина.

— И каким образом хозяева станут парковать их на ночь? — спросил я, чем, к моему глубокому удовлетворению, преизрядно озадачил своего друга.

До самой земли он так и не нашёлся, что ответить.

На лётном поле нас встречали.

— Майкрофт, — Холмс шагнул навстречу дородному мужчине в неброском, но несомненно дорогом длиннополном пальто. Когда они оказались на расстоянии шага друг от друга, несомненным стало их явное фамильное сходство. Обниматься братья не спешили, предпочтя ограничиться рукопожатием.

— Шерлок, мой мальчик, — отозвался советник. Протянул руку мне, коснулся шляпы и слегка



поклонился нашей спутнице: — Доктор. Мисс Хадсон.

Время было не властно над братьями. Майкрофт лишь чуть сильнее раздался в талии и совершенно поседел. Взгляд его глаз цвета стали по-прежнему был цепок, высокий лоб пересекали морщины, свидетельствующие о постоянном умственном напряжении, которое сопутствовало старшему Холмсу в течение всей его долгой жизни.

Вместе с ним нас встречал немолодой, но крепкий человек, обладатель высокого роста и армейской выправки. Лицо его показалось мне знакомым, но пока я силился вспомнить имя, Шерлок Холмс уже обменялся с ним рукопожатием и обернулся ко мне.

— Вы, разумеется, помните инспектора Стенли Хопкинса, Ватсон? В прошлом мы не раз пересекались с ним в наших совместных с лондонской полицией расследованиях.

— Безусловно, помню, — я с удовольствием пожал протянутую мне крепкую ладонь. Улыбка инспектора была открытой, в светлых глазах читалось облегчение. Предстоящее нам дело, похоже, превосходило своей сложностью немалые возможности Скотланд-Ярда. Я почувствовал нарастающее внутри возбуждение гончей, услышавшей звук рога.

— С прибытием на английскую землю, леди и джентльмены, — приветствовал нас Хопкинс. — Прошу следовать за мной. Машина ждёт нас.

У края лётного поля нас ожидала стремительных обводов двухколёсная машина с каучуковым корпусом, удерживаемая в равновесии ротором огромного маховика. Когда все мы разместились



в её просторном салоне, она рванулась с места, вдавливая нас в мягкие кресла перегрузкой ускорения.

— Не хотите ли по пути ввести нас в курс дела, братец? — обратился к Майкрофту мой друг, когда за широкими окнами автомобиля замелькали высаженные вдоль дороги деревья, а палая листва длинным шлейфом закружилась позади во взвихрённом стремительном движении воздуха.

— Вы всё скоро увидите сами, джентльмены, — отозвался Майкрофт. — Здесь совсем недалеко.

— Прекрасно! — младший из Холмсов откинулся на спинку кресла и устроился поудобнее. — В таком случае, скорее везите нас к вашему марсианину.

Машину ощутимо тряхнуло — это сидевший за рычагами управления Хопкинс вздрогнул от неожиданности. Взяв себя в руки, он бросил на знаменитого детектива восхищённый взгляд через плечо, впрочем, не задав ни единого вопроса. Майкрофт же хранил невозмутимое молчание, однако его тонкие губы подрагивали, словно он изо всех сил гнал прочь призрак улыбки.

Я видел, как округлились от удивления зелёные глаза мисс Хадсон, сидевшей напротив, и чувствовал, что тоже не вполне владею своим лицом. Мне пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы не задать так и норвящий сорваться с языка вопрос. Чтобы отвлечься, я стал вспоминать, глубоко ли среди багажа запрятан мой верный кольт, заряженный смертоносными кислородными пулями. В какой-то момент я обнаружил, что моя механистическая рука сама собой ползёт по бедру, направляясь



к карману, в котором лежат собственноручно опечатанные мною конвертики, предположительно таящие в себе до поры ответы на все вопросы предстоящего расследования. Разумеется, я тут же пресёк поползновение чересчур самостоятельной конечности и привёл её к послушанию, заставив выстукивать по колену мотивчик популярной бродвейской шансонетки.

Дальнейшая поездка прошла в молчании. Наш автомобиль нырнул в рассеянный Кровлей свет хмурого лондонского утра, и вокруг замелькали многоэтажные дома, соединявшиеся на разных уровнях бесчисленным множеством пешеходных мостиков и паутиной канатов, по которым во всех направлениях скользили над улицей на роликовых подвесках пестро одетые люди.

Хопкинс ловко встроил автомобиль в сплошной поток разновеликих экипажей, и в течение долгих минут мы наблюдали в окнах то вздымавшийся над нами исполинский бок цистерны-водовоза, то припавший к самому покрытию дороги распластаный силуэт спортивного суперкара какого-нибудь богача, то стайки моноциклов, управляемых затянутыми в кожу седоками со скрытыми под гоглами лицами.

Грейт-Вест-Роуд выскочила из-под Кровли близ Королевских ботанических садов, и мокрая листва деревьев расцветила столичную серость многоцветьем осенних красок. Потом дорога снова ушла под Кровлю, мы миновали Чизвик и вновь оказались под открытым небом у Найтсбриджа — совсем рядом с парками Центра и резиденцией августейших особ. Я чувствовал, как сердце моё наполняется священным трепетом, понятным каждому англичанину.



\*\*\*

Первое, что бросилось в глаза, когда мы выбрались из нашего экипажа, было изобилие мундиров цвета хаки, взгляд натыкался на них, куда ни глянь. А в небе над площадью с криком кружили птицы — тысячи птиц.

Хопкинс остановил машину на пересечении Воксхолл-бридж-Роуд и улицы Королевы Виктории. Дальше дороги не было — проезжую часть перекрывали ленты полицейского ограждения, за ними мрачной массой виднелась баррикада из мешков с песком, рядом с которой на станках были установлены пулемёты. Блиндированный грузовик с безоткатным орудием на турели зловеще маячил на газоне в центре кольца, образованного пересечением четырёх дорог. Солдаты были повсюду, и оружие они держали в руках. Поэтому не было ничего удивительного в том, что стоило нам выйти из автомобиля, как на нас тут же были ненавязчиво направлены полтора десятка винтовочных стволов.

Майкрофт устало взмахнул рукой, и словно из-под земли рядом с ним вырос человек с незапоминающейся внешностью, который после оброненной Холмсом-старшим короткой фразы немедленно отыскал командира дислоцированной здесь части. Тот отдал Майкрофту честь и тут же отстучал распоряжение на мобильном радиотелеграфе. Солдаты, получив приказ, заметно расслабились — а значит, расслабиться и с облегчением перевести дух могли теперь и мы.

Проведя нас сквозь периметр армейского оцепления и редкий ряд настороженно косящихся лондонских бобби, Хопкинс вывернул из-за угла крайнего дома на площадь перед Букингемским дворцом. Майкрофт следовал за ним. Мы же на



несколько секунд замешкались и, запрокинув головы, воззрились на нечто, чего никак не должно было быть на площади у резиденции английских монархов.

Гигантский бесформенный шатёр защитного цвета, в котором я не сразу, но безошибочно опознал переносной ангар для цеппелинов Воздушного флота ЕКВ, был кое-как растянут на невеликом пространстве площади, зажатой между кварталами близлежащих домов. Воздушные насосы на мобильном шасси, общим числом не меньше дюжины, неустанно нагнетали под прорезиненную ткань ангара воздух под давлением, чтобы выгадать хоть немного свободного пространства вокруг центральной опоры шатра для тех, кому предстояло там работать. Меня весьма впечатлила высота этого временного сооружения — центр его возносился над брусчаткой не менее, чем на три сотни футов. По ту сторону площади за шатром виднелись ажурные ворота Букингемского дворца, охраняемые невозмутимыми львиноголовыми гвардейцами-морю.

— Кто у вас там? Лестрейд, разумеется? — спросил Холмс у Хопкинса и, не дожидаясь ответа, решительно шагнул к пологу шатра. Приподняв край тяжёлой прорезиненной ткани, он на секунду замешкался и сказал, обращаясь ко мне:

— Вскрывают номер первый, как только войдёте. Мисс Хадсон, помните о своей роли свидетеля. И не удивляйтесь ничему из того, что увидите за этим занавесом.

С этими словами великий сыщик исчез внутри шатра, предоставив нам следовать за ним.

Внутреннее пространство было освещено доброй полудюжиной прожекторов. Пригибая голову, чтобы пролезть под тяжёлым полотнищем,



и пропуская мисс Хадсон вперёд, как и пристало истинному джентльмену, я сделал наконец шаг внутрь и одновременно извлёк из кармана горсть запечатанных конвертиков. Выбрав надписанный единицей, поймал поощрительный взгляд нашей секретарши и сжал сургучную каплю пальцами, ломая печать. Одновременно с этим я поднял голову, чтобы оглядеться.

И замер.

Прежде мне доводилось видеть боевые треножки марсиан и даже наблюдать их в действии. С тех пор прошла едва ли не четверть века, за эти годы время изрядно подредактировало воспоминания и отретушировала картинки. Видит бог, я был только рад этому. Никому не пожелаю испытать тот ужас, что чувствовал я сам, когда боевой треножник проходил через мобильный госпиталь, развёрнутый нашей дивизией в Боскомской долине. Тогда от неминуемой смерти меня спасло лишь чудо.

Треножник, лежавший сейчас в центре площади, показался мне куда крупнее того, что уничтожил наш госпиталь. Он был огромен, выше домов, выше деревьев. Металл, из которого он был собран, некогда сверкавший ярче солнца, сейчас потускнел и покрылся ярко-оранжевыми пятнами ржавчины. От самой земли до бронированной капсулы высоко наверху его увивали побеги красного вьюна — одного из растений, привезённых марсианами на Землю и прочно укоренившихся на её благодатных почвах. Треножник был совершенно недвижим, и свисавшие почти до земли пучки металлических щупалец безжизненно раскачивались в потоках нагнетаемого компрессорами под купол воздуха, с монотонным звоном ударяясь о бока и ноги гигантской машины



инопланетян. Я прошёл под ним, запрокинув лицо, и почувствовал, как на мой лоб что-то капнуло. Стерев каплю ладонью, я обнаружил, что кожа моя испачкана вязкой багровой жидкостью, от которой исходил отчётливый запах гниения.

Кровь. Кровь мертвеца.

На меня капало снова и снова, и я поспешил выбраться из-под треножника. Краем глаза заметил некое движение в кустах у дворцовой ограды. Одна из ног треножника разворотила пристроенную к ограде дворцовую оранжерею, и сквозь брешь в стеклянной стене на дворцовую лужайку выбирались и смешно ковыляла прочь дюжина молодых триффидов. Несколько из них, достигавшие трёх футов в высоту, неприкаянно бродили под куполом прямо среди членов следственной группы Скотланд-Ярда. Пожав плечами, я выкинул триффидов из головы.

Как показали последующие события, сделал я это напрасно.

Мисс Хадсон замерла посреди пространства купола с несколько озадаченным выражением на прелестном личике. Холмс, храня совершеннейшую невозмутимость, что-то выяснял у маленького человечка с лицом и повадками хорька, в котором я опознал нашего старого знакомого — главу Скотланд-Ярда шеф-инспектора Лестрейда. Я подошёл ближе и приветствовал его.

— Ватсон, как по вашему, что это? — спросил Холмс, перебрасывая мне некий цилиндрический предмет размером с небольшой, на одну чашку чая, термос.

Сделан цилиндр был из серебристого металла. Поймав его механистической рукой, я ощутил, что он весьма тяжёл — датчики показали вес в два с половиной фунта. Гидравлические усилители



моей чудо-руки легко справились с резьбой крышки. Изнутри поднялось облако изморози. В центре цилиндра лежал небольшой стеклянный сосуд с замороженной жидкостью жемчужного цвета. Немного прибавив температуру в металлических пальцах и открыв плотно притёртую крышку, я ощутил терпкий запах, напоминающий аромат цветов каштана.

— Вне всякого сомнения, это образец семени. Спермы, — пояснил я вытаращившемуся в изумлении шеф-инспектору. Впрочем, сам я испытывал не меньшее изумление от всего происходящего, разве что, смею надеяться, не так откровенно его демонстрировал окружающим.

— Ч-ч-чьей спермы? Человеческой? — выдавил из себя Лестрейд.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал я плечами. — Нужен как минимум микроскоп, чтобы дать предварительный ответ.

— Микроскоп доктору, живо! — заорал Лестрейд и тут же, не надеясь на исполнительность и расторопность подчинённых, сам умчался на его поиски.

— Этот сосуд обнаружили внутри треножника, — любезно пояснил Холмс.

— Ничего не понимаю, — признался я, чувствуя, как жалко звучит мой голос.

— Разверните записку, — подбодрил меня Холмс.

На перфорированной бумаге летящим почерком Холмса было написано одно-единственное слово. «Треножник».

— Холмс! Вы не устаёте меня поражать! — вскричал я. — Но, чёрт побери, — как?!

— То ли ещё будет, мой дорогой Ватсон, — рассмеялся знаменитый сыщик, крайне довольный собой. — Ведь дело-то только начинается!



И с этими словами мой друг ловко полез по верёвочной лестнице вверх — туда, где в ржавой сфере капсулы боевого треножника ждал встречи с ним мёртвый марсианин.

Лишившись дара речи, я только и мог, что смотреть ему вслед.

\*\*\*

Я плыл в пустоте, полной гипнотического вращения радужных спиралей. Тело моё не имело веса, и я знал, что бесплотен. Музыка небесных сфер ревела в ушах, звук то нарастал, делаясь оглушительным, то затихал, доносясь словно через толстый слой ваты. Во всём этом цвето-свето-звуковом хаосе присутствовал некий странно знакомый ритм, и в какой-то миг я понял, что это — биение моего сердца.

Значит, я всё-таки жив.

— Какого дьявола, Ватсон?!

В хаотическом кружении неясных образов перед внутренним взором возникла некая фигура. Я осознал, что глаза мои уже открыты, но взгляд упорно отказывается фокусироваться на окружающих предметах.

— Он открыл глаза!

Голос. Молодой. Женский. С надрывно-истерическими нотками. Знакомый голос. Первый тоже знаком. Его хозяина я знаю давно, дольше, чем юную истеричку. Тревожные нотки в голосе истерички почему-то доставляют удовольствие. Не злорадство. Радость?

— Ватсон, да приходите же в себя!

Резкий запах аммиака. Нечем дышать! Распахнутые глаза ничего не видят — слёзы текут ручьями.

— Лестрейд, ищейка вы разэтакая, осторожнее же с доктором!!!



Имя.

Знакомое имя...

— Да бросьте вы, Холмс! Хорошая порция наша-тыря ещё никому не вредила. Видите, пришёл наш доктор в себя. Эй, Ватсон, вы меня слышите? С возвращением в мир живых!

Сквозь реки слёз всё чётче проступают образы, всё более знакомыми становятся с каждым мгновением — словно память возвращается одновременно со зрением, подсказывая названия каждого увиденного предмета, имя каждого из людей, сгрудившихся вокруг.

Вот этот, похожий на помесь хорька и фокстерьера, облачённого в клетчатое пальто, такое же кепи, полувоенного кроя бриджи и тяжёлые башмаки с гамашами — Лестрейд. Шеф Скотланд-Ярда с так и не искоренёнными высоким положением повадками уличной ищейки. Зарёванная юная особа рядом, рыжекудрая обладательница самых зелёных глаз на свете — несомненно, мисс Хадсон. Чудесно выглядите, мисс. Вслух я ей этого не говорю — и вряд ли когда-нибудь скажу. Высокий джентльмен в пурпурной крылатке и цилиндре того же модного в этом сезоне цвета пристально всматривается мне в лицо. Стальные глаза над ястребиным носом, упрямая линия подбородка, бескровные тонкие губы, сжатые в нить.

Мистер Шерлок Холмс. Мой добрый друг и патрон собственной персоной.

И тогда по всему выходит, что я — Ватсон. Джон Хэмиш Ватсон. Военный врач, ныне в отставке. Слуга Короны... тоже в отставке, хотя это секретная информация.

И я лежу на земле.

А высоко в странном небе, сделанном словно бы из серой тряпки, прямо надо мной парит на трёх



ходульно-тонких ногах ржавый, поросший красным вьюном шар, с которого свисают, едва не касаясь мостовой, тонкие металлические щупальца. И я знаю, что в недрах шара, на странном ложе, в центре паутины проводов и трубопроводов слепо тарачит тёмные, подёрнутые мутью шары огромных глаз мертвец — мертвец не из нашего мира.

Воспоминания возвращаются рывками, всё быстрее и быстрее, словно прорвав плотину беспамятства. Дирижабль, пари, ошеломление от встречи с треножником. Потом — темнота.

Странно.

Сильные руки подхватили меня, усадили и поддерживали под спину, пока мисс Хадсон, словно заботливая сиделка, вливала в меня сладкий, дочерна заваренный чай из мятой оловянной кружки армейского образца.

— Ватсон, Ватсон, — беззлобно ворчал Холмс, придерживая меня за плечи. — Вас ни на минуту нельзя оставить без присмотра.

— Что произошло? — спросил я.

— Вы расхаживали по двору в крайнем волнении, что я приписал обычной впечатлительности вашей натуры, мой друг. В какой-то момент я перестал обращать на вас внимание, а потом на некоторое время потерял из виду. Потом мисс Хадсон начала кричать, что доктор упал. Мы нашли вас здесь, у ограды, без сознания.

— В обморок вы упали, доктор. Всего и делов, — влез в разговор Лестрейд.

— Я не склонен к обморокам, — возразил я.

— Уверены, доктор? — скептически прищурился этот хорёк.

— Абсолютно. Мне позволяют совершенно определённо утверждать это некоторые..., гм, специфические особенности моего организма.



Например, то, что моё сердце будет неутомимо работать ещё много лет после того, как уснёт спрятанный в моём плече атомный котёл, приводящий в движение искусственную конечность, заменившую утраченную правую руку. Впрочем, знать об этом Лестрейду совершенно не обязательно.

— Тогда что с вами произошло? — спросил шеф-инспектор.

— Не знаю, — честно ответил я. — Совершенно ничего не помню.

— А что видели вы, Анжелика? — Холмс повернулся к мисс Хадсон и пристально взглянул на неё.

— Анна-Вероника! — с вызовом встретила взгляд великого сыщика наша секретарша. — С этого момента — Анна-Вероника.

— Да-да, безусловно, — нетерпеливо отмахнулся Холмс. — Простите, запомятовал.

— И попрошу без сарказма, мистер Холмс! — строго сказала новоявленная Анна-Вероника. — Право каждой женщины — носить то имя, которое её устраивает наилучшим образом, которое подходит ей здесь и сейчас, которое позволяет ей пребывать в гармонии с собственным внутренним миром! И то, что вы мой босс, вовсе не даёт вам...

— Да-да, мисс Хадсон, — поспешно вернулся мой друг к нейтральному обращению. — Пусть я и не вижу вследствие косности своего мужского ума каким образом имя «Анна-Вероника» превосходит в своём соответствии приведенным вами пунктам ту же «Анжелику», но я готов смириться с вашим правом к самовыражению, милочка, если это пойдёт на пользу расследованию.

— Вне всякого сомнения, — вздёрнула усыпанный веснушками носик наша невыносимая эмансипе. Я любовался ею в эту минуту. Раскрасневшись от эмоций, оседлав любимого конька демагогии о равенстве



полов и одновременном превосходстве женщины над мужчиной, готовая растерзать любого, кто посмеет ей перечить, мисс Хадсон расцвела, подобно прекрасному, пусть и весьма экзотическому цветку среди унылой серости английских традиций и стереотипов. Глаза её метали зелёные молнии, рыжие пряди, выбившись из-под шляпки, падали на лицо, и возмутительница спокойствия совершенно очаровательно пыталась сдуть их уголком рта — впрочем, безо всякого успеха.

— Боже, что за бред?! — вскричал Лестрейд, до этого лишь таращивший изумлённые глаза на обоих спорщиков. — Холмс?! Вы, с вашим рациональным умом истинного джентльмена, соглашаетесь с этой чушью?!

— Увы, мой дорогой Лестрейд! — мой друг развёл руками в комическом отчаянии. — Женщины — удивительные существа. Я давно имел несчастье убедиться, что метод дедукции далеко не всегда применим в понимании свойственной им логики. На мой взгляд, следует оставить за женщинами право менять по настроению имя, подобно тому, как они меняют наряды, когда хотят — в противном случае мы рискуем ввязаться в затяжную позиционную войну, в которой заранее обречены на поражение. Женщины гораздо упорнее в своих заблуждениях, чем мы с вами, мой дорогой шеф-инспектор, и гораздо настойчивее в достижении целей — какими бы абсурдными они нам с вами ни казались.

Лестрейд выслушал эту тираду с отвисшей челюстью, после чего расхохотался и махнул рукой в знак согласия. Мисс Хадсон ещё выше вздёрнула носик и залилась краской негодования.

— Ещё одно типичное проявление мужского шовинизма! — процедила она сквозь зубы, наконец совладав с собой.



— Разве я не согласился с вашей точкой зрения, мисс Хадсон? — приподнял бровь мой друг в наигранном удивлении.

— Согласие, данное в столь оскорбительной форме, не может считаться истинным согласием! — блеснула профессиональными познаниями наша секретарша. И, подумав, добавила, как плюнула. — Сэр!

— Диспут о значимости формы и содержания оставим до лучших времён, — пресёк готовый разгореться с новой силой конфликт Холмс. — А теперь, если вы не возражаете, мисс, мы хотели бы услышать, что же вы видели.

— Немногое, — ответила, поджав губы, мисс Хадсон. — Спустившись с треножника, доктор некоторое время расхаживал с совершенно потрясённым видом...

— С треножника? Я?! — моему изумлению не было предела. — Холмс, я что, был там?

С этими словами я ткнул пальцем вверх.

— Да, мой друг, — ответил Холмс. — Путь наверх по верёвочной лестнице вы преодолели довольно энергично и решительно. Спускались, правда, гораздо медленнее, но спишем это на глубокую задумчивость и потрясение от увиденного.

— Боги! — вырвалось у меня. — Не представляю даже, что могло побудить меня на столь безрассудный поступок!

— Любопытство, я полагаю, — пожал плечами великий сыщик. — Это одна из основных страстей, что движут человечеством наряду с ленью, алчностью и вожделием. Вряд ли я ошибусь, высказав предположение, что вы захотели увидеть всё своими собственными глазами.

— Знать бы ещё, что я там увидел, — уныло отозвался я. Память не хранила никаких воспоминаний о



случившемся, начиная с той минуты, когда мой друг начал своё восхождение на личную Джомолунгму марсианского треножника.

— Многое, уверяю вас, — сказал Шерлок Холмс. — Вполне достаточно для того, чтобы впасть в состояние некоторого возбуждения, но слишком мало для того, чтобы ваш мозг милосердно лишил вас воспоминаний об увиденном. Вы ведь не подвержены падучей, доктор?

— Нет, друг мой. И на отдалённые последствия фронтовой контузии списать подобную амнезию нельзя.

— Уверены?

— Со всей определённостью могу заявить это, — сказал я твёрдо.

Холмс кивнул. Я отдал должное деликатности моего друга, который не стал настаивать на объяснениях. Иначе объяснять пришлось бы слишком многое — а мы уже давным-давно пришли к негласной договорённости, согласно которой старались избегать лишних вопросов. Те годы во время Великой войны, что мы провели вдали друг от друга, изменили нас настолько, что порой я задавал себе вопрос — Шерлок Холмс, плечом к плечу с которым мы столько пережили в довоенное время, и тот Холмс, которого я встретил в послевоенном, оправляющемся от немецких бомбёжек Лондоне несколько лет назад — один ли и тот же это человек? И далеко не всегда ответ на этот вопрос устраивал меня — а порой я и вовсе не находил ответа.

Впрочем, время от времени глядя на своё отражение в зеркале, я задаю тот же вопрос и себе самому.

И меня далеко не всегда устраивает ответ.

— Продолжайте, сударыня, — обратился между тем Холмс к мисс Хадсон.



— Спустившись с треножника, доктор описал несколько кругов под этим... шатром. Задавал какие-то вопросы полицейским, — тут я мог только развести руками в ответ на вопросительный взгляд моего друга, — потом подошёл к дворцовой ограде и некоторое время рассматривал разрушенную оранжерею. Сквозь брешь, проделанную треножником, продолжали выбираться эти гадкие трёхногие твари. Вот уж действительно мерзость ужасающая, впрочем, чего можно было ждать от России? Не понимаю только, почему Её Величество их терпит? Они то и дело приближались к вам, а вы их отталкивали с крайне брезгливым видом, а они всё лезли и лезли — их вообще очень много бродит тут. Надеюсь, полиция и садовники скоро вернут их всех туда, где им и положено быть. Отвратительные твари!

— Не могу с вами не согласиться, — заметил Холмс. — Особенно после того, что мы увидели в капсуле треножника.

— И что же мы увидели? — заранее внутренне содрогаясь, спросил я.

— Триффидов, — ответил мой друг. — Взрослые особи, числом пять.

— Но что делать триффидам в кабине марсианского треножника?! — вскричал я, совершенно сбитый с толку. Во тьме, скрывавшей мои воспоминания о последних событиях, забрезжил просвет — и то, что смутно заворочалось в памяти, совершенно мне не понравилось.

— Похоже, они проникли туда, поднявшись по побегам красного вьюна, которыми этот треножник увит, словно беседка в ботаническом саду. Произошло это уже после того, как марсианин умер — но до того, как поднялся весь этот переполох. Видимо, их привлёк запах гниения. Вы же



помните, Ватсон, как быстро разлагаются трупы марсиан в нашей атмосфере?

— Практически молниеносно, — ответил я, обретая некоторую уверенность при переходе разговора на профессиональную и близкую мне тему. Как и большинству англичан, мне приходилось видеть подобное воочию на полях сражений с пришельцами из иного мира. — Наши гнилостные микроорганизмы превращают труп марсианина в лужу зловонной жижи за считанные часы.

— Всё сходится, — кивнул Холмс.

— Но что им там было делать? — наивно спросила мисс Хадсон. Меня же передёрнуло, потому что я уже знал ответ.

— Они питались, — лаконично ответил сыщик.

Мисс Хадсон побледнела. Потом её лицо приобрело изысканный светло-зеленоватый оттенок, столь подходящий цвету её изумительных глаз, но вряд ли являющийся свидетельством хорошего самочувствия. Она пошатнулась. Холмс бережно поддержал её под локоток и усадил на ближайший оружейный ящик. Теперь уже был черёд нашей юной суфражистки дышать аммиаком из флакона, который с радостью предоставил снисходительно ухмылявшийся Лестрейд, и с благодарностью принимать из рук Холмса горячий чай.

А я меж тем вспоминал, вспоминал, вспоминал...

\*\*\*

Воспоминания нахлынули на меня удушливой волной, безжалостно заставив снова пережить малоприятные события последних часов.

Я вспомнил, как проводил взглядом своего друга, с завидной лёгкостью карабкавшегося по верёвочной лестнице на головокружительную



верхотуру, к сердцу инопланетной боевой машины высотой с половину башни Эйфеля. Вспомнил, как вынырнувший словно из-под земли Лестрейд притащил-таки биноклярный микроскоп и армейскую экспресс-лабораторию в кофре из гофрированной стали и тут же усадил меня за изучение образца семени, обнаруженного в кабине тренажника.

Вспомнил, как, чувствуя себя первооткрывателем, голландцем Левенгуком, с некоторым удивлением созерцал в светлом кружочке окуляра вялый танец просыпающихся сперматозоидов, имевших вполне обычный земной вид и ничуть не похожих на ошетилившиеся сотнями жгутиков крупные половые клетки марсиан, которые мне, наряду с другими тканями агрессоров с Красной планеты, приходилось изучать в полевых лабораториях специальных отрядов биологической защиты во время Нашествия — в поисках чудо-оружия, способного убить существ, столь превосходивших нас в техническом аспекте.

Вспомнил, как, предположив, что семя, вероятнее всего, принадлежит человеку, провёл тест на определение группы крови по системе АВ0, предложенной доктором Ландштайном ещё четверть века назад — и без особого удивления наблюдал теперь за агглютинацией в одной из чашечек.

Сперма действительно оказалась человеческой.

Зафиксировав предполагаемую группу крови неизвестного донора и ещё немного послонявшись без дела под шатром, я, действуя скорее от скуки, нежели по наитию, набрал в пипетку каплю крови из лужи, которая собралась на мостовой под капсулой тренажника и начинала уже ощутимо пованивать.

Без особого интереса понаблюдав в микроскоп гемолиз огромных эритроцитов марсианина, я



провёл серию тестов на токсины, совершенно здраво отдавая себе отчёт, что то, чем я сейчас занимаюсь, является разновидностью научного хулиганства — ибо стандартная армейская экспресс-лаборатория, разумеется, не была рассчитана на работу с образцами тканей марсианина, которые сами по себе являлись для человека ядом вследствие различности химического строения тел представителей двух разумных рас.

Однако то, что происходило сейчас в одной из пробирок, весьма заинтересовало и озадачило меня. Я провёл реакцию ещё раз и ещё, с разными тест-системами — результат был тем же.

Результат исследования, образец крови марсианина и нацарапанную на коленке записку я отправил в Скотланд-Ярд с курьером, рекрутированным с лёгкой руки Лестрейда из числа охранявших площадь полицейских. Записка содержала просьбу в кратчайшие сроки повторить исследование в условиях криминалистической лаборатории Скотланд-Ярда, а также провести срочную токсикологическую экспертизу образца.

Сам же я, не в силах бездеятельно ждать результатов экспертизы, раздираемый желанием поделиться с Холмсом своим открытием и предвкушением маленького триумфа оттого, что в кои-то веки хотя бы на полшага опередил великого сыщика в нашем совместном расследовании и будучи не в состоянии дожидаться сошествия моего друга с небес, в конце концов презрел осторожность и полез по верёвочной лестнице ему навстречу.

Потоки воздуха, нагнетаемого под тент компрессорами, закручивали лестницу спиралью, и от меня потребовались все приобретённые в



специальных войсках альпинистские навыки, чтобы удержаться на её ступенях, пляшущих под руками и ногами. Совсем рядом пучки металлических щупалец, безвольно свисавших с высоты, погромыхивали о корпус капсулы и бесконечно длинные ноги треножника, а в путанице побегов красного вьюна, оплетавшего всё сооружение снизу доверху, мне то и дело чудилось некое шевеление.

Вечность спустя я перевалился через порог входного люка, жадно хватая воздух ртом — и едва не задохнулся от жуткой вони, наполнявшей внутреннее пространство капсулы треножника, освещённое тусклым мерцанием странных трубчатых ламп. Внутри двигались неясные тени, и тени теней зловеще шевелились на странно изогнутых стенах. Доносился странный ритмический перестук и отвратительные звуки, напоминавшие одновременно чавканье дорвавшихся до корыта с отрубями поросят и хлюпающий шум, с которым мощный насос земснаряда всасывает последние капли жидкой грязи со дна осушаемого водоёма.

— Холмс! — крикнул я в зловещий танец теней. — Холмс, дружище, где вы?

Дышать здесь приходилось ртом через многократно сложенный платок — впрочем, зловоние было настолько жирным и густым, что платок почти не помогал. К этому мне было не привыкать: за годы войны, сидя месяцами в окопах, окружённых горами разлагающихся мёртвых тел, мне случалось обонять и не такое.

— Ватсон? Вот уж не ожидал от вас такой прыти! — донёсся до меня придушенный голос моего друга. Глаза постепенно привыкали к красноватому полумраку, и я смог разглядеть фигуру сыщика, склонившегося над чем-то в странном



сооружении, напоминающем трон. — Пробирайтесь сюда, только ни обо что не споткнитесь! А ещё постарайтесь, чтобы эти твари не вытолкали вас наружу — я бы давно избавился от них, но в одиночку мне не справиться!

Вокруг Холмса столпились высокие тощие фигуры. Стук и сосущие звуки производили именно они.

Триффиды.

Взрослые особи по семь футов ростом, склонившие свои чаши над неким подиумом, служившим ложем пилоту треножника. Бесформенная громоздкая масса, занимавшая ложе сейчас, и была источником жуткого зловония. То один, то другой из триффидов без видимой очерёдности погружал свои укороченные обрезанием стрекала в испускающую миазмы тления массу и тащил сочащиеся вязкой жидкостью ошметки в раструбы пищеварительной чаши на вершине стебля.

Триффиды жрали то, что осталось от марсианина.

В своём стремлении облагодетельствовать человечество Советская Россия, вооружённая технологиями марсиан, выпустила в свет этих монстров всего несколько лет назад, рассеяв над Тихим океаном всхожие семена с опытных делянок Камчатки. Воздушные течения быстро разнесли семена по всему миру, и в мгновение ока триффиды появились на всех континентах, а год спустя — заполнили каждый клочок суши, существенно потеснив автохтонную флору, а места — и человека. Триффиды имели чудовищную способность к самовоспроизведению, что в сочетании с абсолютной неприхотливостью в питании и почве для укоренения быстро сделало их



поистине вездесущими. Триффидное масло стало новым источником энергии, и источником совершенно бесплатным, а некий профессор Тесла из университета в Торонто даже осмеливался всерьёз утверждать, что вырабатываемое ими электричество в скором времени станет применяться не только для производства лабораторных опытов по гальванизации.

Плотоядность триффидов и несомненная опасность для человека выявились чуть позже — когда первое поколение вступило в пору зрелости. Годовалый триффид обретал способность к передвижению и превращался в медлительного, но смертельно опасного хищника. Удар отравленного десятифутового жала был способен убить взрослого человека. Нападая из засады, триффиды питались разлагающимися телами своих жертв.

По миру прокатилась волна смертей, и человечество вынуждено было дать отпор растительному врагу. В ходе длившейся два года всемирной кампании по локализации расплодившихся триффидов значительную их часть попросту уничтожили. Впоследствии было установлено, что систематическое, раз в два года, урезание жала делает триффида неопасным для человека, и бессистемная бойня прекратилась. Теперь триффиды содержались в резервациях сельскохозяйственных угодий, обеспечивая человечество ценным маслом, а также в оранжереях и ботанических садах, где селекционеры выводили всё новые и новые сорта, включая комнатные и декоративные.

В ходе всё той же битвы за жизненное пространство с растительными агрессорами у триффидов была обнаружена некая сигнальная система. Издавая отрывистый стук тремя короткими отростками, ходячие растения общались друг с



другом — и в какой-то момент у исследователей возникло скверное предположение о разумности этого биологического вида.

Широкой огласки подобная гипотеза не имела — человечество, подряд пережившее за короткое время Вторжение марсиан и Великую войну, не было морально готово к противостоянию с ещё одним разумным видом. Иное дело — борьба с на удивление живучими и повсеместно распространившимися сорняками, в которую мир включился с превеликим энтузиазмом. Отчасти благодаря этому неведению человек снова одержал верх над силами природы, которую сам же и изменил до неузнаваемости.

Прирученные и одомашненные триффиды мирно паслись на отведённых им лужайках и поглощали огромное количество всевозможных органических отходов, и человек постепенно научился принимать их как часть окружающего пейзажа. Однако, по непроверенным слухам, весьма многочисленные группы взрослых триффидов по всему миру сумели избежать избиения, одомашнивания и приручения, уйдя в леса. Эта информация никогда не подтверждалась правительствыми — как, впрочем, и не опровергалась. Но многие ли из нас регулярно — или хотя бы мало-мальски часто — посещают леса, пусть даже они и находятся совсем рядом с границами наших поселений? И потому слухи так и оставались всего лишь слухами.

И в этом весь Человек.

Те триффиды, что поглощали сейчас активно распадающуюся на элементы периодической таблицы тушу марсианина, были одомашненными, кастрированными особями с обрезанным жгутом смертоносного жала. Лишённые яда, они,



тем не менее, представляли немалую опасность для двоих людей здесь, в тесной капсуле тренажера, распахнутые технологические люки которой открывались в трёхсотфутовую пропасть над Лондоном. Силы растительных мускулов даже одного из зелёных великанов было вполне достаточно для того, чтобы вытолкнуть в пустоту нас обоих — а триффидов было здесь пять.

— Как эта дрянь сюда попала? — спросил я, брезгливо разглядывая трёхногих растительных монстров.

— Так же, как и мы с вами, дорогой мой доктор, — отозвался Холмс. — Только воспользовались для восхождения не лестницей, а побегами марсианского вьюна. Остальные, те, что бродят сейчас внизу, тоже охотно присоединились бы к своим более удачливым сородичам, но им помешало полицейское оцепление. Эти же поднялись сюда прямо из разбитой оранжереи ещё до того, как оцепление было выставлено. Счастливики!

Я содрогнулся от омерзения.

— Я заканчиваю с забором образцов, Ватсон, — продолжал между тем Холмс. — Процедуру вскрытия тоже пришлось проводить самому, не дожидаясь экспертов из Ярда. Слишком уж быстро он разлагается. Очень хорошо, что вы решились подняться сюда, Ватсон! Честное слово — рад, а то я уже и не чаял! Взгляните, пожалуйста, сами, пока тут всё не расплылось окончательно. Что вы видите? Я так понимаю, анатомировать инопланетян вам уже приходилось?

При этих словах Холмс быстро взглянул на меня и тут же отвёл взгляд. Я же постарался сделать вид, что не заметил его случайного приближения к опасной черте. Многие знания — многие печали.



Дружба же — это не отсутствие секретов, а умение их хранить... а порой и просто не обращать внимания на их наличие.

Я кивнул и, зажимая нос платком, как мог осторожно протиснулся между двумя триффидами поближе к останкам. Холмс предупредительно освещал мне поле деятельности карманным фонарём.

Марсиане огромны.

Больше всего они похожи на чудовищных размеров бурдюк о паре глаз, попугайском клюве и двух пучках весьма тонких многофункциональных щупалец. Чем-то они напоминают наших осьминогов — клювом ли этим, многоногостью или же мудрым выражением вечно усталых выпуклых глаз. Несмотря на это, сленговое прозвище типа «спрут» или «головоног» нигде в мире не прижилось. Повсеместно марсиан зовут марсианами, и точка. Иногда — алиенами. Но спрутами — практически никогда.

Сейчас этот бурдюк был вздут гнилостными газами до состояния шара. Та часть многочисленных полостей тела марсианина, которая вмещала внутренности, была мастерски вскрыта в один разрез с линейно-ровными краями раны. Не снимая перчаток, я развёл края раны и погрузился в изучение распадавшихся под моими пальцами ошмётков плоти, бывших ещё совсем недавно сложными органами, венцом эволюции марсианской жизни.

Совсем рядом продолжали свою страшную трапезу триффиды, каждый из которых ростом был выше меня.

— Время смерти, доктор?

Я осматривал потускневшие роговицы огромных глаз мертвеца. Мёртвый пилот печально



смотрел на меня. Незавидная судьба — умереть вдали от родины, от соплеменников, в одиночестве, и быть после смерти пожранным существами иной расы, выведенной врагом для совершенно невоенных целей, превратиться в удобрение, в компост, разложиться на атомы в живых фабриках триффидовых тел и стать на выходе чистой энергией, приводящей в движение машины врага, обогревающей и освещающей его жилища, питающей его... Было в этом что-то философское и вечное.

— Учитывая скорость разложения тела и его степень, зашедшую уже весьма далеко, я бы сказал, что наш марсианин умер около трёх часов назад, — ответил я.

Холмс кивнул.

— Вполне подходит. Согласно показаниям полисмена, дежурившего на углу Воксхолл-бридж-роуд и Улицы королевы Виктории, а также гвардейцев у ворот дворца, марсианин появился на площади примерно в это время. Причём пришел он со стороны дворца, перешагнул ограду — и замер. Минуты через две перестали двигаться щупальца, и с тех пор он недвижим.

— Мёртв, — уточнил я.

— Да. Что бы ни убило его, оно сделало это быстро.

— Да, Холмс! Едва не забыл со всеми этими... — я бросил взгляд на невозмутимо пожирающих труп триффидов, — обстоятельствами. Я ведь поднялся сюда главным образом для того, чтобы сообщить вам, что мне известна причина смерти марсианина!

— Яд, я полагаю, — сказал Холмс.

Боюсь, мне не удалось остаться бесстрастным при подобной демонстрации превосходства его



интеллекта над моим собственным — во всяком случае, бросив на меня короткий взгляд, знаменитый сыщик улыбнулся. Я понял это по морщинам, разбежавшимся от уголков его глаз — платка от лица Холмс, как и я сам, предпочёл не отнимать.

— Элементарно, Ватсон! — предварил он так и не прозвучавший вопрос. — На теле не было иных повреждений, кроме тех, что оставили наши голодные зелёные друзья.

Я только и мог, что кивнуть. Будучи разъяснёнными, откровения Холмса казались совершенно очевидными. Но я давно уже научился подавлять в себе чувство досады от осознания факта, что мог бы прийти до правильных выводов и сам, имея я для этого довольно времени.

Одну-две тысячи лет, например.

— Яд, Холмс. Алкалоид растительного происхождения. Нечто вроде кураре — должно вызывать мгновенный паралич, что, по всему видно, и произошло. Его дышала и трахеи перестали получать воздух, и бедняга очень быстро задохнулся. Но вот вопрос — как яд попал в его тело?

Холмс не ответил. Великий сыщик задумчиво разглядывал трапезничавших триффидов. Я ждал, не смея нарушить вопросами ход его размышлений.

Хмыкнув с интонацией, непонятной из-за закрывавшего рот платка, Холмс решительно направился к люку.

— Идёмте, Ватсон. Здесь нам больше делать нечего, — и с этими словами сыщик скрылся за обрезом люка, словно канув в бездну.

Я с облегчением покинул вознесённый на три сотни футов над землёй склеп, превращенный триффидами в столовую. После созерцания сцены



ужасной трапезы пропасть под ногами и беспорядочное болтание верёвочной лестницы уже не казались чем-то страшным.

Когда я спустился, то обнаружил, что Холмс успел смешаться с толпой солдат и полицейских, которых с каждой минутой делалось под шатром всё больше. Результаты экспертизы из Скотланд-Ярда ещё не прибыли. Я в задумчивости прогуливался по площади, и, погружённый в размышления, не заметил, как ноги сами принесли меня к бреши в ограде дворца — там, где её проломила нога треножника, разбив по пути оранжерею. Сквозь разбитые рамы оранжереи на площадь всё ещё пытались проникнуть триффиды, привлечённые запахом гниющей плоти. Трое полицейских ударами дубинок загоняли их обратно.

Моё внимание внезапно привлёк странный маленький триффид. Едва достигая макушкой высоты человеческого колена, он тем не менее резво передвигался на трёх коротких ногах, хотя предполагаемый миниатюрностью возраст позволял ему лишь сидеть в почве, как и пристало нормальному растению... Впрочем, что может быть нормального, коль скоро речь у нас идёт о триффидях?

Малыш был весьма необычно окрашен. По светлой зелени его листьев и ствола бежал золотистый рисунок прожилок, а пищеварительная чаша на вершине стебля имела явственный серебристый оттенок.

Маленький триффид весьма целеустремленно двигался к пролому в ограде. Причём явно стремясь попасть именно за ограду, в дворцовый парк — в полной противоположности стремлениям своих голодных собратьев, так и рвущихся на площадь сквозь полицейский заслон.



В два шага нагнав крошку-триффиду, я заступил ему путь. Он в нерешительности остановился, потом попытался обогнуть меня справа, потом слева, потешно ковыляя на коротких толстых ножках. Каждый раз я заступал ему дорогу, и он останавливался вновь.

Когда он наконец замер в озадаченной неподвижности, уставившись на меня наклонённым цветком своей чаши, словно сияясь разглядеть стоящего у него на пути нахала, я нагнулся поближе, в свою очередь стараясь как следует его рассмотреть.

Последнее, что я помню, был сильный удар в лицо. И темнота.

\*\*\*

Ощупав лицо, я обнаружил глубокую воспалённую царапину на левой скуле. Кровь уже не текла.

Всё становилось на свои места.

— Холмс! — окликнул я.

Мой друг оторвался от обихаживания мисс Хадсон, к которой вернулся её привычный здоровый цвет лица, и обернулся ко мне.

— Холмс, дружище, я вспомнил, как всё было! — от волнения я не мог говорить спокойно. — И я знаю, как был убит марсианин!

— Действительно? — спросил Холмс. — Что ж, я с удовольствием выслушаю ваши предположения, друг мой.

— Это не предположения, Холмс, а совершенно чёткая уверенность! — торжествующе провозгласил я.

— Прежде чем поделиться ею со мной, мой друг, не будете ли вы так любезны вскрыть запечатанный конверт под номером два из числа тех, что лежат в вашем кармане?



Я посмотрел на него с недоверием. Потом полез в карман и выбрал среди конвертов нужный. Не сводя глаз с Холмса, сломал печать.

«Триффид», гласила надпись на клочке бумаги.

Я всё ещё ошарашенно хватал ртом воздух, в который уже раз лишившись дара речи, но меня спасло прибытие результатов экспертизы.

Ознакомившись с заключением криминалистов Скотланд-Ярда, Холмс удовлетворённо кивнул своим мыслям и протянул официальный бланк мне.

— Вы были совершенно правы, мой друг Ватсон, — сказал великий сыщик. — Это токсин, вырабатываемый триффидами. И марсианина убил именно тот экземпляр, который потом ударил вас.

— Но я же ещё ни слова не сказал об этом триффиде! — вскричал я. — И потом — откуда вы знаете, что это был именно триффид-убийца?!

— Всё очень просто, Ватсон, — ответил Холмс. — Прочие триффиды — там, наверху, в капсуле треножника, здесь, на площади, и даже в оранжерее, не имеют жала. Все они своевременно обрезаны. Яда у триффиды, ударившего вас, хватило лишь на то, чтобы оглушить и лишить на время сознания, а не убить — следовательно, до вас он ударил кого-то ещё. А совсем рядом у нас лежит слоноподобный мертвец, у которого в крови полным-полно курареподобного алкалоида, вырабатываемого железами жала триффиды. Так к чему множить сущности, друг мой?

Я мог заплодировать безупречности логики моего партнёра. Мог обнять его, расчувствовавшись. Мог до умопомрачения трясти его руку в знак признания превосходства его интеллекта. Но я не сделал ничего — лишь молча поклонился



моему гениальному другу. Совсем чуть-чуть, но ему достаточно было и этого.

Улыбнувшись, он весело скомандовал:

— А теперь, Ватсон, когда здесь нам решительно нечего больше делать, берите с собой нашу очаровательную мисс Хадсон — кажется, её больше не тошнит? — хватайте под локоть Лестрейда, и всей тёплой компанией отправляйтесь в Марсианскую колонию Лондона. Я дам вам инструкции, что, где и у кого вы должны будете разузнать.

— А вы, Холмс? — спросил я, доставая блокнот и готовясь записывать инструкции.

— А меня ждёт личный садовник Её королевского величества, — беззаботно отозвался Шерлок Холмс. — Правда, я полагаю, сам он об этом пока ещё не догадывается.

\*\*\*

Едва я миновал блокпост на выходе из марсианского гетто и распрощался с Лестрейдом и мисс Хадсон, которую ждали новые поручения Холмса, полученные по ручному радиотелеграфу, как приземистый чёрный паромобиль о шести дымовых трубах и дюжине колёс резко затормозил рядом со мной у самого тротуара. Двери распахнулись, и шофёр-моро с львиной мордой вместо лица взял под козырёк форменного кепи и пригласил меня внутрь. Я опасливо заглянул в пахнущий кожей и бренди полумрак салона.

— Забирайтесь, Ватсон, — Шерлок Холмс сидел на удобном диване и с улыбкой смотрел на мои колебания. — Что вы узнали в резервации?

— Боюсь, ничего особенного, — ответил я, усаживаясь рядом. Паромобиль тут же рванул с места и помчался на юг. — Там, как всегда, грязь, вонь,



проблемы с нелегальным марсианским оружием, каннибализм и повсюду — знаки секты рипперов. Не люблю марсиан, Холмс. Никогда не прощу им Мэри. Рад, что смог отомстить...

— Да-да, дело пляшущего микроба... Как же! — отозвался Холмс. — Знали бы только марсиане, кто именно повинен в их поражении! А вы рассказываете по их трущобам как ни в чём не бывало! Вы храбрец, Ватсон!

— Да полно вам, Холмс, — отмахнулся я. — Полиция нашла место, где прятали треножник — прошли по следу от дворца до самого гетто в Айлингтоне. Он стоял у всех на виду, сложив ноги — и все считали, что это старая водонапорная башня, увитая красным вьюном. И ещё нашли шахту, нечто вроде врытой вертикально пушки — эксперты-оружейники считают, что марсиане, возможно, выстрелили на орбиту некое устройство, которое посредством радиоволн могло позволить им связаться с метрополией на Красной планете.

— Прекрасно, Ватсон! — Холмс явно был доволен. — Значит, рухнувший в Ла-Манш зелёный метеор — марсианский снаряд, первая ласточка, прилетевшая на зов... Гм, любопытно, что он привёз на старушку-Землю?

— Возможно, мы скоро узнаем, — сказал я. — Кстати, Холмс, а куда мы едем?

— О, Ватсон! Нас почтила аудиенцией августейшая особа! — Холмс прямо-таки лучился довольством.

— И кто же это, если не секрет? — спросил я.

— Третий конверт, — лаконично ответил Холмс.

Недоверчиво поглядывая на него, я выбрал среди оставшихся у меня конвертов нужный и вскрыл.



Изумлению моему не было предела.

— Как?! — вскричал я. — Сам?!

Холмс лишь улыбался.

Паромобиль въехал в ворота Букингемского дворца.

\*\*\*

Его Величество Георг Пятый, король Великобритании и Ирландии, стоял у окна своего кабинета, глядя на суету военных и полиции за оградой Букингемского дворца. Вся его поза выражала покой и крайнюю степень усталости.

— Ваше Величество, — деликатно информировал Холмс монарха о нашем появлении.

Король обернулся к нам.

Монарх был немолод, однако военно-морской мундир сидел на его подтянутой фигуре как влитой. Взгляд печальных глаз был остр и пронизателен. Седина лишь чуть коснулась расчёсанных на прямой пробор волос. Аккуратно подстриженные усы и борода сообщали облику короля приличествующую августейшей особе благообразность.

— Джентльмены, — Георг чуть склонил голову, и мы поклонились в ответ.

— Благодарю вас, Ваше Величество, что дали нам эту аудиенцию, — сказал мой друг.

— Я догадываюсь, чем вызван ваш визит, джентльмены, — ответил король. — Не каждый день у ворот резиденции случается... такое. Чем скромный король может помочь своим знаменитым подданным?

Георг улыбнулся, и Холмс, улыбнувшись ему в ответ, извлёк из кармана крылатки и поставил на стол металлический цилиндр.



— Я полагаю, это принадлежит вам, Ваше Величество, — сказал Холмс, глядя королю в глаза. — Звучит весьма двусмысленно, зато правдиво.

Лицо короля не залила смертельная бледность, нет. И он не побагровел.

Георг Пятый лишь устало улыбнулся.

— Всё тайное рано или поздно открывается, — сказал он. — Но я надеялся, что правда об этом деле откроется всё-таки позже, когда посеянные сегодня семена дадут свои всходы. Простите за двусмысленность формулировки, господа.

— Это нашли рядом с убитым... полагаю, посланником? — Холмс выжидающе смотрел на короля.

— Верно. Покойный должен был доставить этот знак монаршего расположения и готовности к заключению союза далеко за пределы Земли, — ответил король Георг. — Мне нечего скрывать и нечего стыдиться, джентльмены. Задавайте свои вопросы.

— Я не спрашиваю, почему вами был избран столь... экстравагантный способ заключения межпланетного союза, Ваше Величество, — сказал Холмс. — Но всё же хотелось бы некоторой определённости в этом вопросе.

— Слияние крови считалось лучшим способом скрепить договор не только у нас на Земле, мистер Холмс, — улыбнулся король. — Мы долгое время ошибочно считали, что марсиане представляют собой однородную массу, единое сообщество, некое планетарное государство — но выяснилось, что это вовсе не так. И то, что казалось нам единой волной экспансии, на деле было попыткой захвата и раздела новой территории представителями различных фракций и группировок марсианского сообщества, которые в чём-то сродни нашим государствам. Эти фракции разнятся по своему общественному устройству, и покойный чужак



был представителем элиты сильного государства, устроенного подобно нашей земной монархии, где власть передаётся по наследству среди кровных родственников. Именно с этим государством Корона Британии и пыталась заключить...

— Брак? — спросил Холмс, с прищуром глядя в лицо королю.

— Браки в наше время и впрямь заключаются на небесах, — Георг улыбнулся.

— Боюсь, лишь немногие даже в наше просвещённое время одобряют многожёнство, Ваше величество, — заметил мой друг осторожно. — Пусть даже это лишь символ, ведь ткани и клетки человека и марсианина несовместимы и никогда не дадут жизнеспособного потомства, даже в пробирке — верно, доктор? Даже если это и в явных интересах Империи. Боюсь, именно подобное неприятие и послужило причиной убийства посланника.

Некоторое время монарх молчал, разглядывая полированное дерево столешницы. Когда он вновь поднял глаза, взгляд его был полон спокойствия и уверенности в себе.

— Мир и покой, воцарившиеся на нашей планете, хрупки и обманчивы, — сказал король Георг. — То равновесие, в котором замерли сейчас величайшие державы Земли, очень шатко и неустойчиво. И все ужасы пережитой войны не удержат человечество от того, чтобы вновь не окунуться в кровавую купель мировой бойни... совсем скоро. Война многим выгодна, как ни парадоксально это звучит. В ближайшем окружении монархов и президентов полно нечистых на руку субъектов, мечтающих о несказанных барышах, которые принесёт им новая война. Война, увы, была, есть и будет источником не только горя и страдания людского, но и источником обогащения для горстки промышленников



и финансистов, что правят миром, стоя за плечами царственных особ и людей, облечённых властью. Как монарх, любящий свой народ и пекущейся о его благе и процветании, я вынужден жить по старинному принципу: хочешь мира — готовься к войне. Для победы в грядущей всемирной схватке, даже просто для выживания в ней хороши все средства. И если ради блага моих подданных я должен сделаться многожёнцем — что ж, я готов на это пойти. Правда, пока я не готов к огласке — и поэтому, джентльмены, прошу вас сохранить подробности этой истории в тайне до той поры, когда обыватель сможет спокойно принять подобный факт.

— Боюсь, это случится очень не скоро, — заметил Холмс.

— Отнюдь, мистер Холмс, — улыбнулся король. — Как раз сейчас тайные службы, призванные поддерживать порядок в Империи и обеспечивать безопасность её подданным, сбились с ног, создавая в обществе определённые настроения. Для этого используются все известные технологии управления общественным сознанием. Популяризируется наука, высмеиваются суеверия и косность мышления, развенчиваются шарлатаны всех мастей и религиозные фанатики. Образование становится доступнее. Искореняется расовая ненависть. Развлекательная литература, и в частности научное фантазирование, а также театр и синематограф пропагандируют терпимость в восприятии чуждых нам существ, идей и мировоззрений. Стимулируется благожелательный интерес к исламу, что внесёт немалую лепту, как вы понимаете... Да, безусловно, тёмным, необразованным человеком гораздо легче управлять, нежели человеком просвещённым — но сейчас Империи нужны именно просвещённые люди, люди, способные с лёгкостью



принять грядущие перемены в государственной политике, общественном устройстве и отношениях между людьми... и нелюдьми, джентльмены. А такие перемены уже не за горами, и нам с вами — я надеюсь — ещё посчастливится стать свидетелями рождения дивного нового мира, у истоков которого мы сейчас стоим.

— Мир меняется, — продолжал Георг. — Весь мир. Ещё совсем недавно в небе над лондонской Кровлей висели аэростаты заграждения, лучи прожекторов выхватывали из темноты туши кайзеррайховских линкоров, опорожнявших бомбовые трюмы на головы наших сограждан; разрывы шрапнели разгоняли боевые звенья свастиконосных «драхенфлигеров» Флигерваффе и казалось, мы враги навсегда, навеки, независимо от исхода войны — а теперь те же пилоты, что бомбили Лондон, сидят за рычагами управления трансатлантических цеппелинов, и мы с удовольствием пользуемся услугами наших недавних врагов. То же происходит и сейчас, но уже в ином масштабе. Четверть века назад, во время Нашествия, мы и помыслить не могли о каком-либо сотрудничестве с захватчиками. Вопрос стоял жёстко — или мы, или они. И только потом, когда благодаря секретным разработкам нашей медицинской службы мы смогли одержать верх над превосходящим нас в техническом смысле инопланетным врагом, стало возможным всерьёз рассмотреть возможность союза. Благодаря этому союзу сначала Британская Империя, а потом и всё ведомое ею человечество проложит себе новый путь — путь к звездам!

Взгляд монарха унёсся очень далеко — сквозь годы, сквозь расстояния, за орбиты величественно плывущих сквозь пространство планет...

В будущее, которое ковалось здесь и сейчас, прямо в этом кабинете.



Едва заметно вздрогнув, Георг вырвал себя из сладкого плена грёз и вернул на бренную землю, коротко кивнув нам с Холмсом:

— Джентльмены, — давая понять, что аудиенция окончена.

Я по старой армейской привычке вытянулся во фронт. Мой друг сдержанно поклонился в ответ.

Уже у дальних дверей кабинета король на мгновение задержался. По его губам скользнула полная лукавства улыбка, а глаза озорно блеснули.

— Только не говорите Мэри, — сказал Георг и — готов поклясться! — подмигнул.

— Безусловно, Ваше величество, — отозвался Холмс. — Слово джентльмена.

Двери за Георгом Пятым, королём Великобритании и Ирландии, затворились.

\*\*\*

Холмс нетерпеливо мерил шагами брусчатку площади перед воротами Букингемского дворца, то и дело извлекая из жилетного кармана луковичку парового хронометра и раздражённо щёлкая крышкой. Гвардейцы-моро безучастно следили за его передвижениями с непроницаемым выражением на львиных мордах.

— Чего мы ждём? — вполголоса спросил у меня Майкрофт Холмс. — Или — кого?

Я пожал плечами.

— Полагаю, мисс Хадсон, нашего секретаря. Ваш брат дал ей некое поручение. Вероятно, она должна вот-вот появиться с результатами.

На подъездной аллее за решёткой ворот появилась женская фигурка, одетая в униформу дворцовой прислуги. Проскользнув в калитку и прошествовав мимо молчаливых гвардейцев, женщина



приблизилась к нам. Шерлок Холмс бросился ей навстречу.

Под накрахмаленным чепцом, фартучком и чертовски консервативными очками и впрямь обнаружилась мисс Хадсон.

— Ну что? Я был прав? Что она сказала? — засыпал её вопросами Холмс, не дав и перевести дыхание.

— Господи, Холмс, что за загадки? О чём идёт речь? — не выдержал я.

— Конверт номер четыре, Ватсон, — отмахнулся Холмс и вновь взялся терзать мисс Хадсон вопросами.

Я вскрыл конверт номер четыре. «Мария», было написано на перфорированной ленте. Я с недоумением воззрился на записку. И только спустя минуту до меня дошло.

— Королева?! — вскричал я.

— Тише, Ватсон, тише! — шикнул на меня Шерлок Холмс, а его брат посмотрел с укоризной. — Умоляю вас — на карту поставлена честь женщины. Более того — честь королевы! Итак, мисс Хадсон, расскажите же нам всё!

— Как вы и распорядились, мистер Холмс, сначала я отправилась в книжный магазин «Симпкин и Маршал», где американский литератор мистер Берроуз надписал мне книгу так, как вы и велели мне его попросить, причём сделал это охотно. Очень обходительный и свободомыслящий джентльмен...

— Дорогуша, не отвлекайтесь! — прервал Холмс. Мисс Хадсон с досадой покосилась на моего друга и продолжала рассказ, демонстративно обращаясь исключительно к нам с Майкрофтом.

— После этого я по пропуску, подписанному сэром Майкрофтом, вошла в королевский дворец и получила форму в комнатах прислуги. Ко



времени чаепития я была в покоях Её Величества и прислуживала за столом...

— Полагаю, Майкрофт, это всё было организовано твоими людьми? — спросил Холмс, взглянув на брата.

— Интересы Короны превыше всего, Шерлок, мальчик мой, — пожал плечами советник.

— Убирая со стола приборы, я как бы невзначай оставила на уголке столешницы роман мистера Берроуза, надписанный им самим. Пока я протирала пыль, королева Мария обнаружила книгу и заинтересовалась ею. Прочитав сделанную мистером Берроузом надпись, Её Величество пришла в сильнейшее возбуждение, а потом разрыдалась. Я подала ей нюхательную соль во флаконе и попыталась успокоить.

— Что она говорила? — нетерпеливо спросил Холмс.

— Ничего особенного, мистер Холмс, — ответила мисс Хадсон. — Просто плакала и повторяла: «Я не хотела, не хотела...». И всё. С другими служанками и королевским врачом мы уложили Её величество в постель, и доктор дал ей успокоительное. Книгу и конверт, который вы мне вручили, мистер Холмс, я оставила у изголовья, как вы и велели.

— Что было написано в книге? — спросил я, и вторя мне, Майкрофт Холмс спросил:

— Что было в письме, Шерлок, мой мальчик?

— Вы видели... гм, растения, мисс Хадсон? — не обращая внимания на наши вопросы, продолжал свой допрос Холмс.

— Да, мистер Холмс. Террариум с триффидами стоит в покоях королевы, рядом с вольером для бабочек и морским аквариумом.

Холмс с торжествующим видом обернулся к нам. Мы, сгорая от нетерпения, ждали объяснений.



— Надписывая собственный роман, господин Берроуз под мою незримую диктовку написал следующее: «Мэри, моя королева! Помни: всё, что ты прочтёшь в этой книге, есть игра человеческого ума и плод моей фантазии. Э.Р.Берроуз».

— И всё?! — в полном недоумении спросил я.

— И всё, — подтвердил Холмс. — Но эти скупые слова возымели эффект разорвавшейся бомбы, и мы получили признание.

— Признание? — меняясь в лице, переспросил Майкрофт.

— Именно, — кивнул Холмс.

— Вспомните, Ватсон, статью о визите мистера Берроуза в Туманный Альбион, — продолжал Холмс. — Там говорилось о том, что королева является большой поклонницей творчества этого американского сочинителя. Зная об этом, некто воспользовался слабостью королевы, осведомив её насчёт намерений супруга. Наверняка имело место анонимное послание — а вероятней, послание, подписанное литерой «М» на фоне перекрещенных шпаг. Пусть ваши люди проверят пепел в каминах и корзины для бумаг по всему дворцу, брат.

— Ох уж эта ваша одержимость профессором, Холмс, — покачал головой я.

— Не понимаю, при чём тут сочинения этого заокеанского беллетриста, — сказал Майкрофт Холмс.

— Прочтите на досуге «Дочь тысячи джеддаков», брат, — улыбнулся Холмс. — Там среди уродливых зеленокожих марсиан преспокойно живут себе прекрасные ликом и телом женщины совершенно человеческой наружности, в одну из которых, особу высокородную, и влюбляется главный герой. Чуть для романтически настроенных дам, конечно — но Её Величество сейчас находится в поре гормональной нестабильности, в которую



организм женщины входит, лишившись способности иметь потомство. Злодей сделал ставку именно на то, что королева принимает всё прочитанное за чистую монету — и эта ставка сыграла, господа! Известие о готовящемся в строжайшей тайне символическом браке между монархами Земли и Марса королева, увы, истолковала как весть о супружеской неверности. Это именно тот случай косности мышления, порождённый английскими и христианскими традициями и ценностями, которыми живёт и на которых воспитан каждый подданный Империи. Результатом стала трагедия, развернувшаяся этой ночью. Мне неизвестно, каким образом Её Величество устроила встречу с посланником Марса и как убедила его принять — видимо, в дар — неурезанного триффиды, но ей удалось сделать это. Королевский садовник сообщил мне, что все триффиды в оранжереях систематически подвергаются процедуре урезания жала. Все — кроме миниатюрных триффидов из террариума королевы. След триффиды-убийцы вёл прямо ко дворцу. Сложить два и два было нетрудно. Королева Мария искренне раскаивается сейчас в содеянном, подтверждение чему её нервный срыв. Замысел же злодея, стоящего за всем этим, удался в полной мере — ибо заключение союза между планетами отложено теперь на неопределённый срок, до восстановления доверия между монархами.

Мы помолчали.

— А что было в письме, мистер Холмс? — спросила наконец мисс Хадсон.

— Ничего особенного, — пожал плечами великий сыщик. — Я взял на себя смелость пожелать Её величеству скорейшего выздоровления и от себя лично заверить её в том, что её секрет останется



секретом Короны. Майкрофт, я полагаю, ты проследишь за сохранением конфиденциальности результатов нашего небольшого расследования? И вам ведь ещё в кратчайшие сроки устанавливать памятник королеве Виктории высотой в марсианский треножник перед воротами дворца — сами же обещали в газетах. Мда... замять скандал в наше время обходится казне весьма недёшево. Кстати, могу рекомендовать вам одного грузинского скульптора — он молод, но обожает грандиозные проекты...

Майкрофт Холмс мрачно кивнул.

— Правь, Британия! — воскликнул Шерлок Холмс.

\*\*\*

Ночная прохлада проникала под плотную ткань пальто, и по телу моему то и дело пробегали волны дрожи, а кости отзывались ноющей болью. Странная штука — наше воображение. Жидкость, что ныне течёт в моих жилах вместо крови, по некоторым параметрам схожа с антифризом, ей не страшны самые суровые морозы далёкой Сибири. Я не смог бы замёрзнуть насмерть, даже оказавшись каким-то чудом на антарктическом полюсе холода без пальто — но я кутался в шарф и пытался поглубже нахлобучить котелок, сидя на скамейке лондонского парка промозглой осенней ночью. Разумом я понимал, что не могу мёрзнуть, но тело моё не желало слушать доводов рассудка — и мёрзло. Оставалось только завидовать Холмсу, над которым, казалось, не властны ни время, ни холод.

Знаменитый детектив сидел рядом со мной на скамье в сквере, напротив нашего с ним бывшего дома на Бейкер-стрит, и задумчиво грыз чубук



любимой трубки. Не объясняя причин, он приволок меня сюда, едва стемнело, и вот уже чуть ли не полночи мы ждали неведомо чего, изредка обмениваясь ни к чему не обязывающими фразами. Медленно тянулись часы ожидания. Ночь обволакивала время густой вязкой патокой, замедляя его чуть ли не до полной остановки, и вокруг ровным счётом ничего не происходило.

Бейкер-стрит, получившая во время войны свою порцию германских бомбёжек, до сих пор так и не была восстановлена. Прикрывавшая её секция Кровли рухнула давным-давно, и мы с Холмсом получили прекрасную возможность в течение нескольких часов любоваться лондонским небом, этой ночью на удивление безоблачным. Созвездия медленно поворачивались над нашими головами, и в какой-то миг из-за фуллеровских куполов центра на небосклон выползла Луна, огромная из-за атмосферной аберрации, залив весь мир серебром.

Лондон спал. Давно уже погасли все окна в окрестных домах, движение на улицах и в небе прекратилось. Несмотря на пронизывающий холод, я уже начал было задрёмывать от скуки, когда лёгкое похлопывание по плечу вывело меня из блаженного отупения.

— Смотрите, Ватсон! — прошептал мне в самое ухо Холмс. — Вот он, видите?

Что-то высокое и стройное поднялось над крышами домов, выросло до самых звёзд, подпёрло хрустальную Кровлю. Что-то, блеснувшее полированным металлом в свете луны. Что-то о трёх тонких ногах, легко перешагнувшее деревья сквера и соседние дома. Чуть слышное металлическое позвякивание сопутствовало перемещениям гиганта.

Не веря своим глазам, я только и мог, что наблюдать за тем, как треножник грациозно шагает



вниз по Бейкер-стрит, как он останавливается напротив дома, 221-б и осторожно стучит, деликатно придерживая дверной молоток самым кончиком одного из щупалец.

В окне второго этажа зажётся свет. Я не поверил собственным глазам. Неясный силуэт на мгновение заслонил квадрат освещённого окна, но я не успел его как следует рассмотреть. В следующий миг треножник поднял угловатую коробку генератора теплового луча и залил дом 221-б потоком ослепительного света, от яркости которого я на время совершенно ослеп.

Когда зрение вернулось ко мне, на месте дома полыхала груда битого кирпича.

Треножник на несколько секунд склонился над пылающими обломками. В отсветах пламени его силуэт рисовался на фоне ночного неба багровым символом Зла. Потом, удовлетворившись увиденным, боевая машина марсиан развернулась и зашагала через жилые кварталы в направлении Гайд-парка.

— Скорее, Ватсон! — закричал Шерлок Холмс. — Мы не должны упустить его!

— Но, Холмс, под обломками могли остаться живые люди! — жар огня, доносившийся до нас от руин, заставлял меня сомневаться в собственных словах, но я не мог оставить несчастных в беде, пока существовала хотя бы ничтожная возможность их спасения.

— Бросьте, Ватсон! Никого там нет и не было с самого начала! — отмахнулся Холмс, решительно устремившись к спрятанному в кустах моноциклету.

— Но я сам видел... — начал было я, но мой друг прервал меня:

— Свет? Тени в окне? Ватсон, дружище... Это же типичная ловля на живца! Вы что, запомнили



тот случай с полковником Мораном? Но каков фрукт — попасться на ту же уловку, что и его слуга! Моя Немезида порой так меня разочаровывает, Ватсон!

— Холмс, вы дьявол! — с восхищением выдохнула я уже на бегу. Вдаваться в подробности и требовать прояснения туманных намёков Холмса было некогда. Позже, всё позже!..

Вскочив в седло моноциклета, я ударил ногой по рычагу стартера, и двигатель оглушительно взревел, выплунув из дымовых труб облачка сизого выхлопа. Холмс занял место позади меня, и огромное колесо с гулом пришло в движение. Крепко упершись ногами в подножки, я орудовал рычагами управления как одержимый. Моноциклет, разбрасывая ошмётки дерна с безупречной прежде лужайки кого-то из соседей, описал широкую дугу, безжалостно расправился с живой изгородью, спрыгнул на мостовую и резво покатил следом за треножником, оставляя за собой шлейф дыма.

— Гоните, гоните, Ватсон! — кричал мне в ухо Холмс. Его пальцы стальной хваткой вцепились мне в плечи. — Не дайте ему уйти! Здесь, на перекрёстке, налево! Теперь направо через квартал! В следующую подворотню слева! Газон, газон! Кошка!!! Она же чёрная! Боги, с кем приходится... Да чёрт с ней, с собакой! Гоните же!..

И я гнал.

Улицы и переулки слились в сплошное мелькание стен с тёмными провалами окон. Электрические и газовые фонари пролетали мимо росчерками жёлтого и добела раскалённого пламени. Рокот двигателя делался совершенно оглушительным в глубоких колодцах дворов. Небо стало лишь узкой неясной полосой между





вплотную обступившими нас зданиями. Время от времени впереди на фоне более светлой Кровли мелькала удалявшаяся нескладная фигура высотой до небес. Мне удавалось не выпускать размеренно шагавший треножник из виду, держась на одном от него расстоянии, не отставая, но даже для этого приходилось выжимать из мотора всё, на что он был способен.

И должен вам без ложной скромности сказать — вряд ли лондонцам посчастливится ещё раз увидеть подобную сумасшедшую гонку в ближайшее время.

Я превзошёл сам себя.

И всё-таки мы отставали.

— Постараемся перехватить его у Гайд-парка! — прокричал Холмс сквозь свист ветра и басовитый рёв движка. — Надо, Ватсон, надо! Иначе он исчезнет среди деревьев, затаится там, с помощью своих холоуев демонтирует и спрячет машину, как следует её замаскировав, а сам растворится поутру в толпе, и поминай, как его звали!

— Чёрт побери, Холмс, да о ком вы всё время твердите?! — проорал я в ответ.

— Пятый конверт, Ватсон! Пятый конверт! — кричал в ответ Холмс.

Однако играть здесь и сейчас, во время безумной погони за ушедшим прочь треножником, ежесекундно рискуя собственной жизнью и жизнью моего друга, в странную игру, навязанную мне великим сыщиком, у меня не было ни малейшего желания.

— К чёрту, Холмс! Сейчас не до этого!

— Верно, мой друг! Вот догоним, и он сам нам представится!

Меня поразила твёрдая уверенность Холмса в несомненном успехе нашего предприятия, с моей



точки зрения почти безнадежного. Ему явно было известно больше, чем он старался показать — как, впрочем, и всегда.

Треножник между тем, насколько я мог ориентироваться в мельтешении проносящихся мимо улиц, пересёк лишённый Кровли Мерилибон, аккуратно перешагивая его дома, и маячил теперь в районе Оксфорд-стрит, в непосредственной близости от парковой ограды и шелестящего убежища облетающих крон Гайд-парка.

Наш моноциклет вылетел на незастеклённую Оксфорд-стрит и помчался к воротам. Треножник перешагнул парковую ограду и двинулся на запад. Макушки деревьев скрывали его ноги едва ли на треть. Он напоминал ожившее и бредущее по пшеничному полю огородное пугало — только вместо колосьев раздвигал при ходьбе вековые дубы и грабы.

На оглушительный в ночи треск двигателя моноциклета треножник не обращал ни малейшего внимания. В зеркало заднего вида я заметил, как в окнах оставшихся позади домов разбуженных нами лондонцев начинает зажигаться электрический свет.

— Я понял, Ватсон!!! Там озёра! Система прудов посреди парка! Туда он идёт, туда! Там можно затопить треножник! А пруды наверняка сообщаются туннелями с дождевой канализационной системой, а потом — с Темзой! Если он успеет добраться до прудов, он снова уйдёт! Мы должны его остановить!

— Вы в своём уме, Холмс?!

— Тогда — задержать!

Что могут противопоставить два маленьких человека машине размером с гору?!

Немногое.



Две пары всё ещё крепких кулаков, пусть из плоти и крови состоят лишь три из них. Пару древних, но вполне смертоносных револьверов. Честь. Доблесть. Целеустремленность.

Ну, и пару тузов в рукаве, само собой.

— В этих прудах запросто можно спрятать хоть субмарину, — меж тем продолжал терзать мой и без того измученный слух Холмс. По тому, как он на мгновение умолк, я понял, что эта мысль полностью захватила его. Ещё через мгновение Холмс взревел: — Вот оно, Ватсон! Подлодка! А я всё гадал, и как это ему удалось незаметно протаскать в Англию новёхонький треножник от самого Ла-Манша?

— Не понимаю, о чём вы, Холмс, — прокричал я в ответ, — но бога ради, ДЕРЖИТЕ РЫЧАГИ!..

Надо отдать должное моему другу — в критические минуты на него можно положиться, как на себя самого. В тот же миг, как я отпустил рычаги управления моноциклетом, на них легли крепкие ладони Холмса, и машина даже не рыскнула, продолжая стремительно приближаться к воротам Гайд-парка.

Я же ухватился левой рукой за кисть правой, искусственной, и особенным образом резко крутанул её. Если бы не грохот и треск моноциклетного двигателя, был бы явственно слышен металлический щелчок. Кисть механистического протеза осталась у меня в руке.

На срезе культи механопротеза зияли шесть расположенных по окружности отверстий. В плечевом суставе проснулся пленённый атом, запиная микромоторы искусственной руки, и отверстия пришли в движение, вращаясь вокруг общей оси, всё быстрее и быстрее. В громыхание и треск мотора нашего одноколесного транспортного



средства вплёлся высокий, на грани визга, звук. Я особым образом сосредоточился, и миниатюрная картечница Гатлинга открыла огонь.

Трассеры кислородных пуль дымными веерами устремились к вышагивавшей по парку нескладной долговязой фигуре. Кучность огня была приличной — Холмс чётко держал курс на треножник, а годы службы на периферии Империи научили меня стрелять из любого положения, любого вида оружия, с любой руки и в любое время дня и ночи. Стрелять — и поражать цель. Служба Британской Короне в годы войны лишь закрепила и развила эти навыки.

Первые же разрывы накрыли цель. Облако ослепительного пламени на несколько секунд полностью скрыло инопланетную машину, и у меня в глазах поплыли багровые круги. Я успел подумать, каково же чувствительным глазам Холмса, раз уж весьма непритязательным моим собственным приходится так тяжело, и услышал змеиное шипение за спиной, перекрывшее даже шум мотора. Руки Холмса, уверенно лежавшие на рычагах управления, на миг исчезли и тут же вернулись вновь. Скосив глаза, в свете бешено летящих назад фонарей я обнаружил, что Холмс умудрился нацепить на нос свои дымчатые очки. Теперь он спокойно смотрел на пламеневший в небе над Гайд-парком костёр.

Когда пламя погасло, треножник был невредим. Однако теперь он остановился, и мы на всех парах стремительно сокращали разделявшее нас расстояние.

— Есть! Есть! Молодчина, Ватсон! — Холмс ухитрился чувствительно хлопнуть меня по плечу, отчего машина рыскнула, но тут же вернулась на курс.

Треножник шевельнулся.

Часть его шупалец свернулась в плотные спирали, скрывшись на миг под шаром капсулы. Когда



щупальца, разворачиваясь, вновь появились оттуда, на нас глянула, наливаясь смертельным огнём, зажата в них кубическая камера генератора теплового луча.

Ослепительно-белый луч сверкнул нам навстречу. Там, где он прошёл по мостовой Оксфорд-стрит, камень брусчатки плавился и испарялся.

Холмс бросил машину вправо, потом — влево. Луч плясал совсем рядом, пытаясь дотянуться до нас. Всё, чего он касался на своём пути, вспыхивало и оплывало — стены домов, тротуарная плитка, колонны фонарей... Моноциклет лавировал среди озёр рукотворной лавы. Холмс управлял машиной, как заправский гонщик на ралли, проходящий полосу препятствий, и смерть раз за разом промахивалась. Впрочем, долго так продолжаться не могло. У треножников нет мёртвых секторов обстрела, поэтому нашим спасением было уйти с хорошо освещённой улицы — ибо каждый ярд, приближавший нас к треножнику, уменьшал наши шансы на выживание. Огонь инопланетной машины делался всё точней.

В ответ я продолжил обстрел шагающего танка марсиан из своей микро-митральезы, стараясь если не повредить его, так хотя бы ослепить на время разрывами пуль.

На короткое время мне это удалось.

Потом луч задел моноциклет, и в следующий миг мы с Холмсом уже кубарем катились по мостовой среди пылающих обломков машины.

Погасив смертоносный луч, треножник зашагал нам навстречу.

Внезапно тёмная масса закрыла небо, звёзды и Луну, сделав мрак ночи совершенно непроницаемым. Огромная грузная сигара, своими очертаниями напоминавшая кита, повисла в небе



над Оксфорд-стрит. С носа дирижабля сорвался режущий глаза поток белого света, и вокруг треножника вспыхнули деревья. Треножник взмахнул генератором теплового луча в попытке сбить неведомого врага. Луч, пройдя по широкой дуге, разбил в кирпичную крошку трубы окрестных домов. Кровля в тех местах, где её задел луч, с грохотом взорвалась брызгами капель расплавленного стекла.

Потом треножник побежал.

Движения его были столь быстры, что очертания металлических ног слились в расплывчатое пятно. Инопланетная машина устремилась к центру Гайд-парка — но прежде, чем она достигла его, от медленно ползущего ей вслед дирижабля отделилась крылатая тень аэропила и стремительно метнулась вдогонку. Описав круг совсем рядом с убежавшим треножником, аппарат завис на месте, танцуя в воздухе. Игольно-тонкий, как спица, луч пересёк путь мчащейся машины, и треножник наткнулся на него, не успев отвернуть.

В первое мгновение казалось, что ничего не произошло — но потом ноги треножника переломились на том уровне, где их пересёк луч, и тяжёлый шар капсулы, двигаясь по инерции, рухнул в переплетение древесных крон. К небесам взлетел фонтан грязной воды и водяного пара.

Описав вокруг места падения металлического исполина несколько кругов, аэропил устремился в нашем направлении, пройдя над нами с Холмсом так низко, что мы разглядели за стеклом кабины среди мерно вздымавшихся и опадавших крыльев машины бледное лицо, наполовину скрытое широкими гоглами.

Потом аэропил взмыл к небесному левиафану, который величественно развернулся и скрылся в



ночном небе над разбуженным Лондоном, показав нам напоследок необъятный покатый бок, украшенный огромной пятиконечной звездой, цвет которой в свете Луны казался чёрным.

Со всех сторон слышались свистки сбегавшихся к месту происшествия лондонских бобби. Пока ещё далеко, но с каждым мгновением всё ближе, звонил колокол пожарной дружины.

— Ну вот, Ватсон, всё и закончилось, — невозмутимо сказал Шерлок Холмс, отряхивая пыль с крылатки, словно и не было всей этой безумной гонки, едва не стоившей жизни самонадеянным преследователям.

— Уверены, Холмс? — скептически спросил я.

— К счастью, нет, мой друг, — ответил Холмс, хрипловато посмеиваясь. — Иначе жизни снова грозило бы сделаться пресной на неопределённый срок.

Утро, закономерно продолжившее полную стрельбы, беготни и бесплодных поисков ночь, мы с Холмсом встречали там же, откуда начали ночную суету — в сквере на Бейкер-стрит. Ежась от предрассветного холода, мы с моим гениальным другом ждали появления первых утренних газет — а в их отсутствие кутались от пронизывающего осеннего ветра в клочья газет вчерашних, которые служили ночью одеялом одному из местных бездомных.

Сейчас бездомными были мы с мистером Шерлоком Холмсом.

— Вот и осиротели мы, Ватсон, — раздалось у меня над ухом. Я вышел из оцепенения, в которое впал от созерцания незавидной судьбы, постигшей дом, который столь долго был неотъемлемой частью нашего с Холмсом бытия.



— Нас не было столько лет, и, вернувшись, мы даже не успели там побывать... — я был не в силах скрыть своей горечи.

— Может, и к лучшему, что не успели, — философски заметил Холмс, и треск пламени в руинах был лучшим подтверждением справедливости его слов. — И потом — говорите за себя, друг мой. Я посетил нашу обитель мимоходом, когда готовил ловушку. Назовём это визитом вежливости. И знаете что, Ватсон? Время там словно остановилось. Все предметы лежали там, где мы их оставили много лет назад. Даже пыли нет. Словно в музее.

— В путеводителе по достопримечательностям Лондона по адресу Бейкер-стрит, 221-б как раз и значится музей Шерлока Холмса, — заметил я.

— Вот как? Не знал, — в голосе моего друга слышалась ирония, отчего его утверждению не хватало убедительности.

— Не поверю, что обязательная в таких случаях медная табличка ускользнула от вашего внимания, друг мой, — улыбнулся я в ответ. — Но, боюсь, Холмс, идиллия музейного покоя навсегда покинула эти стены. Да и от стен-то ровным счётом ничего не осталось...

— Наш старый недруг весьма обстоятелен, сводя личные счёты, — ответил Холмс.

— О да, — отозвался я.

Предыдущей ночью, прочёсывая Гайд-парк вместе с сотней лондонских полицейских и приданной ротой солдат, я улучил минутку и заглянул в пятый из конвертов, врученных мне Холмсом перед стыковкой «Графа Цепеллина» с причальной мачтой. На перфорированной бумаге была небрежно выведена литера «М» из четырёх перекрещенных шпаг.



Мориарти.

Ну разумеется. Иначе и быть не может.

Порой одержимость моего друга своим извечным врагом приводила меня в сильнейшее раздражение — вот как сейчас.

— Холмс, друг мой! Ну с чего вы взяли, что за всем этим стоит наш злой гений? — спросил я как можно более мягко, памятуя о том, что задавать подобные вопросы одержимым следует со всей возможной деликатностью.

— Дорогой мой Ватсон! — улыбнулся знаменитый детектив. — Это настолько очевидно, что не нуждается в доказательствах. Воспользуйтесь в рассуждениях принципом оккамовой бритвы, и у вас просто не будет иных вариантов. Вот, кстати, приближается наша вольномыслящая секретарша — обратимся-ка за помощью в расчётах к её самодвижущейся молчаливой спутнице.

И действительно, по аллее к нам направлялась рыжекудрая мисс Хадсон, за которой, пуская в прохладу лондонского утра колечки дыма, катилась Дороти.

— Доброе утро, мисс Хадсон! — приветствовал её Холмс.

— Мистер Холмс, доктор! Я так рада, что с вами ничего не случилось! — с этими словами наша секретарша, никогда прежде ни разу не уличенная в излишней сентиментальности, бросилась на шею великому сыщику, а следом — и мне.

— Анна-Вероника, милая... — чувствуя, как щекочет мне ноздри терпкий запах духов, я осторожно похлопывал её по спине живой рукой. — Ну-ну, полноте... Всё обошлось.

Высвободившись из объятий, она в одно движение утёрла с глаз слёзы, противоречащие строгому



образу суфражистки и эмансипэ, и поправила растрепавшуюся причёску.

— Ирен, — сказала мисс Хадсон, не сводя глаз с Холмса, который в ответ лишь иронично приподнял левую бровь. Мисс Хадсон расправила плечи и перевела взгляд на меня. — С сегодняшнего дня — Ирен.

— Но... — я замялся.

— Всё в полном порядке, Ватсон. Попытка провокации не удалась, — отозвался мой друг с изрядной долей флегмы. — Многое в моей жизни было связано с женщиной, носившей когда-то такое имя, однако время милосердно лишает нас памяти и остроты восприятия. Так что можете называть себя как угодно — лишь бы при этом вы оставались собой.

Мне показалось, что мисс Хадсон слегка опешила — во всяком случае, если она и ожидала реакции на своё провокационное заявление, то отнюдь не такой. Воспользовавшись её замешательством, Холмс тут же перехватил инициативу.

— Готовы ли те расчёты, о которых я вас вчера просил, мисс Хадсон?

— Да, мистер Холмс.

— И вы скормили Дороти все — абсолютно все — данные, о которых я просил?

Мисс Хадсон зарделась было, но ответила утвердительно.

— И каков вердикт нашего механистического эксперта? — Холмс изобразил живейший интерес.

Мисс Хадсон протянула ему рулон перфоленты. Холмс порывисто схватил ленту и спустя полминуты был опутан её витками настолько, что стал похож на центральную фигуру скульптурной композиции работы Агесандра Родосского.



— Ага! — вскричал он наконец. — Вот, посмотрите, Ватсон!

Дыры в перфоленге складывались в слова, понятные для человека сведущего.

«Провокация со стороны преступной группы промышленников и финансистов».

«Новая мировая война».

«Угроза инопланетного вторжения».

И всё.

Я с недоумением посмотрел на моего гениального друга.

— Не понимаю, чему вы радуетесь, Холмс. Дороти выдала совершенно пессимистическую экстраполяцию данных. Прогноз весьма неутешителен.

— Помните, я обещал вам доказать превосходство человеческого интеллекта над машинной логикой? — ответил Холмс. — Вот оно! Машина склонна к обобщению, пусть прогноз её в целом и правилен! Но дьявол, дьявол-то в деталях, Ватсон, дружище! Детали же я предоставил вам задолго до того, как события, свидетелями и участниками которых мы стали в последние сутки, начали оказывать своё влияние на мировую историю! Откройте же последние конверты, ну же, скорее!

Я вскрыл конверты с цифрами 6 и 7. «Война», гласила надпись из конверта под номером шесть. «Вторжение с Марса», было написано в последнем конверте.

Удивляться у меня уже не было сил.

— Bravo, Холмс, — вяло отозвался я. — Но я так и не понимаю вашей одержимости нашим покойным недругом. На чём основана ваша уверенность в том, что за всей этой путаной интригой стоит именно он?

— Помните ту заметку о ритуальном убийстве в Ричмонде, столь ужаснувшую нашу очаровательную мисс Хадсон? — спросил Холмс. — Видите,



она и сейчас изменилась в лице. Кем приходился вам покойный, Ирен? Ответьте сами, пусть доктор услышит это от вас. Я знаю и так.

Мисс Хадсон молчала, закусив губу. Потом, решившись, извлекла из-за лифа строгого платья медальон и со щелчком раскрыла его.

Со старой дагерротипии на меня взглянули два лица, мужское и женское. Мужчину я видел впервые в жизни. Женское лицо рождало какие-то ассоциации, но я никак не мог ухватить сути.

— Ватсон, я помогу вашему усталому мозгу, — смиловился наконец Холмс. — Женщина на фото — мать юной мисс Хадсон и дочь нашей почтенной домашней хозяйки с Бейкер-стрит.

— Действительно! — вскричал я, хлопнув себя по лбу — к счастью, левой ладонью. — И как я мог не заметить сходства?!

— Бывает, доктор, и с годами всё чаще. Даже я не тот, что прежде. Мне тоже понадобилось больше времени, чтобы во всём разобраться. Пришлось навести кое-какие справки, но теперь всё становится понятным. Мужчина на даггерографии...

— Мой отец, — чуть слышно сказала мисс Хадсон. Собравшись с духом, она продолжила: — Он пропал до моего рождения. Брак между моими родителями заключён не был, и мать ничего не получила по наследству. Считалось, что он попросту бросил нас и сбежал. Годы спустя суд признал его мёртвым, но все вокруг были уверены, что он не захотел связать себя узами брака... Только моя мама так до конца жизни и не поверила в это. Она знала, что он не мог просто сбежать, они ведь любили друг друга... Мама не верила, что отец мог бросить нас! Она считала, что с ним случилось нечто ужасное — и оказалась совершенно права! Пусть и прошло столько лет, прежде чем обнаружили доказательства её правоты.



— Страшные доказательства, — заметил Холмс. — И потом... Вы помните, Ватсон, чем, по словам его знакомых, занимался этот несчастный?

— Изучал природу пространственно-временного континуума, если я верно запомнил?

— Отчасти, — кивнул Холмс. — Он путешествовал по Времени.

— Это решительно невозможно! — возмутился я. — Это... это антинаучно, в конце концов!

— Он так не считал. Безумство храбрых... Не прольёте ли свет на обстоятельства его исчезновения, мисс Хадсон? Наверняка ваша покойная ныне матушка немало рассказывала об этом, учитывая то, какие чувства она испытывала к отцу своего ребёнка?

Мисс Хадсон кивнула.

— Я часто слышала эту историю в детстве. Позже мама рассказывала её всё реже. Она словно смирилась с потерей. Отец... — ей явно с трудом далось это слово, — испытывал тогда значительные денежные затруднения. Его эксперименты и вложения в оборудование для них сильно подорвали наше благополучие, он оказался на грани разорения. Но тут появился некий человек, заинтересовавшийся исследованиями отца и субсидировавший его проект. Отец был на подъёме, он искренне радовался, что его жизнь налаживается. Сделал маме предложение, и она его приняла. Но после серии экспериментов он вдруг исчез, и мы долгое время считали, что исчез навсегда. А потом эта заметка в газете...

И мисс Хадсон разрыдалась. Успокоив её со всем возможным тщанием, мы вернулись к разговору.

— Ваша покойная матушка не упоминала, кем был человек, финансировавший работы вашего



отца? Как он выглядел, чем занимался? — спросил Холмс.

— Она видела его лишь однажды и мельком, — мисс Хадсон промокнула слёзы кружевным платочком. — Высокий, очень сутулый человек, весьма немногословный и скрытный.

Я с восхищением взглянул на своего друга.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос о моей одержимости, Ватсон. Я одержим этим злым гением лишь потому, что чувствую его влияние на события, происходящие в мире. Потому что он жив, доктор! Отец мисс Хадсон, этот доверчивый бедняга, наградой которому стали лишь смерть, безвестность и горе близких, помог профессору исчезнуть из нашего времени и в один миг оказаться в будущем! За четверть века, через которую Мориарти перескочил в мгновение ока, его криминальный капитал, рассеянный по сотням счётов в банках всего мира, многократно увеличился, и теперь он располагает гигантским состоянием, которое развязывает ему руки в любых грязных махинациях. Деньги дают ему исключительную свободу — он уже способствует постепенному нагнетанию напряжения не только международного, но и межпланетного. Его стараниями отношения между обитаемыми мирами в последнее время серьёзно ухудшились. Воспользовавшись информацией о переговорах между нашим монархом и марсианской элитой, он заполучил в свои нечистые руки новейшие технологии инопланетян, а теперь пользуется ими для того, чтобы спровоцировать сверхдержавы на новую мировую — а возможно, и межпланетную войну! Вы заметили под слоем грязи на том поверженном трёхногом голиафе, которого сегодня поутру подняли из пруда в Гайд-парке, намалеванную



свастику? Как по-вашему, какова была бы реакция Великобритании на террор, чинимый в столице новейшим марсианским треножником с символикой Кайзеррайха на нём, если бы не наше участие в этом деле, Ватсон? Ответ один — война! Война, выгодная одному только человеку — профессору Мориарти, который преодолел время, чтобы её развязать!

— Но зачем? — Моё недоумение было совершенно искренним.

— Власть, деньги, нажива, личные амбиции... Да мало ли может тому быть причин? Наверняка ответ известен лишь одному человеку на свете — самому профессору. Но мы обязательно спросим его об этом, когда наконец поймаем. Именно он управлял треножником, Ватсон, тут и сомнений быть не может. И пусть ему удалось на сей раз ускользнуть в бездонное чрево лондонской канализации — где, кстати, ему самое место — но мы таки выведем его на чистую воду, Ватсон! Раньше или позже — но выведем.

Я лишь вздохнул.

Когда заря заиграла всеми оттенками розового на гранях фуллеровских куполов лондонской Кровли, тишину утра разорвал треск двигателя моноциклета. Курьер в цветах королевского дома, лихо откозыряв моему другу, вручил ему украшенный лентами и гербовыми печатями солидный пакет и, убедившись, что Холмс тут же ознакомился с содержанием вложенного в него письма, укатил прочь. В ответ на наш с мисс Хадсон незаданный вопрос великий сыщик лишь устало улыбнулся.

— Земельный надел в Эссексе и рыцарский титул. Так выражается монаршая признательность,



Ватсон, — голос Холмса был полон иронических ноток.

— Сэр Шерлок? — Я покатал на языке непривычный — пока непривычный — для слуха титул. — А что, по-моему, звучит весьма неплохо, Холмс. С положенной по возрасту и заслугам солидностью.

— Пожалуй, — нехотя согласился мой друг. — А это, если мне не изменяет дедукция, благодарность от королевы.

С этими словами он указал на что-то за моей спиной. Я обернулся, и позвоночник отозвался привычно прострелившей поясницу болью — фантомной, конечно, но от этого ничуть не менее неприятной.

Над курившимися дымком развалинами, бывшими ещё совсем недавно домом номер 221-б по улице Бейкер-стрит, из-за сверкающей в лучах восходящего солнца Кровли поднимался изящных очертаний дирижабль класса воздушной яхты. Приблизившись к нам, судно снизилось и заслонило небо. Из раскрывшегося люка скатился трап, по которому на землю резво спустился подтянутый офицер в отутюженной парадной форме со знаками различия капитана Воздушного Флота Империи.

— Капитан Коул, Воздушный Флот Его Величества, — отрекомендовался он. — Её Величество королева Мария просит принять этот скромный дар в знак признания ваших заслуг перед Британской короной и Её августейшего к вам расположения, мистер Холмс, сэр. Добро пожаловать на борт, леди и джентльмены!

Холмс устало поднялся со скамьи.

— Ну вот и наш новый дом, Ватсон. Мисс Хадсон, принимайте дела. Дороти... Найдите для неё подходящий угол, капитан. Нас ждут



великие дела, друзья мои. Отправляемся немедленно!

— Пункт назначения, мистер Холмс? — подо-  
брался капитан.

— Помните тот таинственный дирижабль со звёздами на бортах, Ватсон? И аэропил, воору-  
жённый гиперболоидом, разработкой одного  
гениального безумца русского происхождения? Я  
полагаю, наш путь лежит в Россию, капитан Коул.

— Россия? — переспросил капитан. — Это туда,  
где зима круглый год, казаки, цыгане и медведи?

— Именно, — ответил Шерлок Холмс. — В Рос-  
сию. И, надеюсь, на вашем корабле найдётся  
скрипка?

С этими словами великий детектив ступил на трап дирижабля, которому отныне суждено было стать нашим новым домом.

Нам же только и оставалось, что последовать за ним.

— Холмс! — окликнул я. Сыщик выглянул из люка и вопросительно уставился на меня. — Одно-  
го не могу понять — как вы всё так просчитали с  
этим пари?! Столько неизвестных...

— Мой милый Ватсон! — ответил Холмс. — Вы стали жертвой небольшого мошенничества с моей стороны. Признаюсь в этом сразу. Несомненно, в ходе нашего расследования очерёдность получения нами ответов могла быть совершенно произвольной — кроме первых пунктов, потому что треножник я угадал даже под шатром ещё с борта «Цепелина», и оттуда же разглядел, что оранжерея разбита — отсюда и догадка о триффиде. Но фортуна была на моей стороне, и все остальные пункты открывались нами в нужном порядке.



— А если бы ход расследования изменился? — спросил я.

— Тогда бы я командовал открывать конверты в иной, но именно нужной мне очерёдности, и вы всё равно восхищались бы моей проницательностью и дедукцией, друг мой! — ответил великий сыщик Шерлок Холмс. — Обожаю это ваше изумлённое выражение лица, Ватсон. Ничего не смог с собой поделать, слишком уж велико было искушение. Простите меня, друг мой. А теперь — милости прошу в салон на рюмочку шерри и сигару. Здесь можно курить, представляете, доктор? Боже, храни королеву!





# **ВОР ЖЕНСКОГО РОДА ИЛИ НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ**





— Ровно сто? Вы уверены? — голос Холмса был бесстрастен и тих, поза расслаблена, и лишь сверкнувшие из-под полуопущенных век глаза выдавали скрытое напряжение.

— Тютелька в тютельку, сэр. Восемь дюжин и ещё четыре пуговицы, десять футляров по десять штук. Это же Европа, сэр! — миссис Тревер негодуяще фыркнула и поджала губы, призывая нас разделить её возмущение тем обстоятельством, что где-то ещё существуют дикари, до сих пор использующие варварскую десятичную систему счисления.

Холмс впился зубами в незажжённую трубку и какое-то время молча разглядывал нашу гостью, величественно застывшую в центре гостиной. Эта грозная женщина держала в страхе всю дворцовую прислугу, от самой последней горничной до хранителя королевской печати, и даже сам Майкрофт Холмс упоминал о ней не иначе как с опасливым уважением. Она ничуть не утратила грозного величия и сейчас, когда обстоятельства сложились не самым приятным для неё образом — одна из её подопечных была заподозрена в краже тех самых драгоценностей, хранить и беречь которые должна была в силу служебных обязанностей.

Положение осложнялось тем обстоятельством, что пуговицы были предназначены для платья, в котором Её Величество намеревалась открыть рождественский бал на Зимней Выставке Национальных Достижений — событие скорее политическое, нежели увеселительное, и потому пропажу столь важного аксессуара вряд ли удалось бы скрыть от внимания общественности.



Пока что подозреваемая в преступлении старшая горничная Элизабет была заперта в одном из внутренних помещений под надёжной охраной, и служба безопасности допрашивала её подруг и знакомых. Остальная прислуга — в том числе и сама миссис Тревер, к немалому неудовольствию последней — тоже была подвергнута этой унижительной процедуре, но признана непричастной и отпущена. Чем грозная дама и не преминула воспользоваться, немедленно явившись с визитом в восточные доки, где припаркован наш «Бейкер-стрит, 221-б». Сесть она отказалась с таким видом, словно ей предложили бог знает какое непотребство, до чашечки чая тоже не снизошла, предпочтя сразу перейти к делу и потребовать от моего знаменитого друга немедленно восстановить попорченную справедливость.

Миссис Тревер была уверена в невинности Элизабет.

— Она хорошая девушка, сэръ, и слишком дорожит работой. Скромная и добрая. Может быть, не слишком умная, но зато очень исполнительная, а это куда важнее. Вовсе не такая, как большинство современной прислуги, мнящей о себе невесть что и одевающейся не пойми как...

После этих слов, произнесённых миссис Тревер тоном Крайнего Неодобрения, наша очаровательная секретарша попыталась испепелить посетительницу негодующими взглядами, не преуспела и лишь залилась возмущённым румянцем. Но ничего не сказала, и затянутую в лаковый сапог ногу со спинки кресла всё-таки убрала. А ведь миссис Тревер на неё даже и краем глаза не покосилась, и вообще до той минуты я был уверен, что неслышно вошедшая вслед за посетительницей мисс Хадсон осталась тою совершенно незамеченной.



Поначалу я был склонен счесть это дело скорее забавным курьёзом, чем серьёзным преступлением, достойным гения моего друга. Подозреваю, что и сам Холмс придерживался такого же мнения. Действительно, что может быть комичнее кражи пуговиц, пусть даже это и пуговицы из Букингемского дворца? Но миссис Тревер быстро развеяла наши заблуждения.

— Это не простые пуговицы, сэ. Скорее, нашиваемые на лиф украшения в виде снежинок с крупным бриллиантом по центру и шестью более мелкими на кончиках лучей. Все камни чистейшей воды, так что общая стоимость превышает двадцать пять тысяч фунтов стерлингов, так-то, сэ!

Мисс Хадсон удивлённо присвистнула. Я не слишком одобряю новомодные привычки нашей чересчур эмансипированной секретарши, но тут и сам был готов последовать её примеру. Мне довелось какое-то время вкушать радости брака, и потому я, конечно, знаю, что женщины тратят на свои наряды гораздо больше времени и средств, нежели представители сильного пола. И уж если даже моя скромная, ныне давно покойная Мэри не раз ввергала меня в искреннее недоумение астрономическим счетом за какую-нибудь совершенно ерундовую шляпку, то что говорить о других, более ветреных и менее скромных особах? Но чтобы даже Её Величество... нет, поистине — женщины выше моего понимания!

Так же, как и пуговицы, ценою более двухсот пятидесяти фунтов за штуку...

Злополучное платье, на лиф которого их предстояло крепить, было доставлено во дворец три недели назад из Парижа, что само по себе уже оказалось на грани скандала, ведь ранее весь



гардероб поставлялся королевскому семейству исключительно отечественными модными домами. Но конкурс на лучшую зимнюю модель был самой королевой объявлен открытым и анонимным, и потому участие в нём иноземных домов моды не только ожидалось, но и приветствовалось. Чего не ожидалось совершенно, так это того, что кто-то из иноземцев сумеет превзойти лучших британских модельеров. Победа никому неизвестной француженки по имени Габриэль Бонёр стала для многих настоящим шоком.

Но последнее слово было за Её величеством, и для воплощения в материале оказалась отображена поначалу мало кому понравившаяся модель — довольно простая, с узкой юбкой и приталенным жакетом из серебристого шёлка, без воротника и привычных оборок. Единственным украшением должны были служить те самые пуговицы в виде снежинок.

Именно эти пуговицы Её Величество и попросила переделать — после того, как готовое платье доставили во дворец для последней примерки.

Дело в том, что по первоначальному замыслу снежинки были украшены не бриллиантами, а рубинами. Но в день примерки яркие камни на фоне серебристо-белого шёлка вызвали у Её Величества отчётливые ассоциации с брызгами крови, а потому показались несоответствующими настроению зимнего праздника. Королева велела заменить рубины бриллиантами, оставив всё остальное без изменений.

Но не возвращать же платье обратно в Париж из-за каких-то пуговиц! Тем более что чудом уцелевший при бомбёжках участок Сити рядом с Хаттон Гарден куда ближе улицы Камбон, 31. Пуговицы были аккуратно сняты с платья, уложены



обратно в футляры, в которых они и прибыли из Парижа, и отправлены в ювелирную мастерскую, принадлежащую компании «Голдсмит».

Переделка заняла три недели. Сегодня утром пуговицы были возвращены. Миссис Тревер лично осмотрела как футляры, так и их содержимое, и признала исполнение удовлетворительным. После чего поручила их заботам Элизабет, пообещав прислать белошвейку.

Футляры находились на столике в гардеробной четвёртого этажа, выход оттуда только один — через большую залу, откуда миссис Тревер не отлучалась следующие два или три часа, присматривая за проводимой там уборкой и так увлечшись наставлением на путь истинный нерадивых горничных, что вспомнила о белошвейке только тогда, когда заметила ту весело болтающей с помощником садовника в уголке за колонной. Подобное возмутительное разгильдяйство было немедленно пресечено, молодые люди пристыжены и отправлены заниматься своими делами — помощник садовника к неподстриженным розам, а белошвейка — в гардеробную, где её с нетерпением ожидали пуговицы в виде снежинок. Во всяком случае, так предполагала миссис Тревер.

Но не прошло и двух минут, как из гардеробной выскочила донельзя возбуждённая белошвейка и начала отчаянно вопить об ужасном преступлении. Заставив её замолчать при помощи двух увесистых оплеух, миссис Тревер сама прошла в гардеробную, где и обнаружила рыдающую на пуфике Элизабет — и открытые футляры, разложенные на столике в центре комнаты.

Футляры были пусты.

Элизабет позже утверждала, что она приготовила всё для предстоящей работы — достала



платье из чехла и натянула его на манекен, вынула из шкафчика коробку со швейными принадлежностями и раскрыла футляры. Все пуговицы находились на своих местах, в гардеробную до белошвейки никто не входил — впрочем, последнее обстоятельство подтверждала и миссис Тревер. Сама же Элизабет отлучалась только на минуточку — в смежную комнатку, где стоял телеграфный аппарат, чтобы поговорить с сестрой. А когда вернулась — то увидела белошвейку у стола, склонившуюся над футлярами, и ничего не успела понять, как та вдруг начала громко кричать, обвиняя Элизабет в краже, а после выскочила с воплями из гардеробной.

Обе девушки были задержаны подоспевшей службой безопасности и подверглись личному досмотру, как и смежные комнаты. Ни одной из пуговиц не обнаружилось. На коммутаторе проверили соединения с телеграфного аппарата. При этом выяснилось, что общалась мисс Элизабет не только с сестрой, но и ещё с двумя абонентами, адреса которых проследить не удалось, поскольку их аппараты были мобильными. В общей сложности это заняло у неё более двух с половиной часов — что сразу же возбудило сильнейшие подозрения у представителей дворцовой службы безопасности.

— О чём можно говорить более двух с половиной часов по телеграфу? Наверняка о чём-то очень важном и, безусловно, преступном — так они рассудили!

При этих словах, сказанных миссис Тревер, мой друг не удержался от скептической ухмылки, да и я, признаться, тоже. Мисс Хадсон же снова залилась очаровательным румянцем и метнула в нас пару самых зелёных на свете молний. Ведь это



именно из-за её привычки под настроение часами висеть на телеграфе, выстукивая: «А она что?.. ну надо же! А он что? Что, в самом деле?! Ну надо же!.. а она что?» мы с Холмсом были вынуждены заказать ещё и мобильные модификации этого аппарата, настолько миниатюрные, что они легко помещаются в жилетном кармане или крепятся на запястье, что позволяет нам быть на связи в любое время, независимо от настроения нашей зеленоглазой помощницы.

Признаться, я так увлёкся размышлением о загадках женского пола в целом — и созерцанием отдельной его представительницы в лице обворожительной мисс Хадсон в частности, что совершенно не обратил внимания на количество похищенных пуговиц. До тех самых пор, пока Холмс не переспросил вдруг слишком спокойным голосом: — Ровно сто? Вы уверены?..

Лицо моего друга оставалось при этом бесстрастным, но я заметил, что один из его левых верхних моляров, а именно — третий, несколько более крупный, чем прочие и в просторечье именуемый клыком, оставил на костяном чубуке любимой трубки глубокую царапину. А это, как ничто другое, свидетельствовало о крайнем волнении знаменитого детектива, обычно чрезвычайно аккуратного в обращении со своими курительными приборами.

Миссис Тревер, выпятив квадратный подбородок и скрестив под грудью крупные руки, монументально высилась в центре нашей гостиной, ожидая решения. Весь её вид так и дышал величием и непреклонностью, и даже форма дворцовой прислуги смотрелась на этой женщине тогой римского сенатора.



Холмс отложил пострадавшую трубку.

— Хорошо, миссис Тревер. Мы займёмся этим делом.

Наша гостья не стала рассыпаться в благодарностях — не такая это была женщина. Она лишь сурово кивнула в ответ, словно и не ожидала иного вердикта.

— Лиззи — честная девушка, сэр, и вовсе не заслужила такого. Я жду вас внизу, в экипаже на третьем ярусе.

С этими словами она решительно удалилась по коридору. Загудели гидравлические поршни, пол в гостиной еле ощутимо дрогнул, когда паровой лифт двинулся вниз, унося посетительницу.

— Вы полагаете, эти сто пуговиц тоже имеют какое-то отношение... — начал было я, но Холмс не дал мне договорить.

— У меня слишком мало фактов, чтобы что-то предполагать. Одевайтесь, Ватсон, не стоит заставлять ждать леди, настроенную столь решительно.

Цифра сто последнее время настолько часто попадалась нам на глаза, что даже я вынужден был признать наличие некоторых оснований под одержимостью моего знаменитого друга неким хитроумным профессором, выходцем из нашего общего прошлого. Как говорят немцы — и у параноика могут быть враги

Всё началось с безобидного букета.

Корзину тёмно-бордовых роз доставил на борт «Бейкер-стрит» мальчишка-посыльный. При ней не было пояснительного письма или иного указания, кому она предназначалась, и поначалу мы ничего не заподозрили, посчитав букет адресованным нашей очаровательной компаньонке. И



уже предвкушали, как будем подтрунивать над такой милой — и такой воинственной — суфражисткой, строя глубокомысленные предположения о её таинственном обожателе.

Но мисс Хадсон решила иначе.

До глубины души возмущённая столь бесцеремонным унижением её достоинства свободной и здравомыслящей женщины, каковым она сочла сам факт преподнесения ей цветов, тем более анонимно, наша секретарша тщательно распотрошила букет в поисках улики, при помощи которых могла бы изобличить скрытного наглеца. Наградой ей была крохотная булавка для галстука, воткнутая в один из стеблей. Украшение на этой булавке сразу же привлекло наше внимание, поскольку представляло собой двойную литеру «М», сплетённую из шпаг чёрнёного серебра. И выбор материала, и цвет роз в связи с этими крохотными буквами сразу же приобрели совсем другое значение, куда менее безобидное. А ещё наша дотошная секретарша пересчитала розы.

Их оказалось ровно сто.

Но тогда это нам ни о чём не говорило, поскольку несчастный гвардеец-моро был расстрелян только через неделю...

Мы покинули лифт на третьем ярусе — и сразу же увидели шестиместный биплан дворцовой службы безопасности. Боковое крыло его было приглашающее поднято, что придавало машине сходство с приготовившимся к взлёту майским жуком. Миссис Тревер уже восседала в просторном салоне, бросая на нас с Холмсом неодобрительные взгляды. Она не знала, что нам пришлось выдержать целую битву с мисс Хадсон, рвавшейся непременно нас сопровождать. Но у прелестной



суфражистки не оказалось подходящего костюма, являться же во дворец в столь любезных её сердцу кожаных брюках было бы вопиющим неприличием, с чем она в конце концов была вынуждена согласиться.

Здесь, на высоте третьего парковочного яруса, было ветрено, полы тёмно-пурпурной крылатки Холмса взлетали у него за спиной острыми крыльями летучей мыши. Мне же приходилось обеими руками придерживать так и норовивший улететь котелок, пока мы не забрались в салон и дежурный не опустил за нами полупрозрачное боковое крыло, отсекая ветер.

День был на удивление солнечным для лондонской осени. Но в полной мере ощутить это мы смогли только после того, как биплан, сорвавшись с рельсовых направляющих, взмыл в непривычно синее небо, лишь кое-где подбитое лёгкой белоснежной опушкой кучевых облаков — ранее мы находились в глубокой тени от баллонов нашего «Бейкер-стрит» и двух других дирижаблей, припаркованных к соседним причальным мачтам.

Холмс, не выносивший яркого света и даже в пасмурную погоду никуда не выходящий без крупных гоголов с дымчатыми стёклами, сделал знак водителю затемнить панель с его стороны. Я же, напротив, продолжал наслаждаться видом, столь редко радующим взгляд коренного англичанина — а именно сверканием хрустальных граней Лондонской Кровли под яркими солнечными лучами. Кристаллические купола над зданиями и целыми районами, перемежающиеся по-осеннему яркими пятнами садов и парков, казались грудой драгоценностей на персидском ковре великана. Последствий Великой войны в этой части города



почти не было видно, ржавый остов сбитого воздушного левиафана, которому постановлением лондонского муниципалитета недавно присвоили статус памятника, остался далеко позади. Перед моим взором неповреждённая Кровля сияла зеркальными гранями, отражая непривычно яркое небо — и привычную лондонскую суету.

Но даже повседневной людской сумятице яркое освещение придавало праздничный оттенок. Вдруг оказалось, что рейсовые даблдекеры, казавшиеся в обычные дни грязно-кирпичными, — на самом деле ярко-алые. Частные же аэропилы, бабочками порхавшие во всех направлениях, словно задались целью перещеголять своих живых прототипов яркостью раскраски.

Наш путь пролегал в так называемой «зелёной зоне», существенно выше той, что предназначена для частного транспорта. Здесь могли перемещаться лишь аппараты, обладающие специальными пропусками, и наперерез сунувшемуся было следом за нами ярко-синему моноплану тут же скользнула хищная чёрно-белая сигара патрульной службы. Нарушитель был ловко оттеснён в общедоступную зону и, может быть, даже оштрафован. Последнее время воздушный патруль просто зверствует, всем подряд раздавая направления на курсы лётной грамотности и штрафуя чуть ли не каждого двенадцатого нарушителя.

Прошли те времена, когда небо над Лондоном было равно доступно всем, способным в него подняться. Человек приносит свою систему иерархии в любую стихию, которую ему удастся освоить. Казавшиеся когда-то безбрежными моря и океаны ныне расчерчены судоходными фарватерами, ещё не так давно бывшее совершенно свободным воздушное пространство жёстко размечено лётными



коридорами и зонами доступа. И я уверен, что если (а вернее будет сказать — когда) эксперименты инженера Лося или профессора Кейвора увенчаются успехом — то и кажущиеся нам сейчас совершенно безграничными волны космического эфира тоже будут жёстко поделены на орбиты и лёгкие коридоры.

Но поразмышлять над тем, какие изменения приносит человек в подвластную ему природу, мне толком не удалось — биплан уже пикировал на посадочную площадку над Букингемским дворцом, распугивая ворон и галок, пребывавших в полной уверенности, что площадки эти предназначены исключительно для их послеобеденного променада.

Гардеробная представляла собой небольшую прямоугольную комнату. Одну из её длинных стен целиком занимали платья в чехлах, противоположную делили между собой большое окно и не менее внушительное зеркало. По причине солнечной погоды окно было открыто. В углу у зеркала стояли три ростовых манекена, один из которых был облачен в платье из серебристо-белого шелка. Почти у самого окна располагались накрытый бархатной скатертью круглый стол и два пуфика, на столе лежали десять пустых чёрных футляров с открытыми крышками.

В комнате имелось две двери — на противоположных друг другу коротких стенах. Та, что слева от окна, двустворчатая, с фигурной резьбой — вела в большую залу. Вторая, маленькая и неприметная, справа от зеркала, — в крохотный чуланчик, где находился столик с телеграфным аппаратом. На пуфике рядом со столиком сидела заплаканная девушка в форме старшей



горничной, на нас с Холмсом она взглянула с ужасом, и тут же снова залилась слезами. Кроме неё в чуланчике находился молодой человек неприметной наружности, одетый в штатское платье, но с той профессиональной неловкостью, с каковой умеют носить его только представители определённых служб. Он смотрел на нас крайне подозрительно, но из-за того, что предполагавший нечто подобное Холмс заранее озаботился личным присутствием рядом с нами шефа дворцовой службы безопасности, молодой человек согласен был терпеть наше общество и даже быть в некотором роде любезным.

Холмс не стал допрашивать подозреваемую, предпочтя сначала осмотреть место преступления. Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу, после чего бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени. Особого его внимания удостоились вовсе не пустые футляры — хотя и их Холмс обследовал довольно тщательно, разглядывая и вымеряя только ему видимые следы на бархатной скатерти. Но куда больше его заинтересовало стоявшее на подоконнике блюдо с белой кашицеобразной массой, совершенно безобидной на вид — Холмс тщательно осмотрел блюдо и подоконник, на котором оно стояло, понюхал содержимое и спросил, адресуясь к шефу СБ, мистеру Гастону:

— Во дворце есть кошка?

— Как можно, сэр?! — воскликнула шокированная миссис Тревер. — Конечно же нет! У Её Величества аллергия!

Мистер Гастон, откашлявшись, подтвердил, что во дворце нет и быть не может никаких кошек. Почему-то эти слова заставили моего друга рассмеяться.



— Ну что же, — сказал он. — Тем лучше.

И с этой загадочной фразой знаменитый сыщик вдруг лёг животом на подоконник, почти наполовину высунувшись из окна, и вытянул шею, словно пытаясь разглядеть что-то в саду или на стене.

— Дохлое это дело, сэръ, — буркнул в рыжую бороду мистер Гастон, краснолицый господин весьма внушительного вида. — Если будет вам интересно, так мы это первым делом проверили. Стена совершенно гладкая, ни один акробат по ней не заберётся, следов от лестницы на газоне нет. С крыши спуститься тоже никто не мог, во всяком случае — незамеченным, там как раз рядом пост дежурного. На газоне никаких следов, окна на втором и третьем этажах заперты изнутри, мы это тоже... первым делом.... Нет, этим путём сообщник уйти не мог, да и придти тоже, если только на крыльях — но и тогда оказался бы замеченным охранником с крыши. Просто человек-невидимка какой-то, право слово!

Но Холмс не обращал ни малейшего внимания на это бурчание, он словно вообще позабыл о том, что находится в комнате не один — метался от окна к столу и обратно, измерял расстояние между совершенно незаметными мне следами, один раз даже лёг на пол. Потом отбил короткий запрос на карманном телеграфе — не слишком сложный, поскольку ответ пришёл почти сразу. Плохо воспринимая телеграфный текст на слух, я успел разобрать только что-то о времени восхода солнца, что сделало лично для меня ситуацию ещё более запутанной. Холмс же, наоборот, остался вполне удовлетворён полученным ответом.

— Ну что же, господа, — произнёс он с чрезвычайно довольным видом. — Я готов представить вам вора. Но для этого мне понадобится



некоторая помощь. Миссис Тревер, буду вам крайне признателен, если вы пригласите сюда ту девушку, что обнаружила пропажу, и также помощника садовника, с которым она разговаривала. Его вы найдёте в саду, у старого бука, если поторопитесь. Он там как раз возится с приставной лестницей. И прихватите с собою пару гвардейцев.

Одним из качеств, позволяющих миссис Тревер идеально справляться со своими обязанностями, было чёткое понимание ею того, при каких обстоятельствах спорить, требовать объяснений и настаивать на своём вполне уместно — а при каких следует просто молча кивнуть и исполнять то, что было приказано, не теряя времени даже на «Будет сделано, сэр!». Вот и сейчас ей хватило доли секунды, чтобы оценить обстановку, кивнуть и поспешно покинуть гардеробную.

Наученный многими годами общения со знаменитым детективом, я молча ожидал близящейся развязки. Мистер Гастон оказался вовсе не таким терпеливым.

— И что же это вы тут такого углядели, а, мистер? — скептически осведомился он у моего друга. — Сад обыскали сразу же, как только стало ясно, что в гардеробной ничего нет. Там как раз под окнами клумба, земля мягкая, влажная и не так давно разрыхлённая, на ней никаких следов. Пуговицы слишком лёгкие, их невозможно кинуть далеко. Да и зачем тогда тратить время и вынимать из футляра? Впрочем, эта девица даже футляр не смогла бы бросить так, чтобы он не упал на клумбу! Помяните мои слова, мистер, у этой тихони наверняка был сообщник во дворце, вместе с которым они и провернули это дельце. Тихони — они всегда такие...



Он, похоже, ещё много чего намеревался высказать, но его речь прервал зуммер вызова и drobный перестук принимаемого в смежной комнате сообщения. Почти сразу же оттуда выскочил молодой человек с обрывком телеграфной ленты в руках, которую он и вручил своему начальнику. Прочитав сообщение, мистер Гастон победно взглянул на Холмса.

— Ха! Вот и сообщница! Что я вам говорил? — и, обращаясь уже к своему подчинённому. — Пусть её немедленно доставят сюда!

Молодой человек, кивнув, метнулся обратно. Застрекотал телеграф.

— Сообщница? — осведомился Холмс, приподняв бровь. — Ваши ребята задержали белошвейку?

— Ха! Ошибаетесь, мистер Холмс — повариху!

Мистера Гастона распирало самодовольство, и потому отвечал он охотно.

— Повариху? — похоже, мой друг оказался искренне удивлён таким поворотом дела.

— Да, мистер! Сообщницей нашей тихони оказалась повариха! Именно в её комнате обнаружили одну из похищенных пуговиц. Я был прав, настояв на обыске всех помещений! Пусть теперь плачет сколько угодно — всё равно не вывернется! Теперь-то ей придётся рассказать правду!

Но повариха не собиралась плакать — она ворвалась в гардеробную маленькой пухлой фурией и сразу же набросилась на мистера Гастона.

— Я вам давно говорила, а вы всё не верили! А что вы теперь скажете, а? Снова будете кричать, что лепреконов не существует? Так знаете что? Я рассмеюсь вам в лицо! Кто иной мог подняться по гладкой стене до третьего этажа, а? Для кого ещё ложка могла оказаться ценнее бриллиантов?



Молчите, да? Потому что сказать нечего! И не смейте больше мне возражать!

Мистер Гастон, побагровевший от возмущения, может, и собирался возразить, но в зале раздался шум потасовки и громкие крики, двустворчатая дверь с грохотом распахнулась и в гардеробную ворвалась сияющая миссис Тревер. За нею львиноголовый гвардеец-моро втокнул странную парочку — хнычущую девушку с хитрым личиком и высокого парня в грязной форме садовника.

Парень прижимал к лицу исцарапанные ладони, пытаясь унять текущую сквозь пальцы кровь. Миссис Тревер крепко тискала в руках кулёк довольно непрезентабельного вида, в порыве чувств то и дело прижимая его к объёмистой груди и совершенно не замечая, что оставляет на безукоризненной униформе грязные пятна. Поднялся невероятный гвалт. Причитала хитролицая девушка, бросая на присутствующих острые внимательные взгляды, стонал окровавленный парень, громыхала что-то восторженное миссис Тревер, кричали друг на друга маленькая повариха и мистер Гастон — и ещё неизвестно, кто из них кричал громче, а из зала сквозь распахнутые настежь двери неслись вопли уже совсем нечеловеческие.

Конец этому бедламу положил Холмс.

Протиснувшись мимо гвардейца к выходу, он с грохотом захлопнул тяжёлые створки, после чего рывкнул так, что невозможно было послушаться:

— Тихо!!!

В наступившей за этим тишине, правда, продолжали раздаваться приглушённые вопли из зала, но благодаря толстым дубовым дверям их почти не было слышно.



Взоры присутствующих обратились на моего друга.

— Я задам вам несколько вопросов, — произнёс Холмс негромко. — После чего представлю вора. Впрочем, как я вижу, части собравшихся он уж знаком, — при этих словах мой друг покосился на окровавленного садовника, но тут же перевёл взгляд на миссис Тревер. — Я вижу, вы отыскивали пропажу?

— О да, сэр! Все девяносто девять, тютелька в тютельку! — миссис Тревер в волнении прижала грязный кулек к груди. — Этот негодяй как раз пытался...

— Прекрасно. А теперь я обращаюсь к вам, не представленная мне леди. Что лежало на подоконнике, где потом обнаружили украденную пуговицу?

— Я Мэри, сэр, повариха, а вовсе не леди — хихикнула в ответ бойкая девица, и без особого смущения добавила. — Ложка, сэр, большая, серебряная, я её только начистила, вот он и позарился! Они всегда так поступают, лепреконы эти! Уж на что пакостники, но никогда ничего не берут просто так, обязательно что-то в обмен оставляют, уж я их натуру знаю!

— Пойдите! — перебил кухарку мистер Гастон, хмурясь и сверля окровавленного парня тяжёлым взглядом. — Но как этот мерзавец умудрился завладеть драгоценностями? Он ведь не заходил в гардеробную! А девицу обыскали, прежде чем отпустить, она не могла ничего вынести!

— И всё же она кое-что вынесла, — мягко возразил мой друг. — Кое-что такое, чего вы не смогли обнаружить — информацию. А бедный парень ничего и не крад — он просто попытался воспользоваться тем, что уже было украдено другим



вором. И вот этого-то вора я сейчас и хочу вам представить, — Холмс приоткрыл дверь в зал и позвал. — Сержант! Я вижу, вам удалось справиться с вашим пленником. Заносите его сюда!

В тесное помещение гардеробной протиснулся ещё один гвардеец. В руках у него билась крупная чёрно-серая птица — одной рукой сержант крепко держал её за ноги, второй же стискивал мощный клюв, не давая пленнице ни малейших шансов нанести вред ему самому или окружающим. Птица орала — сдавленно, но от этого ничуть не менее возмущённо.

— Вот и наш вор, — Холмс широким жестом представил сержанта и его добычу оторопевшей публике.

\*\*\*

— Всё дело в сложившемся суеверии, Ватсон! Никогда не доверяйте суевериям, согласно которым блестящие безделушки воруют лишь лепреконы да сороки, это знает любая кухарка. Ворон же — птица мрачная, величественная, далёкая от мирской суеты и никогда не опустится до подобного. Как и чуть менее крупная, но не менее мрачная и умная ворона. До войны, возможно, это было и так, поскольку тогда вороны на территории Британии встречались исключительно чёрные, а это совсем другой подвид, птицы чрезвычайно крупные, медлительные и благородные не только окрасом. Их не интересует то, что нельзя съесть. Серые же пришелицы с материка размерами своим исконно британским собратьям уступают не так уж и сильно, но куда шустрее, активнее и вороватее. Вот они-то как раз и не способны устоять перед блестящей штучкой, пусть даже



штучка эта совершенно несъедобна. Любопытный факт, в России название этих птиц так и звучит — вор-женского-рода, — Холмс отложил на журнальный столик тяжёлый фолиант «Птицы Британии. Издание восьмое, дополненное» и потянулся за своей любимой трубкой. — Очевидно, скверные привычки этих пернатых тварей остаются неизменными, независимо от места обитания.

Мы снова находились в уютной гостиной «Бейкер-стрит», за окнами медленно темнело, мой друг устроился в кресле рядом с камином. Я налил себе стаканчик хереса и присоединился к нему, подтащив второе кресло поближе. Отсюда я мог краем глаза видеть и мисс Хадсон, расположившуюся на угловом диванчике.

— Но, Холмс, как вы сумели понять?

— Элементарно, мой друг. Как только я увидел окрас взлетающих с посадочной площадки птиц, у меня уже зародилось подозрение. Видите ли, Ватсон, чёрных ворон издавна подкармливают и не мешают им селиться в дворцовом парке, поскольку это — единственная и самая надёжная защита от сорок, чья вороватость вошла в поговорку. Вороны же не терпят других птиц там, где селятся сами. Только вот для серых товарок им пришлось сделать исключение... Серость атакует, Ватсон! Новая эра — эра воинствующей серости. Сначала чёрные крысы уступили место своим серошкурным собратьям, теперь же пришла очередь и ворон. Но я отвлекся. Гнёзда на деревьях парка и блюдце с размоченной в молоке булкой — и это притом, что во дворце нет ни единой кошки! — явилось окончательным подтверждением. Элизабет, будучи девушкой доброй, но недалёкой, приготовила лакомство для гнездящихся в парке птиц, совершенно упуская при этом из виду их скверную репутацию. Раскрывая футляры, она



не предполагала ничего дурного, а потом ушла на несколько минуток поболтать с подругами — и немного увлеклась. Будь день пасмурным, возможно, ничего бы и не случилось, явившаяся за ежедневным подношением ворона (её следы хорошо видны на подоконнике) склевала бы приготовленное для неё угощение и спокойно улетела по своим делам. Но день сегодня выдался на редкость солнечным, и птица обнаружила нечто куда более привлекательное, чем хлеб в молоке. К этому часу яркие лучи солнца как раз упали на стол, и бриллианты засверкали всеми цветами радуги, переливаясь и искрясь. И воронье сердце не выдержало. Если присмотреться, на бархатной скатерти видны отпечатки её лап, а на футлярах — царапины от клюва. Она успела перетащить в своё гнездо девяносто девять пуговиц, но когда несла последнюю, увидела ещё более привлекательное сверкание, испускаемое до блеска начищенной серебряной ложечкой мисс Мэри. Утащить обе вещи сразу жадная птица не смогла, и потому схватила то, что показалось ей более ценным, оставив пуговицу на подоконнике. А тем временем в гардеробную вошла белошвейка — увидела пустые футляры и блюдце с молоком. Возможно, она даже успела застать воровку на месте преступления.

В отличие от Элизабет, белошвейка была девушкой умной, но не слишком честной. Нет, она никогда не решилась бы на воровство — но только из боязни попасться и потерять выгодное место. А тут такая удача! Красть ничего не надо, всё уже украдено, нужно только забрать. Представляю, как её злила возня с обыском и допросом — ведь только из-за этой задержки она не успела вовремя рассказать всё своему другу-садовнику. Но мы и так чуть не опоздали! Когда я увидел, что какой-то парень несёт лестницу к дереву с самым



крупным гнездом — понял, что нельзя терять ни минуты.

— Поразительно... Но какое отношение ко всему этому имеет профессор Мориарти?

— По-видимому, ни малейшего! — Холмс ухмыльнулся, выпуская клубы ароматного дыма. — Приходится признать, Ватсон, что совпадения тоже иногда случаются.

— Если бы обе эти несчастные женщины были по-настоящему свободными, — подвела итог мисс Хадсон. — Ничего подобного не могло бы произойти!





# **ХРЯЩИ И ЖЕМЧУГА ИЛИ ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ МАРСИАН**





— Сто? Ровно сто? Вы уверены?

— Истинно так, сэр. Как есть — ровно сотня, голова в голову. Я их дважды пересчитал, ваша милость.

— И все были мертвы?

— Все как есть, сэр. Я, конечно, не доктор, как ваш друг, и мало что смыслю в медицине — но уж мёртвого от живого отличить смогу, пусть это даже и не человек.

— Вы что же, любезнейший, пульс у них щупали или сердце выслушивали?

— Я, сударь мой, к этим образинам и подойти-то боюсь, даже когда они мертвее некуда. Где уж мне знать, в каком месте у них пульс искать или там сердце слушать. К ним и к живым-то прикасаться противно. Я лучше с медузой поцелуюсь, чем по своей воле к такой твари притронусь или ей меня тронуть позволю! Но всё ж таки точно говорю — мёртвые они были. Мертвее некуда!

— Так значит, уважаемый, к телам вы не подходили?

— Нет, ваша милость. Я ж говорю: от ворот на них посмотрел, пересчитал — и сразу в участок.

— Так как же вы поняли, что они мёртвые?

— Да чё тут понимать-то? У каждого в затылке — ну, или как там называется место, где у них голова в холку переходит? Вашего друга доктора спросите, ему, чай, виднее — дыра была, да такая, что кулак пройдёт. Сами посудите, кто выживет с такой дырой-то в башке? То-то и оно, что никто. Мёртвые они были.

— Все сто?

— Ага. Все как есть. Нет, ну вы представьте только — сотня марсианцев лежат, чудно так лежат, тремя



розетками, голова к голове — и все мёртвые! Когда такое ещё увидишь? И где, как не в Лондоне?

— И где же эта сотня мертвецов сейчас, любезный мой друг капитан?

— А мне почём знать? Нету, сами видите. Склад пустой, ветер по углам гуляет... Своими бы глазами не увидел — так и не поверил бы, расскажи кто.

— Вас сколько времени здесь не было?

— Дайте прибросить... Часов-то у меня отродясь не бывало, откуда у нашего брата часы? Биг Бен как раз четверть пополуночи отбил, когда я сюда заглянул, а пока я за констеблем Мелкиным бегал, да пока его уговорил, да пока котёл раскочегарили да сюда двинули — почитай, ещё две четверти как с куста... Ну точно, когда сюда с констеблем возвернулись, да всё просмотрели, да по окрестностям глянули — час пробило. Потом он в Скотланд-Ярд стучать отправился, а я тут один-одинёшенек остался, дожидаться да приглядывать, чтоб не нарушил кто чего.

— Такой, значит, хронометраж...

— Не знаю я, благородный сэра, какой такой хрономандраж вы в виду имеете — но по всему выходит, что за ту половину часа, что никого здесь не было, кто-то сотню покойников — раз! — и умыкнул невесть куда.

— Так может, и не было покойников никаких?

— Ну как же, судари мои! Как же! А кровища вся эта тогда откуда? А? То-то же!..

Этот примечательный диалог состоялся ранним осенним утром на берегу Темзы, в районе портовых складов и доков — там, куда ни один здравомыслящий человек ни за что не отправится по собственной воле.

В тумане, поднимавшемся над бурой гладью реки, смутными тенями проступали массивные силуэты



пакгаузов и причалов. Полицейские катера и лодки, стуча двигателями и всплывшая плицами гребных колёс, медленно рыскали сквозь белесое марево вверх и вниз по течению. Неясные фигуры полисменов, закутанных в непромокаемые плащи, шарили в воде баграми и негромко переговаривались.

Время от времени то здесь, то там раздавалась трель полицейского свистка; тогда катера устремлялись к источнику звука и на некоторое время, сгрудившись, замирали на месте бесформенной массой корпусов. Потом двигатели начинали стучать громче и катера расползались вновь, прочёсывая каждый свой участок реки, а микротелеграф на руке моего друга оживал и с разочарованным потрескиванием выплёвывал узкую бумажную ленту — опять ничего стоящего. Причиной переполоха в снова оказалась давно утопленная хозяином корчага, старый сапог или труп бродячей собаки.

Дно Темзы щедро на такие находки. Там, среди ила, покоится сама английская история.

Новая история Великобритании возвышалась сейчас на три сотни футов над речным дном на тонких суставчатых металлических ногах. Три трофейных марсианских треножника, переданных короной после Нашествия и Войны Скотланд-Ярду «для особых нужд», застыли посреди Темзы, и установленные на них мощные прожекторы прорезали предрассветный сумрак зеленоватыми лучами. Воды реки светились, словно океан у тропических рифов, и языки тумана, подсвеченные изнутри, казались разгуливавшими по поверхности Темзы призраками.

Зрелище было завораживающим.

Утренняя прохлада заставляла ёжиться и выше поднимать воротники плащей. С полей котелка



то и дело срывались капли. Капало с крыши злополучного пакгауза, со шлемов застывших в оцеплении полицейских, с портовых кранов, с перекинутых над рекой тросов подвесной дороги и с треножников. Капли барабанили по деревянному настилу причалов, по брусчатке мостовой, по железным крышам пристроек.

Лондонский порт, как и район доков, продолжал оставаться одной из территорий, которых так и не коснулись прогресс и цивилизация. Всё здесь сохранилось почти в том же виде, как и полстолетия назад. Примыкавшие к портовому району трущобы во множестве плодили преступников лондонского дна, а бесчисленные опиумокурильни и игорные притоны давали временный приют добропорядочным некогда лондонцам, ступившим на зыбкий путь праздности и порока.

Современный Лондон, прикрытый сверху хрустальными гранями Кровли, отгородился от своего унылого приречного подбрюшья заслоном проволочной ограды и полицейскими кордонами. Портовый район даже в эпоху воздушных сообщений продолжал оставаться важной частью жизни города-гиганта — но сам чопорный город ханжески предпочитал не упоминать об этой части своей жизни, вспоминая о ней только тогда, когда в слаженной работе его организма происходил некий сбой. Мало кто упоминает в приличном обществе, скажем, о безупречной работе собственного кишечника, мало кто вообще обращает на неё внимание — до тех пор, пока не случается катастрофа.

При расстройстве в работе кишечника обращаются к врачам. При беспорядке в обществе — к



полиции. Когда же происходит нечто из ряда вон выходящее, и полиция не справляется, на помощь зовут моего друга.

Порой рядом случается оказаться и мне.

— Что вы думаете обо всём этом, Ватсон?

Вздрыгнув, я оторвался от задумчивого созерцания неспешного течения вод и собственных мыслей.

Шерлок Холмс смотрел на меня, иронично улыбаясь. Крылья его тонкого ястребиного носа хищно раздувались. О пронзительности взгляда оставалось только догадываться, ибо глаза знаменитого детектива лишь смутно угадывались за стёклами затемнённых очков. Моего друга переполнял азарт погони: он явно взял след.

Всё утро великий сыщик провёл исследуя само место возможного преступления и его ближайшие окрестности. Он сунул длинный нос в каждый из тёмных углов склада, поднялся на его крышу и спустился по сваям, поддерживающим причал, к самой воде. Опросив единственного свидетеля возможного происшествия, Холмс на некоторое время сделался задумчив и отрешён.

Свидетелем оказался мистер Аарон Грейвс, капитан и единоличный владелец маленького речного катера. В поздний час капитан Грейвс пришвартовался на своём обычном месте у причала и привычной дорогой отправился домой. Путь его проходил через складской район. Минуя склад, ставший теперь центром внимания всей полиции Лондона, капитан заметил яркий электрический свет, сочившийся в неурочный час из приоткрытых ворот. Недолго думая, мистер Грейвс отправился выяснить причину столь вопиющего беспорядка.

— Сами понимаете, судари мои, мало ли что случиться может. Вдруг помощь какая добрым людям



нужна? Порт, оно же понятно, и днём, и ночью живёт-работает — да только здесь район тихий да спокойный. На складах этих хранят обычно то, что срочности да расторопности не требует. Товар какой залежалый с рынков да из лавок везут, почту опять же не востребовавшую — вон, видите, знак службы почтовой на том пакгаузе? Или вон как там — таможенный конфискат лежит, ну, так там и двери опечатаны, и охрана ходит всё время. А что до этого склада — так я хозяина его знавал. Старый Найджел Пендергаст, знатный был пьяница, мир его праху. Помер в позапрошлом годе, поговаривали, от выпивки помер. А после его смерти наследники склад вроде в аренду сдали, да только я уж и не знаю кому. Только стоял он вечно запёртым — а тут на тебе: ворота нараспашку! Заглянул я, сталбыть, внутрь — а там такое!

Дальнейший разговор, описанный мною выше, протекал в подобном же ключе. Дело осложнялось ещё и тем, что даже сейчас, по прошествии нескольких часов со времени своей сенсационной находки, мистер Грейвс был всё ещё, мягко говоря, не совсем трезв. Сильный запах сивушных масел окутывал его плотным до осязаемости облаком; когда же он доверительно склонялся к самому уху собеседника, лучше было задержать дыхание — однако Холмс в течение всего разговора сохранял совершеннейшую невозмутимость, а к повествованию капитана отнёсся со всем возможным вниманием, задавая тому по ходу рассказа уместные вопросы.

Теперь вопрос был задан мне.

— Я скажу вот что, Холмс, — у нас на редкость бестолковый свидетель. Хуже всего, что он ещё и единственный. Я уж не говорю о его пристрастии к алкоголю, что вызывает серьёзные сомнения



в достоверности сообщённых им сведений. Не свидетель, а просто беда. Было ли преступление вообще? У нас ничего нет, кроме пустого склада да рассказа пьяницы-капитана, который вполне может оказаться описанием галлюцинаций, порождённых неумеренностью в выпивке.

— Не преуменьшайте значимости того, чем мы располагаем, Ватсон! — Холмс погрозил мне тонким пальцем. — Кроме того, наш друг-капитан прав: если не было преступления — откуда взяться всей этой крови?

Крови и в самом деле было много.

Изнутри складской ангар напоминал скотобойню. Кровь заливала весь пол немалого помещения, просачивалась в подвал сквозь щели между плитами тёсаного камня, скапливалась лужами в углах. По требованию Холмса в передвижной лаборатории Скотланд-Ярда уже был проведён анализ, подтвердивший, что: а) это действительно кровь; б) кровь не человеческая; в) кровь — предположительно — принадлежит аборигену Марса; г) вероятнее всего, не одному.

Тел не было.

Не оказалось их и в реке.

Глубина Темзы на этом участке позволяла подниматься от моря судам немалого водоизмещения. Течение было сильным, и даже привлечение водолазных катеров не дало результата. Возглавлявший поиски глава Скотланд-Ярда шеф-инспектор Лестрейд счёл высокой вероятностью того, что тела давно унесло в море. Шерлок Холмс был с ним не согласен, однако возражать не стал и лишь продолжал свои собственные исследования.

Некоторое время он посвятил изучению складских систем вентиляции и пожаротушения. Потом



самостоятельно промерил глубину реки у причала. Заново обошёл по периметру огромную лужу крови, считая шаги, и долго что-то высчитывал на бэббиджевом калькуляторе. Побеседовал с констеблями Лестрейда; те, оживлённо жестикулируя, наперебой указывали ему на окрестные склады, мастерские и здание таможенного терминала.

По беспроводному микротелеграфу Холмс связался с мисс Хадсон, пребывавшей на борту «Бейкер-стрит».

— Поручил нашей суфражистке оживить Дороти и прогнать через её картотеку всех владельцев складов в этом районе, арендаторов и тех, кто работает в этой части порта, — пояснил он мне. — Возможны любопытные совпадения, если, конечно эти две дамы сумеют договориться... О, а вот и ответ!

Дороти — картотечный шкаф на паровом ходу. Крайне полезный в нашей с Холмсом деятельности механизм, проявляющий порой не меньшую свободу воли, чем его оператор и наша верная секретарша, несравненная мисс Хадсон. У них обеих сложные характеры, и потому я даже удивился, что мобильный микротелеграф на тонком запястье моего друга отреагировал так быстро: коротко звякнул и с пулемётной трелью выплюнул изрядную порцию бумажной ленты.

Холмс внимательно пропустил её сквозь пальцы и усмехнулся.

— Наша милая эмансипе умудряется ворчать даже кодом Морзе. Подписалась «Карен». А куда исчезла столь полюбившаяся нам Пенелопа? Мне казалось, это имя нравилось ей более прочих. Не то чтобы оно ей подходило, но... вы замечали, что характер у мисс Хадсон меняется в зависимости от избранного на этот день имени? Нет? А я вот обратил внимание. Что-то принесёт нам Карен?..



Я неопределённо пожал плечами — мне хватало и своих забот. Возможно, виновата была поднимавшаяся от реки сырость или чрезмерно раннее пробуждение, но у меня опять ныла рука. Правая. Та самая, которую я потерял давным-давно — ещё во время Великой Войны. Заменявший её механистический протез, питаемый атомным котлом, давно стал столь же полноправной частью моего тела, как и остальные конечности. Я пользовался искусственной рукой с не меньшим успехом, чем её утраченной предшественницей, а скрывающиеся в ней чудеса инженерной мысли не раз выручали нас в трудные минуты жизни. А вот поди ж ты — порой лишённая чувствительности искусственная рука начинала ныть и мозжить, как живая. Случалось это чаще всего в промозглые дни, вот как сегодня — а осень в Лондоне была щедра на такую погоду.

Осень наступила, как всегда, внезапно. Казалось, ещё не успел закончиться август с тёплыми ночами, когда небо полно падающих звёзд — и вот уже ночи прохладны, а каждое утро наполнено промозглой сыростью. Звёзды, правда, продолжали исправно падать. Не проходило и дня, чтобы хоть одна из бульварных газетёнок не написала очередной чуши про падение зелёного метеора в Ла-Манш и Второе Нашествие марсиан.

Лондонцы падки на сенсации.

— О, а вот и кавалерия пожаловала, — Холмс кивнул на подъездную дорожку склада. Приземистый трёхколесный паромобиль стремительных очертаний затормозил у самых ворот. — Номерные знаки личного гаража Его Величества Георга Пятого.

— Неужели сам?! — изменился в лице Лестрейд, сделавшись похожим на очень удивленного хорька.

— Ну что вы, право, дорогой инспектор, — рассмеялся Холмс. — А где эскорт верхом на моноциклах?



Где кортеж прихлебал в два квартала длиной? Нет, друзья мои. Несомненно, Его Величество держит руку на пульсе событий, происходящих в его вотчине — но отчего бы ему не делать это, сидя в Букингемском дворце, в наше-то просвещённое время? Однако, учитывая явное монаршее благоволение прибывшим, нас почтили своим вниманием птицы только немногим менее высокого полёта. Ах, ну да — господа, мой брат Майкрофт Холмс!

Неброско, но дорого одетый грузный джентльмен с густой проседью в волосах вежливо приподнял цилиндр, приветствуя нас. В его лице явно проступали схожие с Холмсом черты — тот же хищный изгиб носа, так же жёстко сжатые губы, та же цепкость во взгляде близко посаженных глаз. Разве что намного грузнее и почти совершенно седой — в отличие от знаменитого детектива, в чёрных волосах которого до сих пор не просматривалось ни единой серебряной нити.

— Хотел бы пожелать вам доброго утра, джентльмены, — сказал он, — но ограничусь лишь тем, что передам высочайшее пожелание успеха в расследовании и монаршую надежду на скорейшее завершение этого безусловно щекотливого дела.

— Скотланд-Ярд делает всё возможное, господин советник! — Лестрейд вытянулся во весь свой невысокий рост, едва не поднявшись на цыпочки, и преданно ел начальство глазами. Зрелище было прекомичным, но, к чести Майкрофта, ему удалось сохранить выдержку и невозмутимое выражение лица. Выдержка — вот что отличает настоящего государственного чиновника от простых смертных.

— Рад слышать, — коротко ответил Майкрофт и повернулся к нам. — А мой милый братец, смею надеяться, делает невозможное? Не так ли, Шерлок?



— Именно, Майкрофт, — сказал Холмс. — Дело можно считать практически раскрытым. Осталось уточнить кое-какие детали.

Я поперхнулся от неожиданности. Лестрейд издал странный горловой звук. Лишь Майкрофт Холмс, сохраняя полное самообладание, обозначил своё удивление чуть приподнятой бровью.

— Вот как? — уточнил он.

В ответ Холмс лишь по-мальчишески открыто улыбнулся.

— Что ж, очень хорошо, — как и все чиновники, Майкрофт был скуп на похвалу и комплименты. — В таком случае, надеюсь, мой спутник сможет быть вам полезным в уточнении этих самых... деталей.

По его жесту псоглавый шофёр-моро в королевской ливрее придержал дверцу, и на мостовую ступил... выполз...ла... выпало? — словом, из машины на сырой камень мостовой перетёк марсианин.

Вы когда-нибудь видели марсианина в смокинге? А марсианина в цилиндре? Нет? Вот и мне до этого момента не приходилось видеть ничего подобного.

Зрелище было... душераздирающим.

При слабой гравитации Марса его аборигены, вероятно, были вполне грациозными созданиями, легко перемещаясь по красному песку на многочисленных тонких щупальцах. Земное притяжение низводило их до положения расплющенной молотом улитки.

Марсианин, представший нашим глазам, больше всего напоминал выброшенного приливом на берег осьминога, только размером с гиппопотама. В соответствии с дипломатическим протоколом, гора его колышущейся плоти была задрапирована в некое подобие официального платья. Огромные площадки глаз с рыбьим выражением смотрели из-под полей гигантской пародии на цилиндр,



а под крепким роговым клювом, какой бывает у кальмаров и иных представителей семейства головоногих моллюсков, виднелась аккуратно повязанная на отсутствующей шее бабочка.

Марсианин сипел, пыхтел и отдувался. Его необъятная туша ходила ходуном, трясась, словно студень. В жаркой для него прохладе лондонского утра марсианин потел, распространяя вокруг резкий мускусный запах.

— Позвольте представить вам, джентльмены, официального представителя Марса в Британии, — сказал Майкрофт Холмс. — Не стану утруждать ваш слух попытками правильно выговорить его имя.

Из-за горы колышущейся плоти выступил незамеченный доселе человек в огромных очках с роговой оправой. Страшно округлив глаза за толстыми линзами и раздув до предела щёки, человек вдруг засвистел. Пронзительный свист перешёл в странно модулированное гудение, потом сменился неслышной, но осязаемой упругой вибрацией воздуха.

Пока мы оправлялись от этого неожиданного представления, марсианин, внимательно вслушивавшийся в изрыгаемую человеком какофонию, внезапно загудел-засвистел-защёлкал в ответ.

— Дьявол меня раздери, если они не разговаривали только что! — восхищённо выдохнул Лестрейд, когда ненадолго воцарилась относительная тишина, которую снова нарушил человек в очках.

— Господин посол выражает своё почтение, и хотел бы лично осмотреть место предполагаемого преступления. Простите, я взял на себя смелость опустить официальную часть речи — перевод её на английский займёт не менее четверти часа.



И переводчик с марсианского дерзко улыбнулся. Сразу стало понятно, что это едва ли не мальчишка — веснушчатый, хилый и не слишком воспитанный.

— Брайан жил в марсианской резервации с младенчества. Сирота, дитя Войны. По-марсиански разговаривал лучше, чем по-английски, — невозможно пояснил Майкрофт, видя изумление на наших лицах. — Канцелярия Его Величества сочла возможным принять его на государственную службу. Простите ему его манеры. По сути, он единственный человек в Британии, свободно владеющий языком марсиан. Прошу, господин посол!

Холмс-старший сделал приглашающий жест, и марсианин, отдуваясь, вполз в склад.

От вида кровавого разлива он тотчас пришел в сильнейшее возбуждение — свистел и плевался, ухал и выдавал трели щелчков.

— Что он говорит? — спросил Шерлок Холмс у переводчика.

— Чушь какую-то несёт. Что-то о королеве... по матери вон прошёлся, гыгы! Волнуется, толком не разобрать. Чувствуете, как развонялся?

И действительно, исходящий от инопланетянина запах заглушил даже тяжёлый медный дух крови.

— Интересно, — задумался Холмс. — А скажите-ка мне, юноша, вот что. Есть ли какая-то причина, по которой марсиане могут по собственной воле лежать вместе большими группами, голова к голове? Вы ведь немало времени провели среди них.

— Почитай что цельную жисть, — ухмыльнулся юный Брайан. — А лежат они так, когда всей семьей спят в гнёздах своих.

— Вот как? А сколько обычно — в среднем — членов в марсианской семье?

— Не обычно, а всегда, — ответил мальчишка. — Тридцать три, не больше и не меньше. И



не спрашивайте почему, достали уже вопросами этими! Не знаю! Просто всегда у них так.

— Три семьи, Ватсон, — сказал негромко Шерлок Холмс. — Итого девяносто девять. Выходит, у нас один лишний марсианин, друг мой. Осталось выяснить — почему.

Тем временем посол прополз весь склад из конца в конец, оставляя за собой широкую полосу относительно чистого пола и перепачкав в крови «смокинг». Холмс внимательно наблюдал за его передвижением. Потом шепнул что-то на ухо Лестрейду, и тот моментально загнал дюжего констебля по приставной лестнице под потолок склада с дагеррографической камерой. Ослепительно ярко полыхнул магний.

Холмс несколько мгновений разглядывал моментальный снимок. Потом вручил его нам.

— И что? — спросили в один голос Майкрофт Холмс и Лестрейд. Я предпочёл промолчать, хотя тоже не понял ровным счётом ничего.

— Широкие полосы вытертой крови — след нашего друга-посла, — пояснил Холмс. — По краям — многочисленные следы ваших увальней-констеблей, Лестрейд. Отбросьте всё это, как помеху. Видите, там, в самом центре кровавой лужи?

Конопатый Брайан протиснулся мне под локоть, поправил очки и бросил быстрый взгляд на фото. В тот же миг он побледнел так, что веснушки полыхнули огнём на бескровном лице.

— Дабл-ю, — выдохнул он едва слышно. — Рипперы.

После того, как введённый в курс дела посол, ошеломлённый открытием моего друга и трубно ревуший что-то возмущённое, укатил прочь вместе с переводчиком и старшим из братьев, Шерлок Холмс, повернувшись ко мне, широко улыбнулся.



— Ну вот, мой добрый доктор, с одной из терроризировавших Лондон в последнее время угроз наверняка покончено. Пусть даже это и вышло случайно — но ведь важен, в конце концов, результат, верно?

— Вы сейчас говорите о рипперах, друг мой? — уточнил я. — О секте фанатиков-потрошителей, разделявающих свои жертвы, как скот, и малюющих повсюду человеческой кровью свой знак?

— Ну да, — откликнулся Холмс. — Теперь одной опасностью на ночных улицах меньше.

— Я всё ещё не совсем понимаю, Холмс. Они повинны в этом убийстве, разве нет?

Холмс улыбнулся снова.

— Дорогой Ватсон! Насколько мне известно, рипперы никогда не обращали свою ярость против собратьев-марсиан. Они расисты, друг мой. Не зафиксировано ни одного случая убийства ими своих сородичей.

— Но, быть может, они наказывают так тех, кто добровольно идёт на сотрудничество с людьми?

— Марсиане вообще не склонны к сотрудничеству с людьми и на контакты с властями идут лишь при крайней необходимости, — ответил Холмс. — Так что идейных коллаборационистов среди них нет. Наказывать рипперам некого. Наш сегодняшний визитёр в смокинге — вынужденная и необходимая для выживания чужаков мера. И даже он — не коллаборационист.

— Может, нам просто ничего о них неизвестно как раз потому, что рипперы добираются до них прежде, чем те успевают каким-то образом проявить свою лояльность приютившему их человечеству? — спросил я.

— Не думаю. Рипперы — фанатики-реваншисты. Поэтому их акции всегда направлены на



людей. Убийства, изъятие органов, межвидовое хищничество... Будучи бессильны изменить существующее положение дел, рипперы используют то единственное оружие, которое только и эффективно в их борьбе: страх. До недавнего времени это срабатывало. Но сегодня кое-кто заставил всех думать, что рипперы переступили черту, убив своих же сограждан. Марсиане не убивают марсиан, Ватсон. Собственные жизни и жизни соплеменников для них священны. Кто-то подставил наших потрошителей, заставив всю резервацию поверить, что они нарушили табу.

— И что будет теперь? — спросил я.

Холмс пожал плечами.

— Никто не знает, что на самом деле происходит внутри стен гетто, когда поблизости нет ни одного полисмена. Но я полагаю, марсиане, озабоченные собственным выживанием во враждебной для них среде, и раньше были весьма нетерпимы к рипперам, деяния которых бросают тень на всех алиенов. А теперь... Кто бы ни совершил сегодняшнее преступление, он вольно или невольно настроил против рипперов всё население марсианской колонии Лондона — и всех других alienских резерваций Британии, Европы, всего мира! Неведомо как, но новости среди инопланетян распространяются на удивление быстро. Думаю, мы не скоро ещё услышим хотя бы что-нибудь о рипперах, мой друг. Ещё до завтрашнего утра хрящи тех, кого сородичи даже только подозревают в сопричастности к секте, будут глотать бродячие собаки. Это я вам гарантирую. Кто бы ни был наш преступник, своим злодеянием он сослужил человечеству добрую службу — как бы расистски по отношению к марсианам это не звучало.

— Но кто же совершил это чудовищное злодеяние? Это убийство, Холмс? — вскричал я.



— Немного терпения, дорогой Ватсон, — ответил Холмс. — Дело практически раскрыто, и спешить нам больше нет нужды. Кроме того, убийства-то никакого и не было.

— Как не было? — я потерял дар речи.

— Друг мой! — проникновенно сказал Шерлок Холмс. — Я вижу, что констебль Питкин, отправленный мною полчаса назад с неким поручением, это поручение выполнил и возвращается сюда. Сейчас подойдёт Лестрейд, и через минуту-другую вы получите ответы на все свои вопросы.

Дюжий констебль приблизился к нам и почтительно откозырял моему другу.

— Вот джентльмен, которого вы хотели видеть, сэр, — сказал он.

Констебля сопровождал невысокий, похожий на мышонка человек в форме Таможенной службы Его Величества.

— Позвольте представить вам мистера Джебедайю Ханта, джентльмены, — сказал Холмс. — Мистер Хант, благодарю вас, что смогли уделить нам немного времени. От имени Скотланд-Ярда в лице шеф-инспектора Лестрейда и от себя лично приношу извинения за то, что пришлось оторвать вас от работы.

— Это мой гражданский долг, сэр, — Хант облизнул узкие губы. Его глубоко утопленные глаза смотрели исподлобья, и во всём облике чувствовалась некоторая напряжённость.

— Господин Хант — инспектор таможенного терминала порта, — продолжал Холмс. — Характеризуется коллегами, как исполнительный и трудолюбивый работник.

— Благодарю, сэр, — Джебедайя Хант несколько расслабился и даже приосанился.



— Кроме того, по счастливому для нас стечению обстоятельств именно мистер Хант является настоящим хозяином интересующего нас склада, — невозмутимо продолжал Холмс. Он не сводил с Ханта спрятанных за тёмными стёклами глаз. — Он попытался, и весьма изобретательно, скрыть этот факт, но в наш век всеобщей доступности информации сделать это не так-то просто. Ещё сложнее провести мисс Хадсон и её механическую помощницу. Думаю, что оглашу общее мнение, если выскажу надежду на сотрудничество мистера Ханта со следствием.

Джебедайдя Хант затравленно оглянулся по сторонам. Вокруг маячило полторы дюжины полицейских, и ещё один дышал ему в затылок.

— Конечно, — выдавил Хант.

— Вот и прекрасно, — кивнул Холмс. — Тогда перейдём к интересующим собравшихся здесь джентльменов вопросам. Вопрос первый: где они?

Хант побледнел. Ноги его подкосились. Он весь обмяк и непременно упал бы, не поддержи его констебль Питкин.

Лестрейд, хмыкнув, извлёк из кармана клетчатого пальто флакон с нюхательной солью. После нескольких вдохов Хант пришёл в себя.

— Я повторю свой вопрос, — как ни в чём не бывало, продолжил Холмс. — Итак, мистер Хант?

— В ящике моего стола в конторе, — прохрипел Хант.

У всех собравшихся вырвался вздох изумления. У всех — кроме Шерлока Холмса.

— Констебль, — обратился он к Питкину. — Не думаю, что мистер Хант сделает попытку бежать, усугубив тем самым тяжесть своего и без того незавидного положения. — Хант с усилием



помотал головой. — Вот и хорошо. Я попрошу вас произвести процедуру изъятия, констебль.

— Слушаюсь, сэр! — и Питкин исчез.

— А теперь расскажите всё по порядку, голубчик, — сказал Холмс. — С чего всё началось?

Хант сглотнул.

— Около года назад ко мне пришёл один из этих... спрутов, — начал он. — Искал человека в порту, способного помочь ему в некоем деликатном деле...

— Человека, который мог бы дать временный приют его соотечественникам? — усмехнулся Холмс. — Небескорыстно, я полагаю?

— Вам, похоже, всё известно, сэр, — потерянно молвил Хант. Выглядел он жалко.

— Не сомневайтесь, — ответил Холмс. — Что он предложил вам?

— Вы ведь и сами знаете, сэр. Жемчужину.

— Жемчужину. Ну конечно, — ни к кому не обращаясь, сказал Холмс.

— Огромную чёрную жемчужину. Не фальшивку, клянусь! Сказал, что в случае успеха я получу ещё. Я отчаянно нуждался в деньгах, сэр!

— Карточные долги. И опий. Ну, разумеется, — сказал Холмс.

Хант сник окончательно, но продолжал:

— Склад достался по наследству моей жене, в девичестве — Пендергаст. Мне показалось хорошей мыслью использовать его, только не напрямую, а через подставных арендаторов. Он стоит совсем рядом с причалом, так что не будет лишних глаз, и достаточно большой...

— ...Чтобы вместить семью марсиан в тридцать три головы числом? Две семьи? Три?

Хант опустил глаза.



— А причём здесь близость к воде? — вмешался Лестрейд. — И зачем вообще марсианам скрываться в подобном убежище?

— Дорогой мой шеф-инспектор! — сказал Холмс. — Должен поздравить вас с началом Второго Нашествия марсиан. Те нелегальные иммигранты, которых привечал у себя наш заботливый мистер Хант, прибыли в Великобританию прямиком из межпланетного пространства. Жёлтая пресса совершенно правильно истолковала смысл всех этих «зелёных метеоров». В Ла-Манш вот уже год как падают марсианские транспортники, под завязку набитые нелегальными пассажирами — а береговая охрана и служба миграционного контроля не то спят, не то погрязли во взятках!

Мы встретили эту новость ошеломлённым молчанием.

— Глубина реки у причала позволяет подойти к берегу субмарине, — продолжал Холмс. — Подводное плавание наиболее безопасно для контрабандистов. Похоже, мы имеем дело с прекрасно отлаженной преступной сетью, Лестрейд. Безопаснее всего для пришельцев высаживаться по ночам и в море, вдали от человеческого жилья. Их цилиндры тонут, и марсиане прибывают в наш мир голыми, безо всего. Здесь их встречают ловкачи вроде нашего мистера Ханта и по отработанным каналам переправляют на Острова и материк. У них нет ни документов, ни нумерованных браслетов — ничего. Время, потребное на их выправление, иммигранты проводят в убежищах вроде этого.

Хант избегал смотреть в сторону склада. Его трясло.

— Вы имели со всего этого стабильный нелегальный доход, мистер Хант. Что же заставило вас пойти на убийство? — строго спросил Холмс.



Хант разрыдался. Зрелище было отвратительным. — Я полагаю, жадность... а также неумеренность и долги, — вздохнул Холмс. Хант часто-часто закивал.

— Чем вы отравили их? — спросил Холмс.

— Углекислота, — глухо ответил Хант. Он был совершенно раздавлен.

— Отравлены? — спросил я, не понимая ровным счётом ничего. — Кто?

— Марсиане, разумеется. Не думаете же вы, Ватсон, что их естественный сон настолько крепок, что они не проснулись бы, когда наш друг начал резать их ножом? Мистер Хант, дождавшись, когда несчастные марсиане, утомлённые межпланетным полётом и путешествием в тесноте отсеков субмарины, забудутся сном, и пустил газ в систему пожаротушения склада. Я нашёл недавно врезанный в трубу клапан, мистер Хант. Находчиво. Боюсь, идея превращать безобидные с виду помещения в камеры смерти таким вот образом ещё не раз посетит человеческие умы. Что было потом, мистер Хант?

— Я выждал час, — отвечал Хант. — Потом вошёл внутрь, в кислородной маске для надёжности. Проверил их всех. Ни один не шевелился и не дышал. Потом я...

— Вырезали из их тел то, что искали, верно?

Хант пронзил сыщика ненавидящим взглядом.

— Но что? Что? — наперебой закричали мы с Лестрейдом.

Запыхавшийся констебль Питкин, откозыряв, протянул Холмсу увесистый матерчатый мешочек.

— Изъяли, как вы приказали. Всё по форме.

— Спасибо, Питкин, — сказал Шерлок Холмс, развязывая бечеву на горловине мешка. Хант, Лестрейд, Питкин и я смотрели во все глаза.



Из мешка на узкую ладонь Холмса выкатилась чёрная жемчужина.

— Я полагаю, здесь все сто? — спросил Холмс.

Хант только кивнул. Вид жемчужины совершенно зачаровал его.

— Но каким образом??? — удивлённо воскликнула я, вспоминая начальный курс медицинского института. — Что за метаболизм способен... моллюски, да... Но они же не мантийные моллюски, Холмс!

— Не имею ни малейшего представления, о чём вы сейчас говорите, Ватсон, — отмахнулся Холмс. — Мыслите шире: где моллюски — там и жемчужины. Тем более, что это — разумные сухопутные моллюски с Марса, а мало ли что может твориться на Марсе? Вы в своих умозаключениях о происхождении жемчуга шли тем же путем, мистер Хант?

— Мне бы такое и в голову не пришло, — покачал головой преступник. — В один из визитов того марсианина-связника пришлось его срочно прятать от неожиданно нагрянувшей инспекции. Я засунул его в досмотровую камеру с генератором рентгеновских лучей, а установка случайно включилась. Я сразу и смекнул, как мне рассчитаться с моими кредиторами. Сто жемчужин ведь куда лучше одной!

— Рентгеновские лучи... — Холмс выглядел почти не озадаченным. — Что ж, пусть так. Новое время... Но идёте же!

И он решительно зашагал к полуоткрытым воротам склада. Как ни упирался Хант, совместными усилиями мы сопроводили к месту его преступления.

При виде залитого кровью помещения у него вновь подогнулись колени.

— Но... Где же тела? — выдавил Хант.

— Вы счастливо избежали виселицы, мистер Хант, хотя вашей заслуги в этом нет, — сказал



Холмс. — Вы не убийца. Но вам будет предъявлено обвинение в вивисекции, пособничестве нелегальной иммиграции и сокрытии ценностей от налогов. Питкин, уведите мистера Ханта.

— Но, чёрт возьми, Холмс — где же тела?! — в один голос рявкнули теперь уже мы с Лестрейдом.

\*\*\*

Несколькими часами позже Шерлок Холмс и я сидели в удобных креслах курительного салона «Бейкер-стрит».

— Мне сразу бросилось в глаза то, что крови в помещении склада не так уж много, мой друг, и нет брызг на стенах, — рассказывал Холмс. — Выходит, они не сопротивлялись даже во сне — отсюда мысль об отравлении. По площади и глубине лужи я провёл нужные расчёты, и вышло что-то около десяти галлонов. Вы видели сегодня типичного марсианина — подобная кровопотеря не убьёт даже одного из них, не говоря уже о сотне. Учитывая то, что все жизненно важные органы скрыты у марсианина в брюхе, ранение в «затылок» тоже его не убьёт. Значит, необходимо было отыскать иную причину их вероятной смерти.

— Но ведь вы, похоже, ещё до осмотра склада были уверены в том, что марсиане живы, Холмс! Почему? — спросил я.

Знаменитый детектив издал немного смущённый смешок и спрятался за клубами дыма.

— Просто я не могу представить себе силы, способной за половину часа перетащить на набережную сотню подобных мастодонтов и сбросить их в реку, Ватсон. Отсюда вывод: они не были мертвы и ушли сами, как только очнулись от сна. Предположение довольно смелое — но, как видите...



— Но почему газ не убил их?

— Марсиане более приспособлены к кислородному голоданию, нежели люди, мой друг. Насыщенный углекислотой воздух склада не убил их, но сделал совершенно бесчувственными. Впрочем, через некоторое время они бы всё-таки умерли — если бы кто-то не открыл дверь и не проветрил помещение.

— Но кто, Холмс?

— Кто-то, решивший наказать зарвавшегося таможенника. Кто-то, держащий под контролем организованную преступность Лондона. Кто-то хорошо нам знакомый, — ответил Холмс.

— Вы имеете в виду...?

— Посмотрите внимательнее на фото, — и Холмс протянул мне снимок, сделанный со стропил склада.

Я с недоумением всмотрелся в знакомую картину.

— Вы держите её вверх ногами, — любезно подсказал Холмс.

Я был ошеломлён.

— Эм, — сказал я наконец. — Эм, а не дабл-ю!

— Именно, мой друг, — кивнул Холмс и осушил бокал с шерри.

— Вы знали всё с самого начала?! А как же версия с рипперами?!..

— Просто воспользовался ситуацией ко всеобщей пользе, — пожал плечами Холмс.

Восхищению моему не было предела.

— Вы дьявол, Холмс!

— Бросьте, Ватсон, — отмахнулся Холмс. — Просто не ангел. И потом, меня гораздо больше заботит судьба Королевы.

— Её Величества Марии? — глупо переспросил я, сбитый с толку внезапной переменой темы.

— Я сейчас говорю о другой Королеве. Помните слова Брайана, нашего переводчика с



марсианского? Семья марсиан всегда состоит из тридцати трёх особей. Значит, две семьи — шестьдесят шесть марсиан, три — девяносто девять. Откуда и зачем появился сотый марсианин?

— Не имею понятия, Холмс, — вынужден был признаться я после напряжённого раздумья. — А наш нетрезвый капитан не мог обсчитаться?

— Уверен, что полиция именно так и подумает. Но мы-то с вами не полиция, Ватсон! Впрочем, я тоже понял не сразу. Пока не вспомнил, в какое возбуждение пришёл посол на складе, и пока не ощутил, словно наяву, его запах. Феромоны, Ватсон. Потому он и кричал всю эту бессмыслицу про королеву и мать. Только вот это не было бессмыслицей. Подскажу: три семьи иммигрантов — это почётный эскорт. Дальше — вы сами.

И Холмс скрестил на груди руки, до чрезвычайности довольный собой. Я продолжал молчать, не в силах поверить.

Наконец Холмс, раздражённый моей медлительностью, подскочил в кресле, вскричав:

— Сотый марсианин, Ватсон! Матка! Королева улья! Теперь в Великобритании две Королевы, мой друг! Боже, храни их обеих!

И Шерлок Холмс впервые на моей памяти расхохотался от души.

\*\*\*

Через несколько дней осень окончательно вступила в свои права. Листва в парках облетела, и по хрусталу Кровли забарабанили унылые лондонские дожди.

В Миграционной службе Его Королевского Величества открылся новый отдел, ведающий делами пришельцев.



Жемчужины отправились в казну в качестве первой пошлины, взысканной за въезд с новых граждан Империи.

Про Королеву марсиан пока нет никаких известий, но я думаю, когда-нибудь мы непременно услышим о ней.

Секта рипперов не подает признаков жизни уже который месяц подряд.

И — Холмс оказался прав, в который уже раз: несколько дней после происшествия в порту все бродячие псы Лондона просто лоснились от сытости и довольства.

Должно быть, каждый из них и впрямь сгрыз по большому сочному хрящу.





# ГЕРОЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ





«...Вчера общественность столицы была по самые глубины души потрясена героизмом, проявленным молодым Эдгаром Уоттвиком, младшим сыном лорда Генри Уоттвика, парламентария и бессменного руководителя партии гуманистов, автора скандально известного манифеста «Угроза с Марса». Молодой человек, ранее считавшийся среди родственников паршивой овцой, беспутным прожигателем жизни и повесой, не способным ни на что дельное, внезапно предстал перед изумлёнными лондонцами совершенно в ином свете, дав отпор самому Джону Поджигателю, который вот уже двенадцать лет безнаказанно терроризирует законопослушных лондонцев. Храбрый юноша ценой нечеловеческих усилий избавил от ужасной смерти свою племянницу, малолетнюю Лизу Уоттвик — единственную на сегодняшний день жертву маньяка, которой удалось выжить.

Героический миг спасения невинного ребёнка из безумия всепожирающего огня вы можете во всех подробностях рассмотреть на помещённой выше великолепной дагеррографии нашего постоянного корреспондента мистера Питера Бредли, хорошо известного широкой общественности благодаря умению всегда оказываться в нужное время в нужном месте и запечатлевать на мёртвых холодных пластинках живые и, как говорится, с пылу с жару горячие новости нашего города. Серия портретов лондонских самоубийц принесла мистеру Бредли мировую известность, и после ряда нашумевших выставок в Соединённых Штатах в адрес редакции поступило предложение от мистера Ротшильда о приобретении им оригинальных снимков за весьма солидную сумму, которую мы не будем тут приводить, дабы



не смущать умы не столь обеспеченных читателей. Надо ли упоминать, что редакция, конечно же, с негодованием отвергла в высшей мере непристойное предложение. Национальные ценности не продаются — этот факт мистеры ротшильды позабыли, но никогда не забудут те, в чьей груди бьётся сердце настоящего британца!

Но вернёмся к чудовищному происшествию, которое таблоиды уже окрестили «Кошмаром на улице Буков».

В этот вечер Эдгар Уоттвик возвращался к себе домой с развесёлой пирушки, устроенной одним из его приятелей, повода для которой не смог припомнить ни один из принявших в ней участие молодых повес из числа золотой молодёжи. Будучи, по собственному его признанию, «слегка под мухой» и не очень довольный столь ранним окончанием веселья, молодой человек никуда не спешил и предоставил ногам самостоятельно выбирать маршрут, сам же наслаждался ночной свежестью, глаза на редких прохожих и обдумывая возможности поразвлечься в какой либо другой компании. Но подходящего общества не подворачивалось, молодой человек продрог и уже склонялся к мысли о том, что, как это ни печально, но веселье на сегодня закончилось и пора возвращаться домой, когда ровно в четверть второго услышал отчаянный женский крик с призывами о помощи.

Эдгар Уоттвик огляделся и понял, что забрёл довольно далеко от Челси, где на пару с другом снимал небольшую квартиру, и теперь находится в восточной части Лондона, наиболее пострадавшей от налётов кайзеровских дирижаблей и заново отстроенной уже после Великой Войны. Словно пытаясь стереть из памяти ужасы Нашествия, на месте руин силами муниципалитета тогда были



разбиты прекрасные сады и парки, в глубине которых скрывались комфортабельные домики в старом английском стиле. Здесь предоставлялось достойное жильё семьям тех парламентариев, которые в силу похвальной скромности или сложившихся печальных обстоятельств не могли себе позволить особняк на Фунт-стрит.

По счастью, этот район был знаком нашему герою, поскольку именно тут, на улице Буков, проживала семья его старшего брата, сэра Патрика Уоттвика. И вот теперь, глубокой ночью, молодой человек стоял один на пустынной улице напротив дома собственного брата. И именно из этого дома доносились отчаянные женские крики, привлёкшие его внимание.

Не раздумывая ни секунды, Эдгар поспешил на помощь, проявив тем самым лучшие качества, присущие истинному британцу. Калитка была заперта, и ему пришлось перелезть через невысокий заборчик, отгораживающий сад от улицы, а потом ещё и бежать по выложенной ракушечником садовой дорожке до никогда не запиравшейся двери чёрного хода, поскольку парадные двери оказались закрытыми, а на оглушительный трезвон и стук изнутри так никто и не отозвался. Дверь чёрного хода открылась легко и без скрипа, и молодой человек вошёл в дом, ставший обителью смерти.

К тому времени женские крики давно смолкли и в доме воцарилась зловещая тишина, прерываемая лишь звуком падающих капель и отчаянным стуком сердца Эдгара Уоттвика, которому в тот миг казалось, что стук этот слышен самое малое за сотню ярдов. В кухне света не было, но откуда-то из глубины дома на стены столовой падали странные отсветы, неровные и словно бы вздрагивающие. Нос щекотал неприятный запах — так пахло топливо



для моноциклов, Эдгар сразу узнал его, поскольку и сам был любителем погонять с сумасшедшей скоростью, распугивая собак и прохожих. Этот запах, вполне естественный в гаражах и доках, показался совершенно неуместным здесь, на кухне мирного и почтенного семейства, и оттого припомнился Эдгару позже, несмотря на все пережитые впоследствии ужасы. Молодой человек прошёл через тёмную кухню и осторожно выглянул в приоткрытую дверь.

Столовая тоже была пуста — во всяком случае, так показалось Эдгару в первый момент. На труп своего брата Патрика он в буквальном смысле слова наткнулся, огибая массивный обеденный стол на пути к двери, ведущей в холл и к лестницам на второй этаж.

Сэр Патрик лежал на ковре, чёрном от впитавшейся крови, и голова его была разможжена ударом тяжёлого золотого подсвечника, брошенного убийцей тут же, рядом с местом чудовищного преступления. Похоже, убийца проник в дом, когда всё семейство уже отошло ко сну — на несчастном Патрике был лишь халат, наброшенный поверх пижамы. Возможно, бдительный отец семейства спустился вниз, привлеченный подозрительными звуками в столовой, где маньяк готовил сцену для своего кошмарного злодеяния. Проявленное любопытство лишь ускорило его смерть, а вовсе не явилось причиной — Джон Поджигатель известен тем, что никогда не отпускает живым никого из намеченной им на заклятие семьи. Он не спешит: один, максимально два поджога в год, в день, когда слуги отпущены по домам, что и позволило «Дейли трибьюн» причислить этого кровожадного маньяка к наиболее радикально настроенным социалистам, ведь его карающее лезвие обращено лишь на представителей высшего света. И в пламени разведённого им пожара гибнут все живущие в



доме обладатели голубой крови, включая беременных женщин и новорождённых младенцев.

Так случилось и на этот раз. У сэра Патрика и леди Элизабет было двое детей, но эту жуткую ночь довелось пережить только маленькой Лиззи, и то лишь благодаря вмешательству провидения в лице молодого повесы...

Леди Элизабет Эдгар обнаружил на лестнице, горло несчастной было перерезано, и кровь капала со ступенек — это и были те звуки, которые молодой человек услышал, находясь на кухне. На бедной женщине не было даже халата поверх ажурной ночной сорочки, явно не предназначенной для посторонних взглядов. Поднимаясь по лестнице, Эдгар, хоть и был заворожён ужасающим зрелищем, всё же сумел обнаружить источник странного освещения — им был небольшой костёр, разгоревшийся перед камином. Очевидно, преступник выгреб ещё не прогоревшие угли прямо на пол и щедро плеснул сверху топлива из стоявшей тут же канистры.

Молодой человек был на верхней ступеньке, когда в одной из комнат второго этажа раздался шум борьбы и короткий детский вскрик. Позабыв об осторожности и о том, что безоружен, юноша бросился на шум и ворвался в детскую, когда кровавый маньяк отбросил труп десятилетнего Вилли Уоттвика, попытавшегося встретить врага с оружием в руках, как и подобает истинному британцу. К несчастью, шпага, предназначенная для обучения детей, не причинила свирепому маньяку ни малейшего вреда, лишь ненадолго отвлекла его внимание. Но смерть несчастного Вилли не была напрасной — выигранного им короткого промежутка времени как раз хватило Эдгару на то, чтобы добежать до двери и грозным окриком привлечь к себе внимание



убийцы, уже схватившего за волосы четырёхлетнюю Лиззи и намеревавшегося нанизать её на маленькую шпагу, отобранную у ее убитого брата, — и с таким же хладнокровием, с каким хозяйки нанизывают на вертел молочных поросят. Ценой своей жизни маленький герой спас младшую сестрёнку, но спас ли он её на самом деле, или только отсрочил неминуемую смерть на несколько минут — это предстояло решать лорду Эдгару. Да-да, мы не оговорились, ведь теперь, после смерти лорда Патрика, именно Эдгар стал единственным наследником сэра Уоттвика.

Джон Поджигатель оказался довольно крупным мужчиной. Зарычав и отшвырнув маленькую пленницу с такой силой, что та лишилась чувств, он бросился на Эдгара Уоттвика, размахивая ученической шпагой, и успел нанести два укола в бедро, прежде чем молодой человек опомнился и смог оказать сопротивление, применив приёмы классического бокса, в коем был весьма искусен.

Преступник, похоже, не ожидал столь энергичного сопротивления. Он привык убивать свои жертвы подло, во сне, не способными постоять за себя, а тут наткнулся на бодрствующего и не склонного сдаваться без боя молодого мужчину, чья бурная и не всегда законопослушная юность в этот миг оказалась отнюдь не лишним козырем в рукаве. Отступив, преступник перебросил короткую шпажку в левую руку, а правой схватил тяжёлую фамильную трость Уоттвиков — эту трость сэр Генри подарил своему старшему сыну несколько лет назад, в связи с сорокалетием последнего. С тех пор лорда Патрика нигде не видели без этой трости, вот и навстречу неожиданной смерти он тоже вышел, гордо неся седовласую голову, твёрдо ступая ногами в мягких домашних туфлях по наборному паркету и тяжело



опираясь на фамильную трость. Безжалостный убийца завладел этой тростью, то ли намереваясь сохранить в качестве сувенира, то ли посчитав более надёжным оружием, чем золотой подсвечник.

Получив сокрушительный удар в грудь — впоследствии выяснилось, что у него было сломано не менее чем одно ребро — молодой человек оказался отброшен к стене и, как выражаются боксёры, «поплыл». Он не лишился чувств, но воспринимал происходящее словно через толщу полупрозрачной воды. И почти не почувствовал, как тяжёлая трость несколько раз с силой опустилась ему на спину, оставив страшные кровоподтеки. После чего преступник потерял интерес к неподвижной жертве и развернулся к Лиззи, которая в тот миг как раз пришла в себя и громко заплакала, призывая на помощь мать.

Лорд Эдгар так и не смог связно объяснить нашему корреспонденту, как ему удалось подняться на ноги, невзирая на многочисленные травмы, и не просто опрокинуть тяжёлое кресло, но сделать это так, чтобы резная деревянная спинка ударила преступника точно под колени, из-за чего тот потерял равновесие и упал, так и не добравшись до беспомощной девочки. При этом лорду Эдгару удалось перехватить фамильную трость, тем самым уравнивая силы сражающихся сторон. Пересказывая этот эпизод, героический юноша проявляет потрясающую немногословность. «Я его ударил несколько раз. И он убежал», — так сказал нашему корреспонденту этот поразительно скромный герой нашего времени. А на просьбу рассказать поподробнее лишь пожал плечами и беспомощно улыбнулся.

Как бы там ни было, мерзавец бежал, а лорд Эдгар был слишком сильно изранен, чтобы пытаться его задержать до прибытия полисменов. С маленькой



Лиззи на почве пережитого приключился истерический припадок, и она с криками убежала от своего спасителя. Лорд Эдгар решил дать бедному ребёнку время успокоиться, а тем временем поискать кого-нибудь из слуг — он ведь не знал, что у тех был выходной. Шатаясь и используя семейную трость по её прямому назначению, он заглянул в смежные комнаты. Там не было ни души, зато обнаружилось орудие преступления. Большой кухонный нож для разрезания пирогов лежал на окровавленной шёлковой простыне в кровати несчастного Вилли, сэр Эдгар узнал этот нож по наборной деревянной ручке.

Запах дыма становился всё отчётливее, а, выйдя в коридор, лорд Эдгар внезапно обнаружил, что оказался в ловушке — внизу разгорелся настоящий пожар, и обе лестницы были охвачены огнём, преградившим путь к выходу. Очевидно, преступник перед тем, как сбежать, попытался довести свое ужасающее злодеяние до конца и расплескал остатки горячего по холлу первого этажа. Оставалась, правда, возможность спуститься с балкона, но сделать это со сломанными рёбрами, раненой ногой и серьёзными ушибами сложно и в одиночку, а если при этом придётся удерживать обезумевшего ребёнка — такая задача выглядит совершенно невыполнимой.

К чести сэра Эдгара следует отметить, что он не колебался ни секунды.

С большим трудом ему удалось извлечь отчаянно сопротивлявшуюся Лиззи из-под шкафа и, прижимая её к себе здоровой рукой, выбраться на балкон, спасаясь от буквально по пятам преследовавшего их пламени. С ребёнком на руках, израненный, но не сдающийся, лорд Эдгар вылез на перила и поднял бедную девочку, спасая её от безжалостного огня. Именно в этот миг его и запечатлела портативная обскура нашего неподражаемого мистера Бредли.



Лорд Эдгар не мог знать, что огонь заметили соседи и что вызванные ими пожарные уже растянули спасательный тент прямо под балконом и готовы принять пострадавших, оказав им всяческую помощь. Что, невидимый за деревьями парка, на улице ждёт паромобиль скорой помощи, и водитель умело поддерживает в котле постоянное давление, позволяющее машине в любую секунду сорваться с места, увозя нуждающегося в неотложной помощи пациента.

Следует кстати отметить, что физически бедная Лиззи почти совсем не пострадала, однако ее душевные травмы оказались куда серьёзнее. Пережитые ужасы сказались на внутреннем состоянии ребёнка, вызвав глубокое умственное расстройство. Как объяснил доктор Куинсли, профессор психологии королевского университета, в пострадавшем мозгу произошло совмещение образов спасителя и кровавого убийцы, и теперь с несчастной случается припадок каждый раз, когда она видит своего дядю Эдгара. Профессор предложил родственникам не отчаиваться и вооружиться терпением, поскольку нет лучшего лекаря, чем время, а детская психика весьма упруга, и новые впечатления перекроют столь травмирующее событие, сначала оттеснив его на задний план, а потом и окончательно заместив. Бедному же лорду Эдгару во избежание рецидивов у племянницы лучше пока не встречаться со спасённой малышкой и впоследствии не напоминать ей о происшедшем.

Но маленькая Лиззи — не единственная, от кого наш нечаянный герой так и не дождался благодарности. Его собственный отец, сэр Уоттвик, так прокомментировал случившееся: «И почему из трёх сыновей у меня остался только самый паршивый?!» И, хотя адвокаты и просили не придавать особого



значения словам, вырвавшимся у старика, находящегося в состоянии шока, но фраза эта очень показательна и чётко определяет позицию старого лорда по отношению к младшему сыну. Даже оказавшись героем, молодой человек всё равно не добился благосклонности родного отца.

Вглядитесь в это мужественное лицо — оно прекрасно! Страх на нём перемешан с решимостью довести до конца нелёгкое дело настоящего героя, а здоровая злость лишь подчёркивает мужественные черты. Вы не найдёте тут бездумной глупой отваги новобранца, не понимающего, насколько может быть опасным затеянное им. Нет! Перед нами человек, до конца осознающий всё, но при этом не дающий страху и опасениям власти над собой, готовый рискнуть собственной жизнью ради спасения невинного ребёнка и не ждущий за это благодарности ни от кого. Перед нами — настоящий герой...»

— Какую редкую чушь вы, однако, читаете, дорогой мой Ватсон!

Вздрогнув, я оторвался от передовицы «С пылу, с жару», газетёнки довольно скверного пошиба. Внимание моё больше привлекла не сама статья, а большая чёрно-белая дагеррография под ней, на неё-то я и смотрел уже довольно долгое время, не в силах разобраться, что же именно тут не так.

— Действительно, чушь редкостная... но как вы догадались? Вы ведь не читали этого номера, я сам разрезал доставленные распечатки...

— Вы так любезны, Ватсон, что вот уже полчаса демонстрируете мне роскошный портрет нашего милого мистера Эдгара Уоттвика... ах, извините, теперь уже лорда Эдгара... Трудно не узнать лицо, которое последние несколько дней пялится на тебя со всех газетных тумб и новостных реостатов.



— Здесь что-то не так...

Я отложил газетный лист и, нахмурившись, откинулся на спинку удобного кресла. Я терялся в догадках насчет личности преступника, ответственного за кошмарное злодеяние на улице Буков, но одно знал твердо — Джон Поджигатель не имеет к нему ни малейшего отношения. Семейство Уоттвиков не относилось к Подконтрольным.

Даже близко не стояло...

— Поразительная догадливость, мой друг!

Даже моё не слишком чувствительное к подобному ухо уловило, что надтреснутый голос великого сыщика полон сарказма. И потому я ничего не ответил.

— Поразительная догадливость, — повторил Холмс уже мягче. — И столь же поразительное преуменьшение. Здесь не так абсолютно всё!

— Так вы не согласны с мнением газетчиков, будто это новое злодеяние Поджигателя? — спросил я осторожно, глядя в сторону и стараясь не выдать истинной заинтересованности.

Мой друг хрипло рассмеялся.

— Чушь! Конечно же, он тут совершенно ни при чём. Кем бы он ни был.

— Но что за мерзавец прятался под его личной? Какой-то случайный бродяга, застигнутый хозяевами врасплох? Промарсиански настроенный экстремист? Кто мог задумать и совершить такое злодеяние? — теперь, когда можно стало расслабиться, мне действительно сделалось любопытно.

Знаменитый сыщик посмотрел на меня чуть ли не с жалостью.

— Бродяга, который бросает золотой подсвечник только потому, что кого-то им убил? Экстремист, приходящий в дом жертвы безоружным — вспомните, чем он орудовал поначалу? Подсвечник мы уже



упоминали, странноватое оружие для настоящего экстремиста. Далее — захваченный на кухне нож, отобранная у сэра Патрика трость и ученическая шпага... все четыре предмета взяты на месте, непосредственно в доме. Кем бы ни был наш преступник, первоначально убийство не входило в его планы, иначе бы он подумал об оружии заранее. Нет, до получения тростью по той части тела, которую газетчики деликатно поименовали «спиной», наш негодяй об убийстве и не помышлял.

— Вы имеете в виду... — не договорил я, поражённый.

— Именно. Новоиспечённого лорда Эдгара, столь справедливо названного героем нового времени. Вот уж действительно, герой новой эры — эры Мориарти!

— Но каким образом, Холмс? — я бы и сам не мог толком объяснить, о чём именно спрашивал — о способах действия убийцы или же о дедуктивных догадках моего друга. Но знаменитый сыщик всё понял правильно, начав отвечать на оба вопроса одновременно.

— Даже если бы я и не знал, какой мерзкий маленький хорёк этот новоявленный герой, то и тогда бы его выдало время. Пирушка, на которой он развлекался, закончилась около часу ночи, это традиция, раньше подобные вечеринки не заканчиваются. И потому наш пройдоха никак не мог уже в четверть второго оказаться у дома брата, чуть ли не на другом конце города, просто «неспешно прогуливаясь и наслаждаясь свежим воздухом». Тем более, что воздух в ту ночь действительно был довольно свежим и прогулкам не способствовал. Нет, добраться до дома брата вовремя будущий лорд мог только на моноцикле, да и то, если всю дорогу гнал, как сумасшедший. Не удивляюсь, если брошенный моноцикл обнаружат в ближайшем парке. А у гонщиков всегда в запасе



лишняя канистра горючего. Если к этому добавить то обстоятельство, что упомянутая пирушка была устроена для карточной игры, то становится ясна и цель визита Эдгара к старшему братцу, ранее неоднократно снабжавшего непутёвого младшенького средствами на покрытие долгов чести.

Но в этот раз что-то не пошло не так — то ли сумма оказалась слишком велика, то ли старшему брату надоело, и он решил поучить младшего уму-разуму теми средствами, которые исстари практиковались в их семействе. И отходил непутёвого тростью пониже спины. Тот не стерпел обиды и убил старшего брата, отомстив тем самым за Авеля всем Каинам сразу. Когда же осознал, что наделал, то пришёл ко вполне логичному для подобных хорьков выводу, что единственный выход в сложившейся ситуации — это свалить вину на знаменитого маньяка. То, что для этого придётся вырезать всю семью брата вместе с двумя малолетними племянниками, показалось нашему герою вполне приемлемой ценой. Кстати, ещё одно незамеченное полицией доказательство моей правоты — раны от ученической шпаги. Они обе пришлись на бедро, что явственно указывает на поразительно малый рост нападавшего. Вилли действительно был храбрым мальчиком...

Жену брата убить оказалось куда легче, она не оказала сопротивления.. Но когда новоиспечённый лорд Эдгар намеревался покончить с последней представительницей рода, появилась вся королевская рать в лице доблестных пожарных...

Холмс подошёл к журнальному столику и постукал мундштуком своей любимой глиняной трубки по передовице.

— А снимок-то и на самом деле хорош. Эмоции схвачены верно, только вот интерпретированы неточно. Тут вам и страх, и твёрдая решимость, и



злость... Представляю, как он удивился, обнаружив кучу непрошенных свидетелей.

— Вы собираетесь проинформировать полицию?

— Зачем? Когда даже сам сэр Генри предпочитает молчать... а ведь он-то наверняка знает правду! Если после неудачного падения среднего сына Гарри с лошади во время братской охоты он ещё только подозревал что-то подобное, то теперь ни малейших сомнений не осталось. Но он молчит. Значит, промолчим и мы. Уважим волю старика, потерявшего всех троих сыновей...

Холмс быстро вышел из гостиной, я лишь успел увидеть стремительный белый отблеск в прорези кривой усмешки. Вернулся мой друг через минуту, уже облачённый в знаменитую пурпурную крылатку и цилиндр такого же оттенка, вызывавшего осрую заись у модников прошлого сезона. И речь знаменитого сыщика звучала немного невнятно, словно он по какой-то неведомой прихоти предпочитал говорить сквозь плотно сжатые зубы.

— Передайте мисс Хадсон, что я ушёл. К ужину не ждите...

С этими словами мой друг удалился по своим ночным делам.

А я остался сидеть в кресле, уставившись в тёмное окно. В ожидании сигнала мобильного телеграфа и с растревоженной памятью. Последние двадцать пять лет я всё время жду сигнала, даже если большую часть времени мне и удаётся не помнить об этом.

Жду и надеюсь, что прошлый окажется последним...

Почему они так хотят детей?

Ведь они же давали подписку, каждый из них!

Аристократа нельзя подвергнуть принудительной стерилизации, но настоящий джентльмен никогда



не нарушит данного слова, так что подписка гарантирует... должна гарантировать. Так почему же год за годом всё повторяется снова и снова? И кто-то снова и снова решает, что законы писаны не для него. Не часто, не более трёх раз за год, ну — четырёх, но — год за годом...

И мобильные телеграфы нескольких отставников, таких же невзрачных осколков минувшей войны, как и ваш покорный слуга, отстучат кодовую фразу, которую я опознаю с первых же тактов, хотя вообще-то не слишком хорошо воспринимаю телеграфные сообщения на слух.

Это было уже под конец Великой войны, ещё один секретный проект Её Величества, о котором я не имею права распространяться. Программируемые генетические изменения. Успешное совершенствование человеческой природы. Новые люди нового времени...

Проект закрыли сразу же, как только стало понятно, что будет рождаться у этих новых людей в третьем-четвёртом поколении. Но к тому времени испытания уже вошли в финальную стадию — на добровольцах.

Хорошо, что никто из Изменённых (Подконтрольных, как мы их называем) не может прожить вдали от Пекла, и потому до сих пор не покинул пределов Лондона. Можно даже сказать, что Кайзер оказал нам услугу, уронив на город две атомные бомбы, чья огненная начинка потихоньку прожигает себе путь к центру Земли, по пути щедро делясь энергией, как видимой, так и невидимой. Новые люди оказались наиболее чувствительны к невидимой энергии — именно поэтому эксперименты в других местах не увенчались успехом, и поэтому же Подконтрольным нет жизни нигде, кроме Лондона.



Но они всё равно пытаются.

И гибнут.

А ещё они пытаются прятаться — меняют внешность и имена, скрываются, переезжают... и рожают детей — если им кажется, что спрятались они достаточно надёжно. А потом я дожидаясь сигнала, и приходится... не хочу, но приходится, я ведь тоже давал подписку, и, в отличие от них, я понимаю, что закон есть закон. И для чего он нужен, я понимаю тоже. Я — скверный сыщик и не смог бы их выследить при всём желании. Но мне и не надо. Выслеживают другие. Мне же дают сигнал, когда наличие преступной беременности установлено точно, и выбран день с наименьшим количеством посторонних жертв, в идеале — вообще без них. Прийти. Уничтожить нарушителей. Убедиться, что они действительно умерли. Я врач, я не допускаю ошибок — полагаю, именно поэтому меня и выбирают чаще прочих отставников. А дальше — милосердный огонь даст окончательное прощение и уничтожит улики, и по столице пойдут гулять новые слухи о Джоне Поджигателе...

Как они могут?

Ведь они же видели материалы, когда давали подписку! Ведь они же знают. И при этом — снова и снова... Хорошо, что с каждым годом работы всё меньше. Может, сказались публичные казни. Или же просто падает число самих Подконтрольных. Их ведь было не так уж и много, тех добровольцев. Меня это не особо волнует. Меня волнует другое.

Почему они так хотят детей, что заставляют меня всё время ждать сигнала?

Впрочем, и это уже не особо.

Проклятая статья, разобрела... Надеюсь, завтра я снова сумею забыть.



# ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ ИЛИ ПЛЕМЯННИК ИЗ ШКАФА





Перед рассветом меня разбудили мертвецы.

Шум, который некрограждане подняли далеко внизу, у ворот судоверфи, громогласно отстаивая свои якобы поправленные живыми права, был совершенно невыносим. Когда же за дело взялись штрейкбрехеры из традиционалистов, а потом и сотня лондонских бобби с полутораyardовыми — в расчёте на толстокожесть и нечувствительность усмиряемых — дубинками из ясеня и клёна, я окончательно оставил попытки вернуться в объятия Морфея. А потому с тяжким вздохом снял с головы подушку, которой стремился отгородиться от внешнего мира, пристегнул механистический протез и, вооружившись стаканчиком бренди и набитой трубкой, прошёл сквозь салон на обзорную галерею, что кольцом опоясывала «Бейкер-стрит, 221-б» по миделю. Там, опершись на резные перильца и выдохнув в лондонский смог первую за этот день порцию ароматного дыма, я проснулся окончательно.

Впрочем, мне, как литератору и жизнеописателю, следовало бы подбирать более точные слова. Проснулся! Какой милый и уютно-старомодный эвфемизм. Среди молодёжи так сейчас говорить не принято. Наша милейшая и суровейшая мисс Хадсон, к примеру, по утрам предпочитает «включаться» — нейтральный термин, одинаково подходящий и ей самой, и управляемому её очаровательными ручками аналитическому автомату по имени Дороти. И даже в речи моего знаменитого друга нет-нет, да и проскальзывают подобные словечки, заставляя меня в полной мере ощущать собственную викторианскую устарелость. Да, я



старомоден. И утром по-прежнему люблю именно просыпаться, во всех смыслах этого слова. А по ночам предпочитаю отдыхать, хотя та чернота, в которую я погружаюсь при этом, мало напоминает обычный сон. Но она мне нравится, эта абсолютная чернота. Она намного приятнее тех кошмаров, что изводили меня в первые послевоенные годы. Помнится, я тогда пребывал в полном отчаянии и по профессиональной привычке военврача действовать решительно готов был на самые жёсткие меры — в том числе и вообще исключить сон из раздела доступных мне удовольствий. Хорошо, что нашёлся другой, не столь радикальный выход. После усиленного курса алхимической обработки в спец-войсках Её Величества я не нуждаюсь во сне вот уже тридцать лет. Но все мы — рабы своих старых привычек.

Нет, я не страдаю бессонницей. Но и не сказать, что особо ею наслаждаюсь — скорее, просто принимаю как данность и по мере необходимости стремлюсь извлекать из подаренных мне лишних часов бодрствования максимально возможную пользу. Читаю, фантазирую очередную главу о приключениях безымянного героя, секретного агента на службе Короны, или же веду документальные записи о ничуть не менее интересных расследованиях моего знаменитого друга и компаньона. Ну или вот как сейчас — размышляю о человеческой глупости, не позволяющей доблестным ветеранам Великой Войны осознать все выгоды некрожизни в современной Англии. Впрочем, вряд ли среди сегодняшних демонстрантов есть хотя бы один ветеран — они-то как раз понимали.

В том, чтобы быть не вполне живым, есть масса достоинств. Некоторые из них очевидны для всех — к примеру, мёртвого человека чрезвычайно



трудно убить снова. Впрочем, одними только неуязвимостью, жизнестойкостью и почти пугающим долголетием плюсы постсмертной жизни не ограничиваются, и сегодня это понимают многие. Конечно, некровозрождённому некоторое время приходится привыкать к новому состоянию и перестраивать как режим существования, так и способы восприятия окружающего мира. Новые привычки не возникают за один день или даже неделю, иногда требуются долгие месяцы, но куда спешить мертвецу? Ему принадлежит всё время вселенной. И если бы меня спросили, я бы посоветовал тем нашим мёртвым собратьям, о чьи укрепленные ребра и непрошибаемые хребты сейчас ломают свои ясеневые и кленовые дубинки доблестные полицейские у ворот лондонской верфи, не тратить его на бессмысленные попытки отстаивать то, что и так уже восемь лет как закреплено законодательно. Впрочем, слово «мёртвый» ныне не употребляют, считая оскорбительным. Малолетние хулиганы, конечно же, продолжают писать на стенах домов «зомби форевер» или же наоборот «зомби в Пекло!», в зависимости от районов обитания, но приличные граждане делают вид, что не замечают подобных непристойностей. «Человек с альтернативным способом жизнедеятельности» — вот как сегодня называют некрограждан. Мир меняется, и с каждым годом всё стремительнее.

В наше просвещенное время умереть окончательно не так-то просто. Непременно найдутся безутешно скорбящие родственники, которые пожелают вернуть вас в надежде на то, что вы, будучи несказанно тронуты подобным проявлением заботы, поспешите изменить завещание в их пользу (тут кроется некий юридический



кунштюк — умерев, вы утрачиваете право на своё имущество, но вот передачей его всё ещё можете распоряжаться).

А может, любящая жена — воскрешённая вами некоторое время назад, после долгих лет безуспешной борьбы с тяжким недугом, который вымотал нервы ей и окончательно испортил характер вам — вдруг поймёт, что вечность без вас для неё настолько в тягость, что она готова потерпеть вздорность вашей натуры ещё эон-другой. Или же кредиторы поднимут вас — в буквальном смысле слова — из самой могилы, убивая надежду на то, что долги осыплются тленом и прахом с приходом смерти. Оплата услуг по ревитализации, разумеется, будет включена в счёт долга. Живите и радуйтесь, даже умерев, — если, конечно, сможете.

Мог ли Его Величество Георг Пятый, король Великобритании и Ирландии, более трёх десятилетий назад инициировавший формирование специализированных «бригад особого назначения», предположить, что опыт создания самого страшного ужаса Великой Войны, осуждённого как оружие массового поражения Международной конвенцией не далее чем двадцать три года назад и запрещённого к применению повсеместно и на все времена, что этот чудовищный опыт ещё при его жизни будет взят на вооружение (забавный каламбур) банковскими клерками и нотариальными конторами?! И не способствовал ли он этому сам, подвигнутый чувством вины?

Бедный Георг Пятый...

К полицейским у ворот верфи тем временем прибыло подкрепление. Применяя пожарные водомёты и прочные лёгкие сети, они частично разогнали, частично задержали дезорганизованных



демонстрантов. Судя по тому, как быстро им это удалось, среди последних действительно не было настоящих ветеранов с опытом настоящих боёв. Сплошные новоделы, как я и предполагал ранее. Окажись в этой толпе хотя бы полдюжины прошедших спецподготовку в бригаде «Z» — и я бы посочувствовал полицейским. Впрочем, вероятность подобного невелика — ветераны знают цену и жизни, и времени, а потому последний раз я видел их в подобной демонстрации у здания Конгресса восемь лет назад, когда как раз в первом чтении обсуждался закон об уравнивании в правах.

А буквально за несколько дней до этого знаменательного события к нам на борт явился довольно необычный посетитель... Впрочем, на самом деле та история началась намного ранее, с совершенно другого визита, за которым последовало одно из самых неоднозначных расследований моего знаменитого друга, так и оставшееся тогда неизвестным широкой публике из соображений политической корректности. Обнародование всех обстоятельств того крайне деликатного дела в те годы могло затронуть некоторых влиятельных особ, да и прочим принести больше вреда, чем пользы, так что с безмолвного согласования между мной и великим сыщиком я предпочёл обойти молчанием дело Наглого Племянника, заметки о котором навсегда запечатлелись в дагерротипе моей памяти. Сейчас времена изменились, опасения остались в далёком прошлом и раскрытие той старой тайны никому уже не способно доставить бед, но я и сам похоронил её так глубоко на задворках собственных воспоминаний, что никогда более, наверное, не вытащил бы на свет божий, если бы не разбудившие меня



мертвецы. Судьба прибегает иногда к помощи странных посланцев.

Решено.

Мои сегодняшние утренние часы будут посвящены переносу на бумагу именно этой истории о попавшем в неловкую ситуацию высокопоставленном государственном деятеле и предосудительном поведении старшего сына его покойного брата. А так же о том, к каким величайшим межгосударственным и даже межпланетным последствиям привело раскрытие одной вроде бы совершенно никого не касающейся личной тайны. Но не стану забегать вперёд и поведаю обо всём по порядку.

\*\*\*

Случилось всё это ещё до злополучного «Дела треножников», стоившего нам с Шерлоком Холмсом жилья, когда наш дом на старой доброй Бейкер-стрит был полностью уничтожен марсианским треножником под управлением профессора Мориарти. Со стороны профессора это было исключительно актом мести, так как к тому времени деликатное и затрагивающее королевские семьи двух планет дело уже было успешно разрешено моим гениальным другом. За что впоследствии ему высочайше пожаловали рыцарство и яхту-дирижабль «Королева Мария», ставшую нам новым домом и тут же переименованную в более привычный «Бейкер-стрит, 221-б», в честь чего борт её гондолы и украсила аутентичная и слегка оплавленная медная табличка аналогичного содержания. Надо сказать, Её Величество не сочла подобное проявлением неблагодарности и неуважения с нашей стороны к Её священной особе. Ибо приведшие к смене названия причины крылись как раз таки в глубочайшем нашем уважении к королеве



Марии и совершеннейшей невозможности слышать, как склонный к военной простоте и грубому юмору капитан Коул докладывает с мостика, что-де наша королева опять спустила и задом чуть ли не по земле елозит, или что бока у неё одрябли и нуждаются в хорошеньком вздутии. При этом сам бравый служака вряд ли имел в виду что-либо непристойное, ибо о столь дерзостном проявлении неуважения к королевской особе со стороны капитана Её Воздушного флота было бы странно даже и помыслить. Но сами понимаете, как это выглядело со стороны. Нет уж! Пусть лучше будет Бейкер-стрит.

Но тогда до этого было далеко. Война только что кончилась, я был отпущен из армии с вежливой формулировкой «по состоянию здоровья» и чувствовал себя таким же разбитым, как и лондонская Кровля, хрустальные купола которой тут и там пятнали чёрные кляксы проломов и воронок. Атомная бомба, на которую так уповал кайзер, оказалась грязным, но чрезвычайно малоэффективным оружием, и лондонцы довольно быстро освоились с жизнью рядом с постоянно действующими вулканами, в которые германская бомбардировка превратила часть Сити и район, ранее известный как Пекло, вот уж поистине получилась зловещее совпадение. Где-то там, в глубине, бесконечная энергия непрерывного ядерного распада продолжает проплавливать себе дорогу к центру Земли, чтобы когда-нибудь обязательно его достигнуть. Некоторая часть учёных опасается, что именно тогда и произойдёт пресловутый «всеобщий водородный взрыв», вовлекающий в реакцию непрерывного деления абсолютно все атомы водорода, содержащиеся в воде и прочих жидкостях, что непременно приведёт к гибели всего живого на планете, а, возможно, и к уничтожению её самой как небесного тела. Ведь все живые существа на



семьдесят процентов состоят из воды, не говоря уж о реках, морях и океанах, и страшно представить, что произойдёт, если вдруг всей этой воде вздумается взорваться в один далеко не прекрасный миг. Но большинство учёных категорически не согласно с настолько пессимистическим прогнозом и уверяет, что земное ядро способно растворить в себе энергию не только тех двух с небольшим десятков ядерных зарядов, что были применены во время Великой Войны всеми странами-участницами, но и на порядок большую. И при этом его собственная температура вряд ли повысится более чем на одну сотую градуса — слишком несопоставимы размеры. Простые же лондонцы не задумываются над этим и продолжают жить, как жили, старательно зализывая нанесённые войной раны или же используя их в мирной жизни по-новому.

Человек привыкает ко всему. В том числе и к жизни на краю вечно действующего вулкана. И не только привыкает, но и умудряется извлекать выгоду из столь опасного соседство — раскалённая язва Пекла, к примеру, сделалась общественным крематорием сразу же после возникновения. Всевозможный мусор и трупы в неё скидывали как общественные санитарные патрули — дабы избежать эпидемий, так и мрачные одиночки, закутанные до глаз шарфами и в низко надвинутых шляпах — из совершенно иных побуждений.

Ну и, конечно же, радиация! Живительная и бодрящая радиация, так приятно греющая деформированные суставы и врачующая старые раны. Приказчики от медицины быстро сообразили свою выгоду, и в наши дни возле Пекла располагаются лучшие санатории и фешенебельные лечебницы, одна неделя пребывания в которых стоит больше, чем



годовой заработок какого-нибудь почтового клерка или рабочего из предместий. Но в послевоенные годы воспоминания были ещё слишком свежи и приличные жители столицы предпочитали избегать окрестностей рукотворных вулканов, а селились там лишь те, кому нечего было терять: падкие на дармовое тепло бродяги да представители лондонского отребья. Впрочем, не все — нищие тот район недолюбливали, и у них были на то веские причины. Дело в том, что под воздействием радиации самые ужасные гноящиеся язвы и нарывы высшего качества, на изготовление которых порядочный нищий тратил зачастую не меньше десяти-двенадцати дней, под воздействием целительного излучения исчезали буквально за несколько часов, не оставляя после себя даже шрамов и нанося тем самым существенный урон профессиональной пригодности несчастного лже-калеки.

В те годы с жильём в Лондоне было ещё хуже, чем сейчас. Часть зданий оказалась разрушена и не подлежала восстановлению, другие требовали капитального ремонта. Дождь и туман беспрепятственно проникали сквозь пробоины в Кровле, а непереносимое тускло багровое зарево над Пеклом окрашивало их в мрачные кроваво-чёрные тона. Цвета пепла и крови. Цвета только что закончившейся войны. Горящее здание можно потушить водой или песком, но для горящей нефти нужна специальная химическая пена особого состава. Что за странные и уникальные химические вещества содержатся в человеческой крови, из-за чего пожар, охвативший весь мир, затушить оказалось возможным только ею?

Та война была особенной, не чета прежним. И вовсе не из-за того, что велась преимущественно в воздухе, впервые за всё существование



человечества. Не из-за газов, не из-за массового применения атомных и каролиниевых бомб и даже, как это ни странно, не из-за оружия массового поражения. Я, ветеран, с честью прошедший три войны и одно Нашествие, утверждаю — Великая Война была уникальной. Подобных ей не было ранее — и, надеюсь, ужаснувшееся человечество более никогда не допустит повтора.

Война без правил и чести. Война без фронта и тыла. Война без нейтралов — война, во время которой никто не мог чувствовать себя в безопасности: ни отдельные люди, ни целые страны. Война, в которой бомбы сыпались на мирные города и расстреливались пленные, а разлитая с идущих гребёнок военных аэропилов отравы убивала всё живое на территории целого округа или провинции. Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что у той Войны есть и некое положительное последствие, в котором мы вряд ли себе признаемся даже мысленно и уж тем более не выскажем вслух, но избежать которого, к счастью, не удалось никому.

Та Война заставила нас иначе взглянуть на марсиан. Менее нетерпимо и даже немного смущённо, что ли. Ибо мы если и не осознали, то печёночкой прочувствовали, что человек — куда более страшный враг и куда более чудовищная тварь, чем любой инопланетный пришелец-алиен. И с ним куда сложнее договориться.

С марсианами, во всяком случае, мы справились без разрушения Лондона. С кайзером — не получилось.

Бейкер-стрит не оказалась исключением — помню, что из окна моей комнаты как раз очень хорошо был виден дом на противоположной стороне улицы, от которого осталась лишь одна боковая



стена. В провалах верхних окон тёмным багрянцем отливало далёкое зарево. Уцелевшая занавеска, когда-то белая, но теперь намокшая и потерявшая цвет, слабо шевелилась на ветру, словно дом устало помахивал белым флагом, сообщая о капитуляции, и не понимал, что принять её некому да и сам он давно уже мёртв. На втором этаже каким-то чудом уцелел балкончик, увитый диким виноградом. На балкончике бывший хозяин оборудовал уютный уголок — бар, плетёное кресло и маленький столик. Помню, как меня поразила белый фарфоровый чайник, преспокойно стоявший на этом столике, в то время как больше от довоенного быта жильцов не сохранилось ничего.

Наш дом война пощадила. В отличие от сограждан, превративших его в музей. Сомнительное удовольствие — жить в помещении, куда в любую минуту может завалиться толпа нагло-почтительных туристов во главе с почтительно-нагловатым экскурсоводом. В такие минуты я жалел, что в Лондоне с жильём проблемы. Тем более что Холмс с его великолепным презрением к условностям обычно в таких случаях просто уходил к себе и начинал играть на скрипке, оставляя меня одного на растерзание отвратительной толпы и не менее отвратительных звуков.

О, эта скрипка!

К моему глубочайшему сожалению, игра на ней в неурочные часы относилась к тем привычкам Шерлока Холмса, которые оставались неизменными на протяжении многих десятилетий. Звуки, извлекаемые знаменитым детективом из чудом сохранившегося с довоенных времён музыкального инструмента, вряд ли можно было назвать гармоничными, выбираемые же им для музицирования часы — как правило, ранние



предрассветные — лишь усугубляли производимый эффект. И потому я мысленно каждый раз сетовал, что это пристрастие благополучно не кануло в прошлое, подобно любви к серебряным запонкам.

Именно из-за ночного концерта в тот день я встал гораздо позже обычного и пропустил появление высокопоставленного гостя. Плотная изолирующая повязка на глаза и уши помогла мне оградить сознание от грубых воздействий окружающего мира, но она же и не позволила уследить за проходившим временем.

Ещё со второго этажа я услышал громкие голоса и понял, что у нас визитёр, а спустившись в гостиную, увидел его сидящим в моём любимом кресле у курительного столика. Крупный, но ещё не старый мужчина, глубокие складки на лбу и у губ, короткая стрижка, седые виски. Лицо аристократически благородное, брылястое и бледное, пожалуй, бледное даже излишне; под глазами мешки, на скулах красноватые пятна, щёки и подбородок отливают синевой — похоже, побриться сегодня наш гость так и не успел. Подобное вряд ли является типичным для обладателя дорогого и буквально излучающего благопристойность костюма, а значит, дело, приведшее его на Бейкер-стрит, не только важное, но и спешное. О важности же свидетельствовала общая нервозность посетителя, неестественная бледность его лица и нетронутая чашка чая со сливками — на столике перед ним, рядом с пепельницей. Утро выдалось довольно прохладным, но пар над чашечкой не поднимался — значит, забытый напиток успел остыть.

Мысленно улыбнувшись, я отметил, что невозможно столько лет провести рядом с Шерлоком Холмсом — и совсем не воспринять его



дедуктивного метода. Я собирался пройти на кухню, поскольку не надо было обладать выдающимися способностями моего друга, чтобы понять по недовольному взгляду визитёра и тому, как резко он замолчал при моём появлении, что он полагает своё дело крайне конфиденциальным и не желает моего присутствия. Но Холмс, предугадав моё намерение удалиться, попросил задержаться, представив меня гостю в качестве верного помощника и компаньона, на честь и такт которого вполне можно положиться. Вряд ли это понравилось нашему посетителю, но он не стал спорить, и в итоге я остался, уселся в лёгкое плетёное кресло у окна и приготовился слушать. Тем более что наш недовольный визитёр как раз решительным движением руки вдавил в пепельницу недокуренную сигару и соизволил представиться, сверля меня тяжёлым взглядом.

— Можете звать меня мистером Хэмфри, — произнёс он брюзгливо. — Я уже изложил вашему другу все обстоятельства дела и не вижу причин повторяться.

Начало разговора выглядело не слишком многообещающим. К тому же у меня возникли сильные сомнения в истинности произнесённого только что имени, так как лицо нашего гостя показалось мне смутно знакомым, хотя я никак не мог вспомнить, где именно мне случалось его видеть. Это не могло не раздражать, ведь после спецобработки память моя сделалась близка к дагеррографической — и вдруг такой конфуз!

— Мы можем звать вас как угодно, сэр Ричард, — усмехнулся Холмс, — но вряд ли тот, чей дагерротип украшает собой передовицу сегодняшней «Таймс», может всерьёз рассчитывать на анонимность.



Так вот в чём дело! Моя память оказалась слишком хороша — потому-то я и не смог опознать в этом дёргающемся нервном аристократе с покрытым красными пятнами лицом и растрёпанной причёской члена палаты лордов, всегда отличавшегося непробиваемым спокойствием и безупречным внешним видом. Память сравнила изображение с оригиналом и сочла, что различия преобладают над сходством. Вот вам и хвалёная подготовка в особых войсках Её Величества! Но всё же один плюс от неё безусловен — моё лицо осталось совершенно невозмутимым, хотя в ту минуту меня и обуревали весьма противоречивые чувства. И не самым приятным из них был стыд. Как я мог не узнать! Тем более что вчера как раз читал речь этого весьма уважаемого в парламентских кругах господина, произнесённую им на учреждении благотворительного комитета вспомоществования вдовам и сиротам, чьи мужья и отцы погибли смертью храбрых при отражении Нашествия и во время Великой Войны. Ричард Честерлей, член Палаты лордов и глава партии гуманистов, самой радикально настроенной партии парламента.

Интересно, что на сэра Ричарда пронизательность знаменитого детектива если и произвела какое-либо впечатление, то, скорее, негативное.

— Любой может узнать кого-то по даггеру в таблоиде, и это не является доказательством великого ума! — фыркнул он, пренебрежительно поморщившись, и продолжил: — Я не хотел обращаться к вам, но Майкрофт иногда бывает чертовски убедителен. Хотя он наверняка преувеличил ваши способности из родственных чувств. Как бы там ни было, вы — меньшее из зол, и с вами я могу хотя бы надеяться не довести дело до



огласки, неизбежной при обращении в полицию. Эти негодяи выбрали очень неудачное время, именно сейчас в палате готовят к обсуждению один законопроект... Впрочем, вас это не касается. С вас достаточно просто знать, что именно сейчас я не могу позволить себе оказаться втянутым в скандал любого рода. Я должен быть уверен, что эти мерзавцы не испортят дело всей моей жизни. Казначейские билеты обычно служат вполне надёжным кляпом, пусть даже и временным. Я не дурак, мистер Холмс, и отлично понимаю, что люди жадны, а аппетит приходит во время еды. От шантажиста невозможно откупиться: заплатив раз, будешь платить снова и снова. И я это знаю. Но сейчас главное — выиграть время. Сумма не имеет значения, не торгуйтесь, спокойствие стоит куда дороже любых денег. Сейчас я не имею права рисковать. А впоследствии... надеюсь, что Майкрофт не ошибался в вас и окончательное решение проблемы будет найдено в разумные сроки.

С этими двусмысленными словами гость, так и не притронувшись к чаю и не удостоив внимания тосты (к слову сказать, изрядно пережаренные), встал и направился к выходу, даже не попрощавшись. Чек, подписанный заранее, он бросил прямо на поднос с молочником и сахарницей, словно расплачиваясь в ресторане. Помню, я ещё подумал: «До чего же неприятный тип!» — и тут же устыдился собственных мыслей.

— Сэр Ричард, пока вы не ушли, я хотел бы уточнить одну деталь. Кто именно является объектом шантажа — вы или ваш племянник Уильям? — спросил вдруг Холмс странно вкрадчивым голосом.

Сэр Ричард остановился, словно налетев на стену, и обернулся на каблуках. Взгляд его был



тяжёл, брови сошлись на переносице, налитые кровью глаза метали молнии, на лице, болезненно бледном ранее, теперь проступил столь же нездоровый румянец, а благородно отвислые щёки так густо налились тёмной кровью, что я всерьёз беспокоился его здоровьем. И даже подумал, что надо бы принести из каюты медицинскую сумку — на случай, если нашему высокопоставленному гостю действительно понадобятся мои профессиональные услуги. Но не тронулся с места, поскольку боялся пропустить что-либо важное. К стыду моему вынужден отметить, что помощник сыщика и литератор-биограф в моей душе нередко одерживают верх над военным медиком.

Меж тем сэръ Ричард сумел взять себя в руки.

— Не знаю, каких грязных сплетен вы наслушались, но это не имеет значения, — процедил он сквозь зубы, сверля Холмса тяжёлым взглядом. — Ни малейшего! Если бы я полагал, что какие-то подробности будут вам полезны, я бы их непременно сообщил. Счастливо оставаться.

— Обратите внимание, Ватсон, — произнёс мой друг недолгое время спустя, когда хлопнувшая наружная дверь оповестила, что утренний гость нас покинул. — Представители палаты лордов врут с такой же лёгкостью, как и простые смертные. Я бы сказал — врут и не краснеют, но это было бы неверно, поскольку непогрешимый парламентарий к концу нашей беседы приобрёл довольно-таки аполексический цвет лица. Вот так бросишь камень по кустам наугад — и попадёшь в яблочко. Любопытно будет узнать, раскрытия какой постыдной тайны так опасается наш конгрессмен?



— Холмс! — вскричал я, шокированный. — Неужели вы всерьёз полагаете, что у такого respectable джентльмена...

— Дорогой Ватсон, — продолжал мой знаменитый друг, набивая в свою любимую трубку вонючую табачную смесь, к которой он так пристрастился во время путешествия по Трансильвании, — у любого джентльмена найдётся свой скелет в шкафу. И чем respectable джентльмен, тем, как правило, менее respectable скрываемый им скелет. Хотя в данном случае всё немного запутаннее. Сэр Ричард известен своей прямоотой. Злые языки именуют её глупостью, настаивая, что его безупречная репутация — результат не высоких моральных качеств, а, скорее, умственной ограниченности и полнейшей неспособности что-либо утаить. Очень сомневаюсь, что за всю свою жизнь он совершил что-то, хотя бы на сотую долю дюйма выходящее за рамки пристойности и благонадёжности. А если бы и совершил — об этом бы давно все знали. Его племянник, юный Уильям Честерлей, совсем другого поля ягода, я бы даже сказал — тот ещё фрукт, любимец жёлтой прессы, герой скандальных историй. Любопытно, что же такое натворил великосветский молокосос, чтобы настолько упасть в дядюшкиных глазах? Вряд ли речь пойдёт о карточных долгах или тайной женитьбе на неподходящей особе. Тут, скорее, что-то куда более серьёзное. И при этом, заметьте, дядюшка готов покрывать молодого шалопая, готов даже платить шантажистам... Понятно же, чьими именно проступками его шантажируют! Любопытно будет узнать подробности, но для начала информации у нас вполне достаточно.

Признаться, я был несколько удивлён:

— Но ведь наш гость ничего такого не говорил!



— Наш гость мог вообще не раскрывать рта, но вот газеты... Иногда я просто поражаюсь, Ватсон, вашей способности смотреть и не видеть! Вы же читаете их каждое утро за чаем, я сам наблюдал это неоднократно. Так неужели же вы неспособны построить ясную логическую картину на основании прочитанного? Вы, который за прошедшие годы, казалось бы, не только досконально изучил суть применяемых мною методов, но и умудрился донести её до лондонской публики, никогда не отличавшейся умом и сообразительностью?

Брюзжание Холмса — надо отметить, не вполне справедливое — прервало появление экономки, принесшей поздний завтрак. Старательная, но глуповатая женщина довольно часто заставляла меня сожалеть о нашей старой квартирохозяйке, миссис Хадсон, давно уже отошедшей от дел. Но в этот раз экономка появилась как нельзя более кстати, да и принесённый ею омлет с холодным беконом оказались довольно неплох. Правда, отдавать ему должное мне пришлось в одиночестве, ибо Холмс предпочёл покинуть музей-квартиру на Бейкер-стрит, 221-б, сославшись на неотложные дела. От предложенной мною помощи он отказался столь же решительно, как и от завтрака. Я был уязвлён его холодностью и не настаивал.

Следующие три дня я не видел знаменитого детектива. Он уходил и приходил в совершенно неприличное время, кучки свежего трубочного пепла утром на столе гостиной — вот и все свидетельства пребывания моего необычного компаньона под нашей общей крышей. Я не уверен, спал ли он в эти дни вообще, но меня радовало уже то, что он хотя бы не трогал скрипку. Задевший его словами более, чем мне бы хотелось, я



осмелился даже провести собственное расследование, вытащил из-под лестницы пыльную стопку приготовленных для растопки газет и целый день потратил на изучение статей и дагеррографий, выискивая всё, что было связано с сэром Ричардом и его злополучным племянником, тридцатипятилетним Уильямом Честерлеем, блестящим офицером и отъявленным повесой, удостоенным ордена Короны за отвагу, проявленную во время Великой Войны. Слова Холмса о виновности молодого человека в чём-то настолько предосудительном, что оно могло послужить основанием для шантажа, не давали мне покоя.

Насколько легче производить анализ и отбор информации в наше время! Мы привыкли к благам цивилизации и считаем их само собой разумеющимися, а ведь ещё какие-то четверть века назад перебирать пыльные старые страницы приходилось вручную, до рези в глазах вглядываясь в мутные дагерты и поминутно чихая от бумажной пыли. Насколько же проще было бы прогнать всю эту кипу старой бумаги через аналитико-прогнозирующий автоматон Беббиджа, нашу милую Дороти — «одоротичить», как сказала бы мисс Хадсон. Честно говоря, меня иногда коробит от сленга нашей милой суфражистки, но... так сейчас принято. Приходится делать вид, что не замечаешь, — если не хочешь выслушать гневную тираду о замшелых маразматиках, готовых на века законсервировать и покрыть плесенью великий и могучий английский язык.

Перемены неизбежны, и остаётся лишь утешать себя, что не все они к худшему. Тем более, что просмотр газет вручную — это действительно крайне утомительное, скучное и раздражающее занятие.

Но более всего меня раздражало то, что я никак не мог отделаться от сложившейся ранее



предвзятости, испытывая по отношению к попавшему в щекотливую ситуацию сэру Ричарду скорее злорадство, нежели сочувствие. И раздражение моё лишь усиливалось от того обстоятельства, что я искренне восхищался личностными качествами этого человека, его честностью, упорством, целеустремлённостью, неукротимостью и верностью принципам. Другое дело, что принципы известного парламентария настолько далеко отстояли от моих собственных, насколько это вообще возможно.

Дело в том, что сэр Ричард был лидером партии гуманистов, в наши дни уже растерявшей былое величие и скатившейся до уровня одиозного клуба пожилых безобидных джентльменов, но тогда, в послевоенные годы, бывшей одной из самых многочисленных партий конгресса и имевшей мощное лобби в палате лордов. Их основной лозунг — «Земля для людей!» — не мог не найти отклика в сердцах простых британских обывателей, только что переживших ужасы марсианского Нашествия и с трудом оправляющихся от последствий вызванной им Великой Войны. Забегая вперёд, порадуюсь тому, что их билль об уничтожении alienских резерваций и выдворении марсиан, а также моро- и некрограждан за пределы нашей планеты так и не был принят даже в первом чтении; всё же среди парламентариев нашлось достаточно здравомыслящих людей, настроенных если и не проалиенски, то хотя бы не настолько радикально. И я горд, что примером для лондонцев служили члены королевской семьи. Несмотря на усилившуюся во время войны ксенофобию, ключевым фактором отбора гвардейцев в королевскую гвардию — почётнейшую роту Империи! — стала принадлежность



претендентов к львиноглавым, урождённым или же подвергнутым мородификации. И всё благодаря Георгу Пятому, который не только утвердил это положение, но и продавил через сенат закон о так называемом «водном патруле».

Сегодня, когда сухопутные спруты, прошедшие частичное или полное мороформирование, работают на заводах и в офисах, на фермах и в школах, в брокерских конторах и государственных банках и даже водят космические корабли — никого уже не удивляют их немодифицированные соплеменники, вот уже второе десятилетие с успехом несущие патрульную службу в тёмных водах Темзы. Да и чему тут удивляться? Ведь древнюю марсианскую расу отделяет от водного образа жизни намного меньшее количество поколений, чем хомо сапиенса, и им куда проще вернуться к пребыванию в первозданной стихии. Что тут говорить, если даже жабры у них ещё не полностью атрофированы! По астрономическим меркам Марс пересох буквально вчера, вынудив своих обитателей приспособляться к новому образу жизни, а подземные моря там до сих пор вполне сохранились и довольно обширны, что позволило аборигенам при переходе к наземному существованию не утратить органы, благополучно отброшенные человечеством в ходе эволюции. К тому же под водой спруты способны развивать скорость, недоступную человеку без специальных и довольно громоздких приспособлений. Так кому же, как не восьмирукому спасателю проще подхватить и доставить на берег ребёнка, свалившегося за борт во время лодочной прогулки, или спасти жизнь пьянчужке, перепутавшему перила лондонского моста с оградой собственного дома, в которой он никак не может найти калитку?



Сейчас это кажется вполне естественным. И, наверное, вряд ли кто поверит, что в тот день, когда Его Величество впервые объявил о создании при Скотланд-Ярде особого речного патруля, Лондон оказался буквально на грани мятежа, и будь уважение моих соотечественников к своему суверену чуть меньшим — нам бы наверняка не удалось миновать кровавых беспорядков.

Но я отвлѣкся, рассуждая о том, о чём моим читателям и без меня отлично известно из школьного курса новейшей истории. Я же собирался рассказать о событиях, доселе неизвестных никому, кроме ограниченного круга людей, принимавших в происшедшем непосредственное участие.

Итак, три или четыре дня я занимался собственными изысканиями в старых газетах, гадая, где пропадает знаменитый детектив, пока наконец посыльный мальчишка не принѣс на Бейкер-стрит записку, адресованную мне и подписанную размашистыми инициалами Ш.Х. В те годы нам приходилось пользоваться именно таким крайне ненадёжным видом связи, ибо домашние телеграфы только-только начали появляться и стоили крайне дорого, а о мобильных наручных или карманных моделях и речи не было. В записке, которую я развернул с понятным нетерпением, мне предписывалось прибыть в клуб библиофилов «Васткофий» немедленно, форма одежды парадная. Надо ли уточнять, что я с солдатской стремительностью привѣл себя в порядок и поспешил по знакомому с довоенных времён адресу, не переставая удивляться, насколько оригинальны и прихотливы бывают предпочтения моего знаменитого друга и радуясь, что на этот раз мне предстоит визит в мирный приют книголюбов, а не, допустим, какую-нибудь весьма подозрительную



опиумокурильню или еще более гнусный вертеп лондонского дна.

Интерьер клуба библиофилов ничуть не изменился с тех пор, как я коротал здесь время между лекциями и практическими занятиями в прозекторской в далёкие студенческие времена. Всё те же высокие шкафы, на полках которых теснятся старинные фолианты в соседстве с более современными справочниками, всё те же толстенные газетные подшивки на столах, по размеру напоминающие могильные плиты.

В этот час в клубе было немногочленно. Всего лишь двое студентов, вполголоса спорящих над изрядно потрепанным альбомом Босха, и непонятно как затесавшийся сюда матросик, мрачно буравящий взглядом страницы раскрытого перед ним толстого тома, судя по цвету переплёта и размеру — кого-то из новых философов. Я пристроился за угловым столиком, делая вид, что просматриваю прошлогоднюю подшивку «Ньюс». Сел я так, чтобы видеть матросика, ибо он сразу же привлёк моё внимание. Одутловатое лицо его заросло рыжей щетиной, маленькие глазки прятались под густыми бровями, квадратная нижняя челюсть утопала в грязном шарфе, крупные руки вцепились в книгу так, словно это было горло врага. Ничто в его облике не напоминало внешность моего друга, но это и было самым подозрительным — ибо мне как никому другому было известно о его мастерстве перевоплощения. Если добавить к этому, что взгляд матроса был направлен, скорее, не на печатную страницу, а внутрь себя, то мои подозрения обретали ещё больший вес...

— Пунктуальность — вежливость королей, — раздался у меня за плечом знакомый чуть



язвительный голос. — Уж не метите ли вы на престол, мой друг?

Оглянувшись, я увидел одного из студентов. Зелёный берет со значком Нью-Гарварда, длинные волосы собраны сзади в хвост, щёгольские усики, очки в золочёной оправе вместо привычных гоголов, полувоенный френч вместо входящей в моду тёмно-вишнёвой крылатки, в остальном же и лицо и фигура остались совершенно без изменений, даже странно, как я мог скользнуть взглядом — и не узнать?

— Холмс! Вы как всегда неподражаемы. А я думал, что тот матрос...

— Тимми? Он уже лет десять в отставке, списан по здоровью, но следит за собой. Он ждёт печенье. Традиция, Ватсон — в половине шестого всем любителям чтения подают горячий имбирный чай и бесплатную выпечку из соседней пекарни, ту, что осталась нераспроданной за день. Ещё с прошлого века повелось. А Тимми поначалу даже читать не умел, но чего не сделаешь ради бесплатных булочек! Теперь вот втянулся. Терпеть не может романы и беллетристику, читает исключительно то, что называет «книгами для мозгов». У нас вчера состоялся прелюбопытнейший спор о количественной взаимозависимости воззрений Платона с экономико-теософской доктриной Маркса. Впрочем, я вызвал вас не для того, чтобы вести философские споры.

— Я полностью в вашем распоряжении, Холмс! Вам уже удалось что-то выяснить о шантажистах? Как продвигается расследование?

— Тсс, Ватсон! Ни слова о делах в такой дивный вечер! Тем более, что нам предстоит свидание. Две очаровательные девушки ждут нас в кофейне на углу, так не будем же медлить!



— Свидание?! Но, Холмс!..

Однако спорить и удивляться было некогда — мой друг уже стремительно двигался к выходу из клуба, и мне пришлось поспешить вслед, чтобы не отстать.

\*\*\*

К моему ужасу, девушки действительно оказались вполне симпатичными. Рыженькая пухлая хохотушка и темноволосая молчаливая скромница, очаровательно покрасневшая при знакомстве. Звали их Розы и Джози, но я так разволновался, что не запомнил кто из них кто, да и вряд ли это были настоящие имена. Рыженькая сразу же по-хозяйски ухватила Холмса за локоток и на мою долю осталось развлекать её молчаливую подружку. Боюсь, я в тот вечер мало соответствовал возложенной на меня миссии, ибо совершенно не понимал, о чём можно говорить с молоденькой девушкой. После смерти моей дорогой Мэри я избегал женского общества, в последние же годы так и вообще из особ противоположного пола меня окружали лишь медсестры да лаборантки, общение с которыми сводилось к подай-принеси и диктовке записей проводимого эксперимента. Но разговоривать с девушкой на вечерней прогулке о благотворном влиянии формалина на мёртвые ткани мне показалось несколько неуместным. Хорошо, что её подружка трещала не умолкая и не требуя ответов, с нас же довольно было одобрительных междометий.

Так мы прошлись по тёмным аллеям на юг через Ридженс-парк, параллельно Глостер-плейс, мимо музея восковых фигур мадам Тюссо, не работающего по причине вечернего времени, и



я было подумал, что Шерлок Холмс решил привести девушек к нам на Бейкер-стрит, и даже заволновался — как посмотрит на подобную вольность нынешняя домовладелица? Но тут мой друг как раз решительно свернул на Уитгер-роуд и мы окончательно покинули район Мэриленда. Освещение сделалось ярче, дома выше, а толпа на улицах многочисленнее — мы приближались к деловым кварталам, куда после уничтожения Сити переместилась вечерняя активность лондонского бомонда.

Я основательно продрог и, возможно, из-за этого несколько осмелел, поощряемый одобрительным молчанием темноволосой спутницы. Во всяком случае, я поведал ей несколько военных историй, как из собственного опыта, так и совершенно фантастических — в том числе, конечно же, про мушкет и тигрёнка, эта история всегда действовала на девушек правильным образом, особенно если сделать вид, что очень смущён и в рассказе поменять местами тигрёнка с мушкетом. Девушка молчала одобрительно и лишь сильнее сжимала мою руку. Окончательно осмелев, я перешёл к совсем уж невероятным приключениям из жизни тайного агента с тремя нулями в секретном имени, невероятные похождения которого во время Великой Войны и Нашествия, ныне широко известные почтенной публике, я тогда как раз только-только начинал придумывать. Кажется, я немного увлёкся, что простительно сочинителю при наличии благожелательной аудитории, пусть даже и из одной единственной слушательницы.

Неожиданно оказалось, что мы пришли к дому, в котором проживали девушки. Предполагая, что мы сейчас распрощаемся и уйдём, я терялся в догадках, зачем моему другу понадобилась эта



пешая прогулка. Но вместо прощания рыженькая о чём-то пошушукалась с привратником, после чего тот удалился в свою каморку, усмехаясь в седые усы, а девушки, сдавленно хихикая и постоянно призывая соблюдать тишину, провели нас узкими тёмными коридорами в свою квартиру. Не успел я опомниться, как мы уже сидели на довольно неудобном диванчике в крохотной комнате, которая, судя по интерьеру, совмещала у девушек гостиную с чем-то вроде кухни. Рыженькая зажгла газовое освещение и поставила чайник на маленькую плитку, после чего уселась боком на стул и закинула ногу на ногу. Помню, меня страшно смущала её юбка, укороченная до самого неприличия по моде тех лет и оставляющая икры бесстыдно неприкрытыми чуть ли не на две трети. Впрочем, ничего не могу сказать — икры были хороши!

Мягкий звон хрусталя заставил меня оторвать взгляд от столь волнительного зрелища и обернуться. Моя темноволосая спутница, молча улыбаясь, расставляла на столике бокалы и чашки. Её взгляд мерцал так обещающе, что любой другой на моём месте непременно бы воспарил. Я же испытал лишь лёгкое сожаление — увы, война слишком сильно меня изменила, и если девушка надеется на романтическое завершение вечера, её ожидает жестокое разочарование.

— Грог! — воскликнул Холмс, хохотнув. — Горячий грог! Вот что необходимо по такой погоде, чтобы не простыть!

И выставил на стол большую бутылку красного вина. Темноволосая улыбнулась теперь уже ему, нарезая лимон тонкими дольками. Откуда-то появилась кастрюлька и баночки с приправами. Холмс тут же принялся колдовать над парившей смесью, прогнав



девушек заваривать чай, по кухне поплыл одуряющий аромат горячего вина с мёдом и специями, и вот мы уже уютно сидим на диване, согревая руки о чашки с живительным напитком.

— На брудершафт! За знакомство!

Темноволосая девушка как-то неожиданно оказалась рядом со мной на узком диванчике. Я бросил отчаянный взгляд на Холмса, но тот уже вовсю целовался с рыженькой и помочь мне ничем не мог. Помню, я тогда впервые почувствовал себя глубоким стариком. И это меня почти разозлило. Помню, как подумал — какого чёрта? Нравы после войны упростились, пора привыкать. Ну и ладно. Ничего ведь страшного не произойдёт, если мы просто поцелуемся...

Её тёплые губы были сладкими и пахли грогом. Я принялся. Перегретый сок тёмного винограда, тёплая струйка гречишного мёда, колкая нотка гвоздики и душистого перца, горечь миндального ореха и корицы. А это что? Кордамон? Хм... вроде бы нет.

Сделав большой глоток, я оценил послевкусие — и не заметил, как выпил всю чашку. Грог оказался довольно крепким и непривычно терпким, но приятным. И я уже хотел вслух восхититься многогранными талантами Холмса, но тут сидевшая рядом со мной темноволосая девушка вдруг глубоко вздохнула, привстала и навалилась на меня всем телом. Лицо моё при этом уткнулось в нечто мягкое и полукруглое, одуряющее пахнущее и тёплое, а нос как раз попал в восхитительную ложбинку между, и на какое-то время я сильно отвлёкся от окружающей действительности.

Пока вдруг не сообразил, что столь темпераментная поначалу девушка теперь вовсе не проявляет ответной заинтересованности.



Нет, конечно, я всё понимаю, леди не должна шевелиться, но не до такой же степени! К тому же обе наши приятельницы — девушки явно простые, как по нраву, так и по сословию, в лучшем случае — горничные, но уж никак не леди. Выбравшись из-под обмякшего женского тела, я развернул девушку к себе лицом. Она не сопротивлялась, но и не помогала, будучи безвольной, словно тряпичная кукла. Рот полуоткрыт, глаза закатились. Обморок? Но что явилось причиной? Машинально нащупав тонкую жилку на шее, я сосчитал пульс. Хорошего наполнения, сорок два удара в минуту. Пульс спокойно спящего человека. Но с какой вдруг стати...

— Помогите мне, Ватсон!

Подняв голову, я увидел, что Холмс подхватил под мышки рыженькую, бессильно откинувшуюся на стуле, и потащил её к двери. Не той, через которую мы вошли, а расположенной рядом с диваном и прикрытой розовой бархатной портьерой с рюшами и оборками. Подхватив на руки свою бессознательную спутницу, я поспешил за ним, надеясь, что мой друг знает, что делает.

В комнате за портьерой обнаружилась спальня. Две кровати, небрежно застеленные лоскутными покрывалами, и пикантные детали женского туалета, разбросанные с великолепным презрением к порядку и скромности по всем подходящим и неподходящим предметам мебели — трюмо, комоду и парным креслам у окна. Холмс пристроил свою ношу на ближней к входу кровати и начал сноровисто освобождать её от верхней одежды. Я замер, шокированный, не в силах сделать ни шага. Только смотрел, как знаменитый детектив ловко вылуцивает драгоценное ядрышко женского тела из многослойной шелухи одежд, проявляя



при этом поразительную осведомлённость в устройстве дамского гардероба.

С тихим шорохом скользнули на пол верхние юбки, поверх упал пояс для чулок, а стремительные пальцы Холмса уже колдуют над таинством корсетных завязок — и вот на свет божий выкапываются два восхитительных перламутровых яблочка, чуть подрагивая наливными бочками и топорща винные ягодки сосков. Холмс посмотрел на яблочки одобрительным взглядом знатока, чуть улыбаясь, и мне показалось... его взгляд тем временем скользнул выше, вдоль изящной ключицы и узкого покатоного плечика, к тонкой девичьей шее. Кожа у рыженькой была ослепительно белой, как и у всех рыжих, и очень тонкой. Даже мне было отчётливо видно, как подрагивает под нею синяя жилка артерии — ритмично и мерно, словно гипнотизируя. Холмс стоял ко мне в профиль, и этот профиль вдруг резко перестал мне нравиться. Особенно взгляд — задумчивый и отстранённый.

— Холмс!

Он вздрогнул, приходя в себя. Обернулся, за смущённым смешком и торопливой суетой пряча чёрную бездонность зрачков, расширившихся чуть ли не во всю радужку:

— Ну что вы стоите, Ватсон? Девушку надо раздеть! Всё должно выглядеть естественно, понимаете? Давайте же её сюда! Давайте, давайте, не бойтесь, я не собираюсь грабить колыбели. Да отпустите же вы её, наконец!

В четыре руки мы довольно быстро раздели мою спутницу. Она дышала глубоко и часто, щёки её покраснелись, глаза под веками находились в непрерывном движении — сон перешёл в активную фазу.

— Что было в вине, Холмс?



— В вине? Ровным счётом ничего, кроме вина! — мой друг хрипло рассмеялся, выпрямляясь, и тут же добавил. — Всё дело в специях. И одной чудесной тибетской травке... Её название в переводе на английский звучит как «ночь счастья». Девушки проспят до утра, хорошо выспятся, но при этом будут убеждены, что всю ночь напролёт участвовали в самой восхитительной оргии, которую только можно представить.

Тут вдруг рыженькая застонала, резко и отчаянно, заскрипела зубами, выгибаясь всем телом. Врач во мне рефлексивно обеспокоился:

— Ей плохо?!

Холмс посмотрел на меня с каким-то странным выражением.

— Ей хорошо. Но нам пора...

Тут рыженькая снова застонала, прерывисто и с таким наслаждением, что я покраснел бы, если бы мог. Ей откликнулась темноволосая, хрипло, гортанно, на вдохе — и я поспешил вслед за другом покинуть спальную комнату, подгоняемый всё учащающимися парными стенами.

— Это дом Честерлеев.

Я полулежал в старом кресле с подранной обшивкой и боролся со сном — длительная пешая прогулка, горячий грог и удобная поза не располагали к излишней бодрости. Холмс пристроился на подставке для зонтиков — я бы сказал, угнезвился, — сделавшись ещё более обычного похожим на хищную птицу, и чувствовал себя, похоже, вполне уютно. Подозреваю, мой друг заранее присмотрел для наших целей этот чуланчик у лестницы, потому что провёл меня к нему уверенно и напрямик, не рыская и не плутая.



— Их городская резиденция. С утра сэръ Ричард был здесь, я это знаю точно.

Не сказать, чтобы я был особо удивлён — наверное, ожидал чего-то подобного.

— Ему были доставлены кое-какие бумаги. Утром, по моей просьбе. Он с ними ознакомился, не мог не ознакомиться, в этом я уверен, но вот встретиться со мною после этого не захотел. И никуда не выходил, хотя должен был присутствовать в министерстве, за ним дважды присылали курьера. Я отправил ему визитку с просьбой о немедленной встрече, но он снова отказался меня принять. Меня! Шерлока Холмса! Ну уж нет... если я собрался с кем-то серьёзно поговорить — я поговорю, будьте уверены. Пришлось задействовать дополнительный план, горничную Бетти. Или Кетти? Вечно путаю их имена... ах, эти горничные! Что бы мы без них делали, а, Ватсон? Кстати, а как продвигается ваше собственное расследование? Признайтесь, копались в старых газетах? То-то миссис Гринуэй жаловалась на пропажу растопки... У нас как раз есть полчаса чтобы обменяться информацией: слуги покинут верхний этаж ровно в девять, и тогда можно будет беспрепятственно нанести визит нашему старому доброму сэру Ричарду, а пока лучше переждать. У вас зоркий глаз и отличная память, не скромничайте, Ватсон! Так что вы нарыли в старых газетах?

Польщённый доверием знаменитого детектива, я постарался как можно точнее воспроизвести наиболее важные из запомнившихся статей:

— Журналисты называют Уильяма «молодым Честерлеем», но это, скорее, дань его вызывающему поведению и манере одеваться, ведь на самом-то деле он не так уж и молод, родился ещё до Нашествия. Единственный сын Роджера



Честерлея, младшего брата сэра Ричарда, и Эленоры Честерлей, в девичестве Престон. Мать умерла родами, отец погиб во время отражения нашествия марсиан, Уильяму тогда было три года. Воспитан дядей, бездетным вдовцом. Закончил Иствуд, но особого рвения к наукам не выказывал. До войны ни в чём предосудительном замечен не был, так, обычные студенческие шалости. Любил лошадей и спорт, но умеренно, не азартен и не честолюбив, хотя дядя, похоже, считал его своим наследником не только в имущественном отношении и всячески пытался приобщить к политике. Член партии гуманистов с десятого года, до войны активно участвовал в акциях наиболее агрессивно настроенного её крыла. Перед самым началом войны женился на Луизе Аддингтон, в свадебное путешествие молодые собирались в Австралию, но улететь не успели. Ушёл на фронт добровольцем. О военной карьере Уильяма я ничего не нашёл. Кроме единственной уже послевоенной дагеррографии над передовицей «Ньюз» о чествовании героев. В той статье об Уильяме было буквально две строчки: упоминалось, что вернулся с войны он в звании подполковника воздушного флота и будучи награждённым высшим британским орденом за проявленную в боях отвагу. И больше нигде ни слова о нём. Уж не знаю, чем миссис Гринуэй растапливает камин, но газеты у неё хранятся ещё с предвоенных времён в целостности и сохранности. Подборка, правда, ограниченная и неполная, но «Таймс», «Иллюстриред Лондон Ньюз», «Эхо» и даже «Полицейская газета» представлены довольно хорошо, я раскопал отдельные номера даже за восемьдесят девятый год. И обнаружил интересную закономерность: если в довоенных газетах дагеррографии как



дяди, так и племянника куда чаще украшают «Таймс» и «Ньюз», то в последние полгода картина совершенно иная. Оба солидных издания если и упоминают семейство Честерлеев, то говорят исключительно о сэре Ричарде, обходя его героя-племянника подозрительным молчанием. Но это молчание с лихвой компенсируют публикации в куда менее презентабельных листках. Вот уж где не скупилась на броские названия! «Лорд Р. выгнал наследника на улицу! Скандал в благородном семействе», «Дебош и сопротивление полиции. Нарушитель из высшего общества задержан, но выпущен под залог», «Попытка вандализма и поножовщина в Кенсингтонских садах. Кровавые подробности! Статуя Питера Пэна спасена! Барри благодарит полицию за своевременное...», «Беспорядки в баре «Красный лев», жертвы среди мирного населения! Среди зачинщиков — герой войны, чью фамилию...». Могу ещё долго перечислять, но суть понятна и так: вернувшийся с войны молодой герой пустился во все тяжкие. И настолько преуспел, что полный благородного негодования дядюшка был вынужден отказать ему от дома.

— Отлично, Ватсон! Вы как всегда сумели ухватить самую суть. Но пора переходить к выводам.

Голос Холмса звучал на редкость одобрительно и без привычной насмешки, и это придало мне смелости. Если ранее я излагал голые факты, никак их не оценивая, то теперь мне предстояло самому воспользоваться многократно виденным в действии методом дедукции.

— Мне кажется, Холмс, что гадать тут особо не о чем. Что бы ни совершил Уильям — оно было совершено именно в годы его военной службы, выпавшие из поля зрения газетчиков. До ухода на фронт он был обычным недавним студентом



и молодожёном, в меру добрым, в меру счастливым. А вернулся совершенно другим человеком, озлобленным на весь мир, исковерканным, способным лишь разрушать. Перед нами ещё одна жертва минувшей войны, хотя и не столь явная, как те, что захоронены на Хайгетском кладбище. Молодой человек попадает в чудовищную мясорубку, выдержать которую в силах не всякий взрослый, и вот результат. Он ломается. Под давлением обстоятельств или в минуту слабости совершает нечто, чего не в силах простить себе сам, несмотря на проявленную позже отвагу — не стоит забывать о «Пурпурном сердце». Может быть, и свой подвиг, за который был так высоко награждён, Уильям совершил всего лишь пытаюсь загладить то ужасное и непростительное. Но даже столь высокая оценка со стороны Короны оказалась неспособна до конца устранить память о ранее совершённом — ни в глазах самого Уильяма, ни тем более в глазах его дяди. Война упрощает многое, в том числе и причину для столь яростного неприятия — ею может быть лишь то или иное предательство или трусость, повлёкшие за собой смерть близких друзей, соратников или другие столь же чудовищные последствия. Разумеется, сэра Ричард меньше всего хотел бы, чтобы подобное пятно легло несмываемым позором на его единственного наследника. Персоны шантажистов менее очевидны — ясно только, что они каким-то образом связаны с молодым Честерлеем. Может быть, это его военные сослуживцы, бывшие очевидцами события. Но точно так же они могут быть и его нынешними собутыльниками, которым Уильям в алкогольном раскаянии и жажде поделиться хоть с кем-нибудь рассказал о случившемся. Как бы там ни было, искать их надо



в ближайшем окружении Уильяма, нынешнем или прежнем. Над чем вы смеётесь, Холмс? Я вроде бы не сказал ничего забавного!

— Извините, мой друг! Но меня всегда поражала ваша невероятная способность делать на редкость верные выводы на основании совершенно неверных предпосылок. В ближайшем окружении... о, да! Тут вы правы. В самом ближайшем. Газеты не писали о причине скандала в благородном семействе и, полагаю, неслучайно. Вы ошиблись — впрочем, как и газеты, — дядя не выгнал племянника. Сэр Ричард немолод, он мечтал о внуках, но вернувшийся к мирной жизни герой не собирался возвращаться ещё и к жене. Более того — он отказывался селиться с нею под одним кровом и не въезжал в дом дяди, пока молодая женщина его не покинула. Скандал постарались замять, Луиза поселилась в загородной усадьбе Честерлеев, в городе не появляется и вообще живёт собственной жизнью, но приличия соблюдены. Горничная полагает, что всё дело в учителе танцев, который давал её хозяйке по три урока в неделю последние полтора года, во время отсутствия хозяина. Эти горничные так романтичны, однако что бы мы без них делали? Не обо всём ведь пишут в газетах, даже самых скандальных. Впрочем, не расстраивайтесь, в самом начале рассказа вы были буквально на волосок от истины... О! Слышите? Хлопнула дверь вниз. Слуги покидают дом. Уже девять. Выждем ещё минуты три-четыре для припозднившихся... В этом доме слишком много слуг, не хотелось бы объясняться.

Я прислушался, но ничего не смог уловить. Впрочем, сомневаться в словах Холмса не приходилось — за прошедшие годы слух моего друга обострился до чрезвычайности. Однако меня в ту



минуту занимали мысли вовсе не о его органах чувств.

— Когда? Когда я был прав, Холмс? И в чём именно?

— Что? — он отвлёкся от двери, возле которой стоял, прислушиваясь, несколько последних минут. — А-а... ну, помните, в самом начале. Вы сказали тогда: «Вернулся совершенно иным человеком». Да, именно так вы и сказали, и добавили: «Как будто его подменили...» О! теперь и вы должны были услышать. Это старый Альберт, он всегда уходит последним и громко хлопает дверью. Теперь на этот этаж до утра никто не явится без вызова, в этом доме очень строгие нравы. Путь свободен. Идёмте же!

Путь действительно оказался свободен, нам никто не встретился — ни в огромной зале второго этажа, ни на двух лестницах, по одной из которых мы поднялись под самую крышу, а по второй спустились обратно на другой стороне дома, миновав анфиладу запутанных переходов. То ли дом Честерлеев проектировал архитектор не совсем в своём уме, то ли Холмс по какой-то лишь ему известной причине вёл меня кружным путём. На верхних этажах было пыльно и стоял такой крепкий дух используемых против насекомых благовоний, что я только огромным усилием воли удержался от громогласного чиханья. К счастью, мы довольно скоро покинули заброшенное и давно обезлюдившее предмансардье и спустились к цивилизации нижних уровней. Здесь лежащий на полу толстый пушистый ковёр был вполне приличным, в отличие от своего верхнего собрата, целиком состоявшего из пыли, и мы передвигались по нему совершенно бесшумно. Холмс решительно шёл вперёд по коридору, минуя плотно



закрытые двери, пока не остановился у одной, из-под которой пробивался тонкий лучик света.

Открыть её бесшумно не получилось — старые и давно не смазанные петли взвизгнули пронзительно, возмущённые нашим вторжением. У меня мелькнула мысль, что их должны были услышать и на первом этаже, но сидевший у камина дряхлый старик даже головы в нашу сторону не повернул, продолжая смотреть на огонь. Холмс вошёл в комнату, уже не скрываясь, с некоторой заминкой его примеру последовал и ваш покорный слуга.

Судя по книжным шкафам, массивному бюро у окна и заваленному бумагами письменному столу комната служила хозяину дома кабинетом. Висящая над тяжёлым столом тёмная люстра поначалу показалась мне странной, слишком легкомысленной, что ли, не вписывающейся в прочую обстановку — добротную, благородную и несколько тяжеловесную. Но, приглядевшись, я понял причину — люстра была не газовой, а питаемой электричеством, что позволяло заметно облегчить конструкцию, и её создатель, разумеется, не преминул воспользоваться подобной возможностью. Электричество, эта нестабильная и неэффективная, но очень эффектная и безумно дорогая новомодная игрушка, получало всё большее распространение в домах состоятельной знати, я был наслышан об этих диковинах, но даже и предположить не мог, что когда-нибудь и сам буду обитать в полностью электрифицированном жилище и даже привыкну к завораживающему немигающему свету стеклянных колб, заменивших привычные газовые рожки. Хотя, если быть точным, освещение по-прежнему осталось газовым — ведь светится именно наполняющий колбы газ, хотя и происходит это под воздействием электрического тока.



Как бы там ни было, сейчас люстра не горела, но в кабинете было довольно светло — свет исходил от ярко пылавшего камина. Полагаю, разожгли его не так давно, поскольку комната не успела прогреться. Сидевший у самого пламени старик зябко кутался в тёплый халат. Холмс остановился у стола, разглядывая лежавшую на нём папку и не подавая никаких намёков на то, что же мне делать далее. Больше в кабинете никого не было, и я снова вернулся взглядом к старику у камина.

Он был сед, дряхл и неопрятен, клочковатые волосы торчали неровными космами вокруг избородённого глубокими морщинами лица. Голова его глубоко ушла в закутанные халатом плечи, но даже несмотря на столь массивную подпорку, продолжала мелко дрожать. Мне сделалось любопытно, кто он такой? Бедный родственник-приживал? Особо доверенный слуга, которому из жалости позволили доживать свой идущий к закату век в доме, где он проработал всю жизнь, и даже разрешают промозглыми вечерами греться у камина в хозяйском кресле? Но почему тогда Холмс, не желавший встречаться со слугами, так спокоен и словно чего-то ждёт? С этим слугой он, похоже, не прочь не только встретиться, но и поговорить? Что именно может рассказать старый слуга, наверняка отлично помнящий события полувековой давности, но утром каждого сегодняшнего дня забывающий происшествия дня вчерашнего? Он, словно черепаха, греется у огня, втянув голову под защиту панциря халата.

В этот миг старик наконец заметил нас. Трясущаяся голова медленно выдвинулась из своего убежища, являя миру тонкую дряблую шею, что только усилило сходство с древней рептилией. Слезающиеся глаза уставились на Холмса почти



осмысленно, шевельнулись сухие бесцветные губы, задрожал морщинистый подбородок в седой неопрятной щетине.

— Вы были правы. Билли умер. А я, старый глупец, всё на что-то надеялся. Но вы были правы. Билли умер, и надежды нет.

Голос был подобен скрипу несмазанных дверных петель, но я всё равно узнал его. Не мог не узнать. И исходил этот жуткий мёртвый голос из сухих и бесцветных губ полумёртвого старика в кресле у камина. А значит, этот неопрятный старик, эта трясущаяся дряхлая развалина — не кто иной, как сэр Ричард. Хозяин дома. Конгрессмен, лидер партии гуманистов, Стальной Ричард, которого не сломали ни нашествие, ни война.

Холмс, не отвечая, наклонился к камину с папкой в руке, и так же молча бросил её в огонь. Я успел заметить знакомый гриф — «Совершенно секретно. Особый проект короны». Папка вспыхнула моментально, и стало ясно, что она пуста. Но, приглядевшись, я заметил в пламени тонкие серебристо-пепельные листы — слишком упорядоченные, чтобы быть просто древесной золой. Похоже, в камине только что жгли некие документы. И я не мог удержаться от мстительной мысли, что туда им самая и дорога, всем бумагам с грифом любого правительственного проекта из числа особых. С некоторых пор я не жду от подобных проектов ничего хорошего. Конечно, я несколько предвзят, ибо тесно был связан лишь с одним и не могу беспристрастно и точно судить обо всех прочих. Однако вряд ли остальные так уж сильно отличались в лучшую сторону от того, с которым я имел несчастье столкнуться гораздо ближе, чем хотелось бы — иначе зачем их так усиленно засекречивать?



— Я не из тех, кто наказывает вестника, доставившего скверные новости, — сэр Ричард вскинул голову и на какое-то мгновение стал разительно похож на себя прежнего, даже голос словно бы окреп и плечи расправились. — Но и на благодарность мою не рассчитывайте. Вам придётся довольствоваться сознанием собственной правоты. Вот и утешайтесь им. Если сможете...

В следующую минуту силы оставили его, плечи снова ссутулились, голос стих до невнятного старческого бормотанья.

—... Холодно... Нет, не из тех, бог свидетель... Бедный мой малыш... Я ведь сразу понял, что он погиб, тогда ещё. На войне. Мой бедный маленький Билли не вернулся с войны, вернулось чудовище. Оно сожрало моего Билли и притворялось им, оно обмануло всех, но меня-то не обмануть... Я сразу понял. Что же так холодно... слуги ленивы, опять воруют дрова... Страшно умирать, зная, что ты последний в роду, что больше никого... страшно. Я надеялся, что осталось хоть что-то — там, в глубине... Страшно терять последнюю надежду. Страшно и холодно... Он всегда спешил, мой бедный Билли. Что бы ему чуть-чуть задержаться... Знаете, — сказал он вдруг как-то доверительно и почти по-детски, заглядывая Холмсу в лицо снизу вверх, — а мне ведь никто не верил. Никто-никто. Пальцами у виска крутили. Я ведь сразу всё понял, только мне не верил никто. А теперь вот вы, с вашими секретами, а я ведь сразу понял...

Он захихикал, затрясся мелко и страшно, и непонятно было — то ли смеётся, то ли всхлипывает. Холмс взял стоявшую у камина кочергу и пошевелил ею дрова, тщательно перемешав пепел от папки и ранее сожжённых листов. Огонь вспыхнул ярче, подбирая уцелевшие клочки, и



теперь уже никакое самое тщательное исследование не сумело бы установить, что же именно жгли в камине сегодня вечером, кроме обычных дров. Убедившись, что сгоревшие бумаги не подлежат восстановлению, мой друг отвесил старику короткий уважительный поклон и молча вышел. Я поспешил за ним, а вслед нам неслось истеричное хихиканье, от которого наверняка встали бы дыбом волосы, если бы они у меня ещё оставались.

\*\*\*

Помню, в ту ночь я даже не пытался заснуть. Сидел у окна в гостиной, не зажигая газ, и всматривался в багровые отсветы рукотворного Пекла на гранях лондонской Кровли. Перед демобилизацией мне настоятельно советовали не удаляться от источника животворной радиации далее полумили, во всяком случае — в ближайшие два-три года, если я не хочу серьёзных проблем с самочувствием. Я тогда, помнится, прикинул, что расстояние до ближайшего к Бейкер-стрит атомного вулкана как раз почти укладывается в необходимые полмили, а для поддержания нужного эффекта достаточно будет раз в две недели совершать полуторачасовую прогулку.

Все мы исковерканы последней войной — кто-то больше, кто-то меньше. Незатронутых нет. И не всегда самые страшные чудовища отвратительны на вид, иногда они вполне привлекательны. Взять хотя бы тех же триффидов — изящные и грациозные создания, весьма полезные и достаточно симпатичные — если не принимать во внимание способ добывания пищи. Тот секретный проект, которым я руководил до демобилизации... ну, он, по крайней



мере, был честным проектом. Оружие массового поражения выглядело так, как и должно выглядеть подобное оружие — то есть, отвратительно и устрашающе, а не притворялось милым пасхальным кроликом, белым и пушистым. Сейчас в учебниках истории пишут, что именно массовое применение «бригад особого назначения» и решило исход войны. Восхищаются прозорливостью и решительностью Его Величества, столь точно определившего переломный момент и хладнокровно выжидавшего почти два года. Не знаю, может быть, историки и правы, со стороны всегда виднее. Мне же всегда казалось, что в задержке с введением уже сформированных бригад на поле боя не было никакого стратегического умысла, и что Его Величество просто не решался применить на практике наше ужасное изобретение, хорошо осознавая его последствия. Ведь даже мы сами, его родители, упорно продолжали надеяться, что наше детище так и останется оружием исключительно устрашения и ни у кого не хватит духу его применить. Мы были наивны, да. Чтобы устрашение работало, люди должны знать, чего им надобно бояться. А чтобы они узнали, нужен был пример. Человек так устроен, что не умеет бояться чего-то абстрактного. Ему нужна конкретика — наглядная и грубая, как римский водопровод. Нужен был кошмар Герники и Берлина, и заваленная обрубками тел Хиросима тоже была нужна. Мир должен был ужаснуться — и он ужаснулся.

Когда наше детище называли варварским и запретили к применению — облегчённо вздохнули все. В том числе и те, для кого подобный запрет означал жизнь в неизвестности и секретности, без



ветеранских льгот и заслуженной славы, почти что вне закона. Да, конечно, это несправедливо по отношению к ним, но лучше быть несправедливым к сильным, к тем, кто сможет эту несправедливость пережить. Так думал я в ту ночь — и до сих пор не уверен, был ли я тогда так уж не прав.

Когда мы покидали дом Честерлеев — через парадный вход, под удивлёнными взглядами слуг, — Холмс, прикрываясь моим именем, вызвал семейного врача к сэру Ричарду и передал ему рекомендации на предмет успокоительных и тонизирующих средств. Сам бы я, конечно же, никогда бы не позволил себе проявить столь вопиющее неуважение к коллеге, чем и возмутился — правда, мысленно. И в возмущении этом молчал всю обратную дорогу, ожидая от Холмса если не извинений, то хотя бы объяснений. Но ждал я напрасно — когда кэб подъехал к нашему дому, мне пришлось дважды окликнуть знаменитого детектива, поскольку всю обратную дорогу он, похоже, преспокойно проспал! Единственным объяснением, если, конечно, его можно счесть за таковое, послужила записка, написанная Холмсом сразу по возвращении прямо в холле на моих глазах. Не то чтобы я подсматривал, но ведь мой компаньон и не пытался скрыть её содержание, а я не обещал держать глаза закрытыми.

Записка была адресована Уильяму Честерлею и содержала просьбу посетить Бейкер-стрит, 221-б завтра в десять утра или же в любое удобное ему время. Мальчишка-посыльный принёс ответ довольно скоро, мы не успели закончить поздний ужин. Развернув его, Холмс удовлетворённо улыбнулся, кивнул и удалился к себе, бросив мне коротко:



— Завтра в десять будьте готовы, Ватсон.

И буквально через минуту после того, как за знаменитым детективом закрылась дверь, я услышал из его комнаты душераздирающие звуки терзаемой скрипки.

Надо ли говорить, что, несмотря на обиду, я все-рьёз отнёсся к словам моего друга? Тем более что никаких других записок на моих глазах он никуда не рассылал. Я, конечно, надеялся, что самонадеянность Холмса не дойдёт до полного игнорирования помощи Скотланд-Ярда, но предпочёл исходить из самых неблагоприятных предположений. Тем более что нашим противником на этот раз должен был стать тот, кого именовал чудовищем не кто иной как сэръ Ричард, известный честностью и прямоотой. А потому я тщательно проверил свой револьвер, перезарядил его и положил в карман халата. После чего устроился у окна и попытался высмотреть в темноте скверно освещённой улицы представителей нашей доблестной полиции, которые — я в этом почти не сомневался, — всё ж таки были своевременно оповещены и придут к нам на помощь при необходимости. Но как ни вглядывался я в полуночный мрак, так и не обнаружил никаких подозрительных прохожих. Хотя, возможно, полицейские придут ближе к утру, а пока мирно спят в своих кроватях, не всех же лишают покоя и сна мрачные воспоминания военных лет, как это произошло со мной.

Впрочем, не спал в нашем доме не я один. Скрипка давно смолкла, но из комнаты Холмса тянуло едкими ароматами, то довольно приятными, то исключительно тошнотворными, а около четырёх утра запахло палёным: я услышал хлопок и сдавленное ругательство — похоже, один из



химических экспериментов завершился не слишком удачно.

Ночь за окном постепенно выцветала, чернильная беспросветность уступала место серой промозглости. Позёвывая, прошёл фонарщик, гася уличное освещение. Остановился поболтать с булочником. Я разглядывал их с подозрением, пытаюсь понять — каждый ли день булочник открывает свою лавку в такую рань, или это что-то из ряда вон? И фонарщик — тот же он самый, что зажигал горелки уличных фонарей вчера вечером? И эти случайные прохожие — так ли уж они случайны? И не слишком ли подозрительно выпирает карман вон у того бродяги, что устроился перекусить прямо на крыльце соседнего дома? А этот кэбмен — не слишком ли медленно он едет?

— Доброе утро, Ватсон! Вы готовы к неожиданностям?

Я так увлёкся поисками ответов на самому себе задаваемые вопросы, что утреннее приветствие Холмса прозвучало для меня буквально громом небесным. Но не успел я ответить утвердительно и даже, возможно, слегка возмутиться высказанным в мой адрес сомнением, как снизу раздался пронзительный звонок, а потом скрип отворяемой двери, неразборчивые переговоры и, наконец, лёгкие стремительные шаги по ступеням лестницы, ведущей на второй этаж.

Вскочив с подоконника, на котором просидел большую часть ночи, я поспешил занять позицию с тем расчётом, чтобы оказаться у вошедшего за спиной, и заранее сунул руку в карман халата, нащупывая оружие. Холмс проводил меня странным взглядом, выражение которого я осмелился счесть одобрителем, чуть шевельнул бровью, но ничего не сказал.



Наш гость не выглядел чудовищем. Впрочем, я отлично помнил дагеррографии, а на них он тоже казался вполне симпатичным молодым человеком, спортивным и ловким, не более и не менее. Может быть, ухоженным излишне для военного, каковым он являлся в недавнем прошлом, но недостаточно для претензии на звание лондонского денди. Я ожидал чего-то подобного и был готов. А вот к чему я совершенно не был готов, так это к тому, что в мирном спокойствии лондонской гостиной мне снова доведётся увидеть ту самую еле уловимую и чрезвычайно редкую эманацию, которую не способен передать ни один дагеррограф и которую я надеялся более не увидеть уже никогда.

Молодой человек сильно нервничал — но это я заметил позже.

Холмс предпочёл сразу перейти к делу и выложил на стол перед гостем чек с тем видом, с которым удачливый игрок в карты выкладывает на ломберный столик флешь-рояль.

— Несколько дней назад ваш дядя поручил мне уладить одно деликатное семейное дело, — сказал он довольно холодно, разглядывая нашего гостя. — Мне было поручено заплатить шантажисту всю требуемую сумму в обмен на обещание с его стороны в течение ближайших двух месяцев не обнародовать определённые факты вашей биографии. Так как после первой присланной по почте угрозы шантажист более никак не проявлял себя, мне пришлось дополнительно провести некие действия по установлению его личности, чтобы не ошибиться при вручении суммы. Счастлив вам сообщить, что розыск был завершён успешно. Чек ваш. Можете забирать.

— Что вы такое говорите?! — воскликнул было молодой человек, но тут же осёкся и замолчал,



окончательно тушуясь под пристальным взглядом Холмса. На протяжении всей речи знаменитого детектива я с жадным любопытством рассматривал нашего гостя. Он не умел скрывать своих чувств совершенно: то краснел как маков цвет, то бледнел до полуобморочной синевы, то порывался вскочить, то снова обессиленно падал на кресло. Попытавшись было машинально взять чек, он тут же отдернул руку, словно обжёгшись, и теперь с одинаковыми отчаянием и ужасом смотрел то на моего компаньона, то на этот чек, лежавший на столике между ними. Словно узкий листок бумаги был змеей, готовой в любую секунду стремительным броском атаковать несчастного и вонзить в него ядовитое жало. Какие яркие эмоции, какая экспрессия! К тому же — волосы... густые, курчавые, зачёсанные волной назад по молодёжной моде и совершенно естественные. Эти роскошные кудри и сами по себе внушали мне сильные сомнения, а уж в сочетании со щегольскими усиками... нет, это не может быть парик, я же вижу отдельные волоски. Неужели первое впечатление оказалось обманчивым? Я пригляделся внимательнее и убедился, что некроэманация никуда не делась. Не могу описать, как это выглядит — словно бы лёгкое свечение или чуть иной оттенок кожи, не присущий никому из живых.

Ошибки не было. Уильям Честерлей был мёртв. Вот уже — я пригляделся к насыщенности оттенка — как минимум, три года. Но скорее все пять.

А я-то ещё голову ломал, почему вдруг в воздушном-то флоте — и лейтенант колонель, подполковник, а не командир крыла, что было бы куда естественнее. Всё правильно: хотя особые бригады и приписаны к воздушному флоту Её Величества, но чины там сохранились пехотные.

Особые бригады.



Оружие массового поражения, самый чудовищный ужас минувшей войны, бригады безжалостных и великолепно тренированных живых мертвецов. Высший генералитет кайзера предпочёл покончить с собой чуть ли не полным составом, когда стало известно, что на Берлин сброшено две бригады, а ведь в каждой бригаде было всего лишь по шесть неживых единиц.

Но как далеко, однако, шагнула наука! Первые экземпляры выглядели совершенно иначе, их никто и никогда не мог бы принять за живых людей. Лысые, с грубой кожей и ограниченной мимикой, они и по виду куда более напоминали настоящее оружие, когда эстетика приносится в жертву целесообразности и во главу угла ставится неуязвимость. Они внушали ужас и омерзение одним своим видом. По сравнению с ними Уильям Честерлей выглядел как арабский скакун, прекрасный, тонконогий и нервный, рядом с битюгами-тяжеловозами, к тому же ещё и закованными в уродливую боевую броню. Но при этом он наверняка был ничуть не менее опасен чем те, самые первые, страшные даже на вид. Скорее наоборот — вряд ли Питер работал над усовершенствованием лишь внешних характеристик. Интересно, остановят ли столь совершенную модель разрывные бронебойные пули, которыми заряжен мой револьвер? Или же для задержания столь грозного противника следует сразу задействовать скрытые возможности моей механистической правой руки? Пули из твёрдого кислорода — страшная штука, против них не устоит никакая защита. Но как же жаль уничтожать такую красоту! Я поймал себя на мысли, что люблю наш гостем, как мог бы любоваться, к примеру, коралловым аспидом, самой ядовитой гадиной планеты, но



при этом прекрасной до изумления. Надеюсь, он не сделает какую-нибудь глупость, ибо мне бы очень не хотелось применять многоствольную картечницу Гатлинга. Не потому, что в помещении это может быть смертельно опасно, хотя в этом и есть свой резон. Просто если бы в невообразимо мирной довоенной дали мы с моим коллегой Питером не увлеклись бы концепцией — О! исключительно умозрительной! — идеального солдата и не пришли бы к выводу, что таковой солдат должен быть обязательно мёртвым, ибо лишь мёртвого невозможно убить — может быть, тогда не было бы залитых кровью развалин Берлина и выжженной Герники, мёртвых руин Касабланки и заваленной обрубками тел Хиросимы? Или хотя бы я не чувствовал бы каждый раз острого стыда за своих детей — а они ведь действительно были нашими с Питером детьми, те, самые первые, уродливые и безжалостные.

Я сбежал из проекта. На передовую, да, но всё равно — сбежал. Не смог вынести чудовищного груза ответственности. А Питер остался. И другие тоже. И они доработали методику, а, может быть, сумели создать более удачную сыворотку, причём ещё тогда, в самом начале войны. И если бы я так старательно не отгораживался от всего, связанного с особыми проектами, я бы знал об этом.

— Можете не волноваться, молодой человек, — продолжил меж тем Холмс, рассматривая нашего гостя с интересом энтомолога, обнаружившего новую разновидность личинки и собирающегося украсить ею свою коллекцию. — Вашего дядю совершенно не интересовала личность шантажиста. Интересно, кстати: а почему? Может быть, он догадывался? Или даже был уверен? Впрочем, сейчас это уже не важно. А важно, что



он настаивал на полной конфиденциальности и обращаться в полицию не намерен. Я же — лицо частное, и хотя порой сотрудничаю со Скотланд-Ярдом, но не в этом случае. Я поздравляю вас с чистой победой, юноша, вы всё прекрасно рассчитали и нанесли удар в самый удачный момент, профессор Мориарти — и тот, пожалуй, не смог бы создать более изощрённого плана. Дело ведь не только и не столько в деньгах, правда? Ну конечно же не в деньгах! Что такое деньги? Фикция. Другое дело — свобода от ежедневных нотаций выживших из ума дряхлых маразматиков. В последнее время вы часто ссорились с дядей, и это понятно. Сэр Ричард сделался просто несносен, обращался с вами точно с ребёнком, отданным ему на попечение и воспитание, не желал слушать никаких разумных доводов. Что же вам оставалось делать? Вас можно понять. Старому зануде стоило преподнести хороший урок. Вам не откажешь в стратегическом мышлении, время удара рассчитано мастерски! Именно сейчас, когда вот-вот будет подан на утверждение разработанный партией гуманистов законопроект, её лидер не мог допустить огласки некоторых нюансов вашей военной карьеры. Bravo, юноша! Ваш тонкий расчёт полностью оправдался! Представляю реакцию прессы, если бы ей стало известно, что родной племянник сэра Ричарда — один из тех самых недолюдей, удаления которых с нашей планеты как раз и должен был потребовать от короны пресловутый билль его партии. О какой чистоте человеческой расы в таком случае вообще может идти речь? Да над ними бы смеялась вся Британия! Поздравляю вас, юноша, ловкий ход. Полная свобода и весьма приятная сумма чеком на предъявителя — о чём ещё можно мечтать?



— Всё было совсем не так, — возразил Уильям Честерлей очень тихо. Его бледное лицо выглядело совсем больным, но голос звучал твёрдо. — Вы говорите ужасные вещи. Но я не могу их опровергнуть — они логичны. Именно так все и будут думать. Вы же подумали. Вот и остальные тоже будут. А ведь на самом деле всё было совсем не так...

— А как? — спросил Холмс вкрадчиво.

— Я надеялся, он взбесится. И можно будет больше не врать. Он никогда не платил шантажистам, понимаете? Принцип. Я не хотел делать тайны, но дядя Дик... он так просил... ему было важно. Бедная Луиза, она ведь до сих пор ничего не знает, думает, у меня просто Берлинский синдром. Надеется. Я должен был, хотя бы ради неё, понимаете? Постоянно следить за каждым жестом и словом — это так утомительно... Дядя Дик — он очень упрямый, он отказался поверить в то, что это необратимо. Искал средства. Знали бы вы, каких только эскулапов он ко мне не приводил! А когда один из них проболтался, что я способен иметь потомство, стало и совсем скверно. Дядя словно обезумел, всё твердил о долге перед родом. Ничего не желал слушать. А я не мог. Не мог, понимаете? Нам ведь показывали, что рождается от таких, как мы... Даже если бы не подписка, я ни за что не обрушил бы на бедную Луизу подобный ад. Вот тогда я и подумал: как было бы здорово, если бы кто-нибудь из докторов проболтался журналистам. Или если бы те сами разнюхали... Но потом понял, что это было бы нехорошо. Дядя Дик ведь не злой, он просто упрямый. Каково ему будет прочитать в таблоиде... И тогда я придумал план, показавшийся мне великолепным. Дядя Дик должен был сам выпустить меня



из шкафа. Я специально такое письмо составил, оскорбительное, чтобы наверняка, и сумму затребовал совсем уж несуразную, которую ему и за месяц не собрать. Он бы взбесился и объявил обо мне — но так и тогда, когда ему самому удобнее. А он...

— Он заплатил.

— Да. Вот ведь ужас-то... И что же мне теперь делать?

Холмс молчал, а молодой человек выглядел настолько потеряннным, что я решился:

— А почему бы вам самому не выйти из шкафа?

Они оба обернулись ко мне с одинаковым удивлением на лицах. Разница была разве что в выраженности — Уильям Честерлей совершенно не умел скрывать своих эмоций, а раскрытых чуть шире обычного глаз Холмса не заметил бы ни один посторонний человек. Уильям же поначалу смотрел на меня с растерянным недоумением — кажется, он вообще только что заметил моё присутствие. Но вдруг он нахмурился, вглядываясь пристальней. В следующую секунду он уставился на меня широко открытыми глазами с жадным любопытством, очень похожим на моё собственное несколькими минутами ранее. Мне пришлось продолжить:

— Вы же не маленький ребёнок, чтобы вас выводили за ручку. Герою войны и ветерану спец-бригады, прошедшему через настоящий ад, не к лицу пасовать перед житейскими трудностями. Что мешает вам просто встать и сказать правду?

Мне показалось, что в его глазах читается встречный вопрос. Но произнести его вслух Уильям не успел — вмешался Холмс:

— Герой войны и её же жертва — это лишь одна сторона медали. Нельзя забывать и о другой:



молодой аристократ со скандальной репутацией, любимец бомонда и жёлтой прессы. Взрывоопасное сочетание, не правда ли, доктор? За таким пойдут. Более того — к такому прислушаются. Ну и деньги, конечно же. Финансовое обеспечение начального этапа — камень преткновения для любой партии, а у вас вместо камня на дороге имеется неплохой трамплин.

— Что вы имеете в виду? — Уильям развернулся к моему другу, начисто забыв про незаданный вопрос. — Какая партия?

— Ваша, молодой человек. Та самая, которую вы организуете вместе со своими коллегами и друзьями-ветеранами на средства, так кстати оказавшиеся в вашем распоряжении. Партия людей Зет, Икс или Игрек, а, может быть, и шире — партия разума, собирающая под свои знамёна всех разумных, независимо от их внешнего вида и уровня витализации. Над названием вы, надеюсь, подумаете как следует, название — очень важная деталь.

— Вы полагаете?

— Безусловно. Вы же служили в Воздушном флоте и не могли не слышать поговорки о том, что любой дирижабль летает так, как вы его называли!

— Да, конечно... но я не о том. Вы полагаете, такая партия... она действительно может оказаться нужна?

— Вне всякого сомнения. Скажу вам даже больше, молодой человек — если вы пожелаете баллотироваться в палату пэров и обратитесь за поддержкой, то будете приятно удивлены. Только обращайтесь на самый верх. В случае каких-либо трудностей советую вам телеграфировать сразу вот по этому номеру, — поверх чека на столик легла визитка. Я узнал её — такими чёрными с серебром карточками пользовался Майкрофт



Холмс. Похоже, новорождённой партии действительно не о чем беспокоиться.

Молодой человек покинул нашу квартиру в самом решительном состоянии духа и полный надежд. Когда он обернулся на пороге, я снова увидел в его глазах так и не заданный вопрос. Но Уильям проявил чудеса сдержанности и только кивнул нам с Холмсом — каждому отдельно — на прощание. И я осмелюсь утверждать, что именно этот разговор и послужил началом истории возникновения всемирно известной ныне Партии Разума, в прошлом году получившей сорок два процента голосов в палате общин и сорок шесть в палате лордов. Уильям Честерлей руководил партией на протяжении первых шести лет её существования, после чего добровольно покинул этот пост и смог наконец совершить свадебное путешествие в Австралию вместе со своей женой, миссис Луизой Честерлей, в девичестве Аддингтон, отложенное ими более чем на десятилетие. В интервью журналу светской хроники миссис Честерлей сказала, что хотя и обожает всех пятерых своих приёмных детей, но будет просто счастлива оставить их на попечение нянек и гувернёров хотя бы на три недели.

Уильям приходил к нам ещё раз — вернее, уже сэра Уильяма, поскольку после скоропостижной смерти сэра Ричарда он с честью принял титул и место в палате пэров. Голосование по поводу принятия его в парламент было бурным, но быстро прекратилось — сразу же после того, как Георг Пятый, обычно предпочитающий воздерживаться, самым недвусмысленным образом дал понять, что целиком и полностью поддерживает необычного кандидата. Сэр Уильям посетил борт нашего дирижабля восемь лет назад, в день своего триумфа. Он сбежал с устроенного в его честь



банкета, чтобы выпить с нами по рюмочке бренди и помолчать, глядя с обзорной галереи на сверкающие грани лондонской Кровли в огнях вечернего города.

Когда он покидал борт нашего «Бейкер-стрит, 221-б», в его глазах мне почудился отблеск того же вопроса, что и в самую первую нашу встречу. Но вопрос этот так и остался не произнесённым. Наверное, и к лучшему, ибо и сегодня я точно так же не знаю, что на него ответить.

Может быть, я просто не хочу спешить? Сегодня спешат все, и мёртвые — не исключение.

Мне не хотелось бы им уподобляться.



*Рассказ, принадлежащий перу благодарного  
последователя Джона Ватсона...*

# О ЛЮДЯХ, НЕЛЮДЯХ, КАРМЕ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ



ТЕМПОХРОНОС



— Я не расистка, но есть же какие-то нормы приличия! — леди Маргарет с крайним неодобрением пролорнировала затянутую в белый смокинг спину удалявшегося из кают-компания капитана. Взгляд её упирался в середину верхней части этой спины, точно между лопаток, если бы строение тела капитана предусматривало их наличие. Леди Маргарет была истинной леди и не собиралась допускать в поле зрения, ограниченного цейсовской оптикой, то, при помощи чего бравый офицер передвигался, поскольку оно ни в коей мере не являлось добропорядочными британскими ногами.

Обед только что закончился, стюарды убирали посуду и скатерти, складывали дополнительные столы, путём нехитрых манипуляций превращая столовую в гостиную. Двое из них тоже были алиенами — геноморочицированными, конечно же, иных вряд ли взяли бы на работу в столь крупную кампанию. Однако леди Маргарет даже и не думала приглушать громкий сварливый голос.

— Да, кто спорит, пилоты и штурманы из них неплохи, обслуга тоже, но чтобы капитаном... Всякому овощу своё место! Знай я заранее об этой вопиющей безответственности, велела бы Бэтти поменять билет. Слава богу, у нас ещё не перевелись корабли, на которых чтут традиции и уважают человечность!

Мисс Джейн, устроившая свои не слишком юные кости в тёплом уютном кресле у обзорного иллюминатора, мысленно усмехнулась, продолжая вязать пинетку внучатой племяннице и краем уха слушая напыщенную тираду, не имеющую ничего общего с реальным положением дел. Конечно, между Луна-Сити и Девонширом курсирует немало кораблей, но



«Лунный дракон» — пока ещё единственный круизный лайнер класса ультра, предоставляющий своим пассажирам все мыслимые удобства по высшему разряду, а леди Маргарет не из тех, кто согласен довольствоваться просто хорошим, если есть возможность заполучить лучшее. Даже если взамен и приходится терпеть по три раза в день общество марсианского сухопутного спрута, которого в приличных лондонских домах не пустили бы дальше кухни.

Главное для истинных леди — громогласно объявить своё мнение и поскорее забыть о неприятном событии. И не вспоминать, хотя бы до следующего обеда. Тем более что повод весьма уважительный — до вечернего чая кают-компания принадлежала «Британско-космическому клубу любителей научных загадок и курьёзов», каковой был основан леди Маргарет в первый же день пребывания её на борту «Лунного дракона». Обсуждаемые за бокальчиком послеобеденного шерри темы полностью соответствовали названию клуба, леди Маргарет, будучи женщиной современной и просвещённой, следила за этим строго. Никаких дамских сплетен и будуарных анекдотов! Только научные или технические загадки, или, на самый крайний случай, философские проблемы, которыми члены клуба — четверо вполне приличных молодых мужчин и двенадцать в высшей степени изысканных дам разного возраста — по очереди делились друг с другом, после чего пытались совместными усилиями их разрешить.

— Чья сегодня очередь? Кто нас порадует чем-нибудь интересным и загадочным? — леди Маргарет придирчиво осмотрела общество поверх цейсовского лорнета и остановила взор безукоризненно подведённых и совершенно не нуждающихся в коррекционной оптике глаз на невзрачной пожилой



даме, которая устроилась с вязаньем в дальнем углу кают-компания и была настолько увлечена своим занятием, что совершенно не обращала внимания на окружающих.

Глаза леди Маргарет хищно блеснули — её давно уже интересовало, что делает в столь блистательном обществе такая невзрачная серая моль, уместная скорее в кресле-качалке на веранде старенького домика в сусекской глуши, но никак не в салоне высшего класса на борту межпланетного круизёра, последнего слова науки и механики. Путём осторожных расспросов прислуги удалось разузнать до обидного мало — только то, что дама не замужем и никогда там не была, бельё предпочитает шёлковое и очень качественное, платья же носит вызывающе простые, а косметикой и духами почти не пользуется. Больше горничную ничего не интересовало. Леди Маргарет была уверена, что во время даже самой непродолжительной беседы вытянула бы из пожилой дамы куда больше. Но таинственная мисс упорно игнорировала все попытки леди Маргарет завязать светскую беседу, да и на собрания клуба оставалась крайне редко.

Но теперь выпал как раз такой исключительный случай, и упускать его леди Маргарет не собиралась. Старые дамы любят загадочные истории, надо только выбрать достойного рассказчика, убедительного и солидного, не такого, как мистер Пэтт, что вчера усыпил всех занудным повествованием о какой-то невыносимо скучной теории то ли кварталов, то ли кванков, чего-то настолько мизерного и неинтересного, что и рассказывать-то о нём со стороны мистера Пэтта было сущей нелепостью. Нет, только не мистер Пэтт. Бэтти Стоун — вот кто был бы идеальной кандидатурой, но эта дрянная девчонка опять куда-то запропастилась именно в ту минуту, когда



так нужна! Если сегодняшняя история понравится бледной поганке с вязаньем, то она останется на заседание Клуба и завтра, и послезавтра, а там уж леди Маргарет найдёт способ утолить своё любопытство...

— Ой, а можно я, а можно я?! — захлопала в ладошки прелестная леди Агнесс. — Вчера мистер Пэтт рассказывал, значит, сегодня я! Если по кругу... мы ведь по кругу, да?

Леди Маргарет подавила рычание и, растянув губы в любезной улыбке, согласилась, что, конечно же, раз вчера был мистер Пэтт, то сегодня очередь Агнесс. Огорчать очаровательную леди чревато — она может заплакать. А уж плакать она умеет как никто, часами испуская жалостливые вздохи и роняя огромные хрустальные слёзы — считай, весь вечер будет испорчен.

— Я хочу рассказать одну удивительную историю! О первопоселенцах. На Луне!

Леди Маргарет опять пришлось заниматься подавлением и сокрытием за любезно-поощряющей улыбкой — на сей раз чувства, близкого к панике. О первопоселенцах! Конечно. О чём же ещё? Экскурсия в Купол Армстронга, основанный более тридцати лет назад и ныне превращённый в музей, состоялась как раз вчера. И леди Агнесс на ней, конечно же, присутствовала. И наслушалась множества интереснейших научных загадок и курьёзов, которыми так и сыпал гид-автоматон — прелестная серебряная штуковина на гусеничном ходу, обладающая чарующим бархатным баритоном и манерами куда приличнее, чем всё шире входящие в употребление на улицах Лондона «робби-бобби», как с лёгкой руки какого-то газетного писаки окрестили механистических полицейских. Те только и умеют, что скрежесть: «Сохраняйте спокойствие!» и «Всё, сказанное вами, может быть использовано против вас в суде!»



Лунный же гид-автоматон отличался великолепным произношением, хорошим слогом и неистощимым запасом историй — леди Агнесс внимала ему с открытым ртом и наверняка что-то даже запомнила.

Беда была лишь в том, что кроме леди Агнесс гида слушали и все прочие пассажиры салона люкс, для которых, собственно, и была организована эта экскурсия. Леди же Агнесс обладала специфической особенностью памяти, позволяющей ей полностью игнорировать подобные мелочи, и сейчас как раз собиралась осчастливить слушателей одним из наиболее запомнившихся ей вчерашних анекдотов.

Положение следовало спасать, и срочно.

Стремительным генеральским взором леди Маргарет окинула кают-компанию, уясняя диспозицию. Нет, мужчины точно не помощники — их мало и все они смотрят на леди Агнесс с телячьим восторгом. Они ещё ничего не поняли, а если и поймут, то промолчат. Где же эта несносная Бэтти, когда она так нужна! А, вот и она. Короткий указующий взгляд в сторону леди Агнесс, как раз набирающей в грудь воздуха и радостно порозовевшей в предвкушении всеобщего внимания. Чуть сдвинутая бровь: «Прекрати это. Немедленно!». Бэтти слегка опускает ресницы: «Всё поняла. Не беспокойтесь» и аккуратным движением острого локотка смахивает с соседнего столика высокий хрустальный бокал.

Золотистые брызги шампанского очень красивы — пока летят веером. На вечернем платье они выглядят куда менее привлекательно. Удачно, что на «Лунном драконе» есть гравитация, а то пришлось бы ловить золотистые шарики по всей кают-компании, как в той потешной фильме, что демонстрировали пассажирам перед началом полёта. Ещё более удачно, что миссис Кински носит чёрное — в память о мистере Кински, безвременно почившем двадцать девять лет



назад. Или — как утверждают злые языки — в память о своей приблизительно тогда же почившей стройности, но не будем придавать значения сплетням!

— Ах, простите меня! Я такая неловкая! — Бэтти кидается промокать ткань салфетками, не обращая внимания на слабые попытки миссис Кински воспользоваться испорченным платьем как предлогом к бегству из кают-компания. Усаживает бедную богатую вдову поближе к камину, укутывает ей ноги пледом:

— Тут вам будет уютнее!

Леди Маргарет расслабляется, облегчённо откинувшись на спинку кресла. Бэтти Стоун выше всяких похвал, в агентстве были правы.

Бэтти же, подтверждая свою репутацию, оборачивается к леди Агнесс, обиженной тем, что вот уже несколько минут всеобщее внимание обращено не на неё, и уже готовой сделать что-то для исправления подобной несправедливости — например, заплакать:

— Дорогая! Я знаю, ты хочешь рассказать про того монаха, правда? — Бэтти широко раскрывает глаза и добавляет театральным шёпотом, хорошо слышным в самых отдалённых уголках кают-компания. — Но ты уверена, что это будет прилично? Ведь он был почти что голый!

Леди Агнесс розовеет ещё сильнее, забывая на какое-то время о намерении красиво поплакать. Ей ужасно хочется услышать не совсем приличную историю про почти голого монаха. Но тогда всеобщее внимание так и будет привлечено к Бэтти! Весь вечер! А Бэтти так далеко, в другом конце комнаты, значит, к леди Агнесс все будут повернуты спиной, что просто невыносимо! Неразрешимость подобной дилеммы печатными буквами написана на фарфоровом лобике, обрамлённом золотистыми кудряшками, огромные голубые глаза начинают предательски



блестеть, обещая в скором времени разразиться слезами, ибо такова естественная реакция леди Агнесс на неразрешимую проблему, вернее, на любую проблему, потому что для леди Агнесс любая возникшая проблема неразрешима в принципе.

Леди Маргарет с еле заметной улыбкой наблюдает, как великолепная Бэтти с лёгкостью Александра из Македонии решает неразрешимое, пройдя через всю кают-компанию и устроившись рядом с креслом леди Агнесс на диванчике. Леди Агнесс довольна и более не собирается плакать — теперь не важно, кто из них будет рассказывать, всё равно мужчины смотреть предпочтут именно на леди Агнесс, ведь она намного красивее.

Бэтти улыбается, спрашивает взглядом леди Маргарет: «Мне продолжать?» Леди Маргарет согласно прикрывает глаза: «Конечно, моя дорогая».

— Агнесса, милая, я полностью полагаюсь на ваше мнение! Ведь тот монах... впрочем, даже и не монах, он, в сущности, был священником... Хотя и не христианином. Думаете — будет уместно?..

— Ну, я не знаю... — Леди Агнесс, на мнение которой до сих пор ещё никто не полагался, беспомощно улыбается и обращает жалобный взгляд на расположившегося рядом мистера Пэтта, который, разумеется, тут же уверяет её, что не усматривает ничего непристойного в истории про монаха или даже священника, пусть и одетого не в соответствии с требованиями моды и нормами приличий. Тем более что монах этот не был христианином. Бэтти делает вид, что сомневается. И тогда уговаривать её рассказать столь занимательную историю начинают и прочие члены клуба, в том числе и леди Агнесс, которая окончательно передумала плакать и глазами блестит теперь исключительно от любопытства.



Леди Маргарет с удовлетворением наблюдает за несомненной победой своей компаньонки, после непродолжительных уговоров таки согласившейся поведать собравшимся загадочную и почти мистическую историю, в которой принял самое непосредственное, хотя и не слишком одобренное обществом участие тот странный монах.

— Это произошло более четверти века назад, на том месте, где сейчас находится Третий Лунный Купол, кстати, туда запланирована экскурсия на следующей неделе, вы сможете увидеть его своими глазами. Но тогда, конечно же, ещё никакого купола не было и в помине, к его возведению только-только приступили. Купол Армстронга к тому времени был уже почти закончен, и в нём даже наладили кое-какое производство, но всё равно большую часть всего необходимого приходилось доставлять с Земли. Представления лунных колонистов о самом необходимом почему-то очень редко совпадали с представлениями о том же самом Лунного Департамента, находящегося, как вы понимаете, в Лондоне — потому и присылали первопоселенцам порою довольно странные вещи. Так произошло и с тем монахом-священником: вряд ли он был так уж необходим ещё неокрепшей колонии, но его доставили вместе с десятком контейнеров консервированных бобов и чесночного порошка.

Никто из поселенцев не просил присылать им этого странного типа, никогда не расстававшегося с молитвенным барабанчиком, лишённого волос и одетого лишь в оранжевые штаны бесформенного покроя, более похожие на мешок. Но ведь и чесночного порошка тоже никто не просил, а его всё равно присылали в больших количествах, очевидно, опасаясь цинги и в целях укрепления морального духа. Не знаю уж как с моральным, но рискну предположить,



что прочий дух в переоборудованном под временное жильё «Копернике» действительно стоял тогда довольно крепкий, чему немало способствовала и специфика доставляемого провианта.

Вообще-то, священники к тому времени на Луне уже были — четверо, по одному на каждую из отдельно развивающихся колоний; как вы помните, поначалу их пытались сделать полностью автономными и самодостаточными. Был даже один епископ. Но Его Величество Георг тогда как раз пробил через сенат закон о веротерпимости, и было признано нецелесообразным оставлять Лунную колонию без представителей иных конфессий. Поистине, судьбоносный законопроект, без которого был бы немислим сегодняшний взлёт Империи, но в те беспокойные времена он вызвал немало шумихи и скандалов, как в самой Британии, так и за её пределами — да вы и без меня это прекрасно помните. Но мало кто знает, что на Луне столь своевременный и прогрессивный закон чуть было не стал причиной первой религиозной войны и возвращения к средневековой дикости судов Линча...

Правда, конфликт произошёл не сразу, первопоселенцы — народ терпеливый, их специально отбирают, отбраковывая излишне скандальных или склонных к агрессии. Это сейчас завербоваться на ту или иную работу в одном из Куполов может практически любой гражданин Империи, некоторые не слишком презентабельные кампании не брезгают даже и бывшими заключёнными или представителями слаборазвитых колоний. А тогда отбор был строгий — только семейные, только благонадёжные, спокойные и выдержанные. Ведь они были не просто строителями купола, рабочими, которые по окончанию контракта вернутся домой — они должны были стать



отцами-основателями будущего города, родоначальниками колонии.

Восстановительных технологий доктора Крейцера тогда ещё не существовало, и билет на Луну был билетом в один конец.

Как и для кораблей, доставлявших колонистов и необходимые им припасы — их специально делали с учётом предстоящей разборки и использования в строительстве купола. «Коперник» оставался в более ли менее сохранном виде лишь потому, что изначально его предполагалось использовать в качестве временного жилья, да и то многие внутренние перегородки и почти вся машинерия давно были разобраны и пущены в дело. Но всё равно жилого пространства не хватало — ведь вместо пятидесяти пассажиров, для которых корабль был изначально предназначен и которые могли разместиться в нём с достаточным комфортом, ныне в бывшем «Копернике» ютилось семьдесят три. В таких обстоятельствах прибытие ещё одного претендента на жизненное пространство не могло вызвать у старожилов особой радости. Тем более что новичок оказался вовсе не добрым христианином, к тому же весьма неприятным на вид и одетым до неприличия скудно.

Местный священник был молод, а потому и излишне ретив. Будучи заранее извещён епископом о скором прибытии конкурента и опасаясь за сохранность душ вверенной его попечению паствы, он прочёл несколько довольно эмоциональных проповедей об искоренении ереси и многочисленных карах, грозящих еретикам и язычникам, чем только подлил масла в огонь. Внешность новичка, его одеяние и манеры, столь отличные от того, к чему привыкли поселенцы, тоже сработали на усиление неприязни.

Терпеть его рядом с собою никто, разумеется, не хотел, и потому для проживания ему определили



помещение, раньше используемое для мелких технических нужд и расположенное на отшибе, рядом с большим вентилятором системы жизнеобеспечения и бывшей рубкой.

Помещение было тесным из-за разнообразных технических штуквин, там и сям выпирающих из стен и пола, а также достаточно шумным из-за круглосучточно работающего вентилятора палубой ниже. Но странного монаха, кажется, не смущала теснота и шум, как, впрочем, и полное отсутствие мебели — сам он не догадался захватить с собою ничего, кроме циновки, миски и барабанчика, а делиться своим и без того скудным добром с каким-то еретиком, конечно же, никто не спешил. Тем более — после многократных утверждений пастора, что столь закоренелое в своей ереси существо в самом скором времени непременно ожидают кары небесные, ну вот пусть заранее и привыкает.

Монах поблагодарил за предоставленное жилище с неизменной улыбкой, укрепил барабанчик на торчащем из полу штыре, сел на расстеленную рядом циновку и приступил к молитве. Молитва же эта заключалась в том, что он крутил барабанчик, насвистывая или напевая при этом непонятную монотонную песенку.

На поверку он оказался существом довольно мирным. Никого не пытался обратить к вере в своего странного многорукого и улыбчивого бога, просто целыми днями сидел на циновке, улыбался и крутил свой барабанчик. В общие помещения выходил редко, ел мало. Если его не трогали — никого не трогал и он, если же пытались задеть, обидеть или подначить на драку — просто уходил. Даже самым завзятым грубиянам не удавалось его рассердить, отчего среди колонистов за монахом утвердилась репутация слабоумного, и трогать его перестали. Даже пастор,



первое время с подозрением отслеживавший любые действия еретика и во всём подозревавший подвох, наконец успокоился и перестал обличать всевозможные ереси в каждой своей проповеди, перейдя к бичеванию других более насущных грехов.

Так жизнь и шла своим чередом, пока не кончилось электричество...

Что-то там сломалось, я в этом слабо разбираюсь, надеюсь, джентльмены и леди простят мне мою необразованность, из-за которой я оставляю их в неведении о технических деталях случившейся катастрофы? Или, может быть, более компетентные мужчины объяснят, что там могло сломаться? — беспомощный взгляд на мистера Пэтта (копия взгляда леди Агнесс), и вот уже все дамы испуганным хором спешат уверить рассказчицу, что технические детали никому не интересны, в них всё равно разбирается только сам мистер Пэтт, вы лучше рассказывайте, Бэтти, рассказывайте!

Ну так вот, это действительно была катастрофа. Водоросли продолжали вырабатывать кислород, но температура начала падать, пусть пока ещё и совсем незаметно, и все понимали, что вместе с температурой падают и шансы на спасение. Надо было срочно починить какую-то электрическую штучку, но проблема заключалась в том, что поломка находилась в рубке, то есть в самом верхнем отсеке «Коперника». Емкости же с водорослями ради безопасности давно зарыли в лунный грунт. И теперь, когда вентилятор не работал, пригодный для дыхания воздух не мог распространиться по всем помещениям и оставался внизу, наверху же постепенно скапливался углекислый газ, которым дышать совершенно нельзя. Конечно, были ещё баллоны, но их содержимого могло хватить на несколько часов — никто ведь не предполагал подобного, люди работали на поверхности,



и баллоны оказались наполовину разряженными, а при отсутствии электричества их невозможно было зарядить снова. Конечно, внизу, рядом с баком, можно было жить довольно долго — но это означало конец колонии. А, значит, и неминуемую гибель поселенцев — пусть не сейчас, а через месяц или полтора. Положение осложнялось ещё и тем, что сеанс связи с Землёй состоялся только что, а следующий ожидался не ранее, чем через две, а то и три недели; значит, всерьёз беспокоиться о них начнут, когда всё будет кончено — так или иначе.

Надеяться на спасение со стороны смысла не было, предстояло самим что-то предпринять или умереть.

Главный инженер вызвался устранить поломку, забрал все имевшиеся баллоны и ушёл наверх. Те, кто хоть чуть-чуть разбирались в технике, понимали, что шансов у него немного. Остальные же — а таких было большинство — догадывались обо всём по слишком спокойному выражению лиц тех, кто разбирался. Наверное, поэтому, когда пастор собрал прихожан на молитву и призвал молить Господа о чуде, к верующим присоединились и те, кто никогда ранее не посещал проповедей. Все молились искренне и страстно, все умоляли простить прегрешения и даровать чудо жизни вторично.

Все — кроме монаха-еретика.

Он тоже ушёл наверх.

Сначала поселенцы восхитились его героическим самопожертвованием, а один из инженеров даже попытался остановить и объяснить, что это бесполезно, ведь монах не разбирается в электричестве и ничем не сможет помочь. На что монах лишь улыбнулся и ответил, что не собирается лезть туда, где ничего не понимает, а просто будет помогать тем, чем может. Умилённый пастор даже перекрестил его вслед, чего сам от себя не ожидал.



И только потом, когда окончилось беспримерное недельное бдение, во время которого люди молились до тех пор, пока не падали без сил, а, лишь очнувшись от беспамятства, снова вставали на колени и возносили молитвы нетвёрдыми ещё голосами, все узнали, в чём именно заключалась обещанная монахом помощь.

Он просто крутил свой барабанчик.

Тогда, когда рядом с ним, буквально за переборкой, главный инженер, задыхаясь, совершал подвиг, спасший семьдесят четыре жизни, когда внизу осунувшийся и поседевший пастор, почти не спавший эту неделю, держался только силою веры — монах сидел на своей циновке, улыбался, насвистывал песенку и крутил барабанчик.

Поселенцы — люди простые. Когда случилось долгожданное чудо и заработало электричество, самые крепкие, кто ещё мог держаться на ногах, поднялись в рубку. И обнаружили главного инженера, спящего прямо на полу, он тоже очень сильно устал за эту неделю, хотя и трудно сказать, какая работа тяжелее — физическая или духовная.

А рядом, в бывшем техническом отсеке, они обнаружили монаха, который сидел на своей циновке, улыбался и крутил барабанчик.

Они не убили его на месте только потому, что сил не хватило. Да и пастор возражал — он тоже был среди поднявшихся, хотя и непонятно как держался. Но против справедливого суда не возражал и пастор — а самым справедливым им тогда показался суд мистера Линча.

Они ушли вниз, плотно заперев дверь в бывший технический отсек, с намерением как следует отдохнуть и вернуться уже с верёвкой, потому что в исходе суда над мерзавцем и эгоистом, ради своей ереси воровавшим воздух, дарованный



господним чудом главному инженеру на исправление поломки и спасение жизни колонии, не сомневался никто...

Инженеры были просто потрясены, по всем расчётам выходило, что воздуха в рубке и баллонах не могло хватить более чем на сутки. Пастор уверял, что пути господни неисповедимы и научным подсчётам не поддаются. Инженеры же возражали, что пути путями, а воздух — воздухом, и склонялись к мысли, что главный инженер, отличавшийся исключительной изобретательностью, и в этот раз придумал какую-то хитрую механистическую штучку, которая и помогла ему продержаться. Конечно, главный инженер мог бы внести ясность и навсегда разрешить этот спор, но он был слишком измучен, и никто из поселенцев не осмеливался его будить. Тем более что все были заняты подготовкой казни еретика, которую решили не откладывать...

Конечно, потом, когда главный инженер проснулся, то всё объяснил, но какое-то время люди пребывали в полном неведении — ну вот прямо как мы сейчас! Такая вот загадочная история случилась двадцать семь лет назад с основателями Третьего Купола. У кого-нибудь есть догадки, что же там на самом деле произошло?

— Чудо! — леди Агнесс в крайней экзальтации прижала стиснутые кулачки к пухлой груди. — Конечно же, их спас Господь! Он всегда отвечает на искреннюю молитву!

— Полагаю, что это было, мнэ, торжеством, скорее, мнэ, науки... — проямлил мистер Пэтт, но леди Маргарет поспешила его прервать, тем более что наконец-то вспомнила фамилию таинственной любительницы вязания и решила, что самое время вовлечь её в беседу:



— А вы, мисс Марпл, как полагаете? Было ли это чудо, ниспосланное нам Господом, или же какой-то пока неизвестный науке феномен?

Пожилая дама моргнула, опуская вязание на сухонькие коленки:

— Ой, голубушка, я так разволновалась, что даже упустила петлю... Какая страшная история, право слово... Люди так жестоки и непонятливы... Надеюсь, главный инженер успел прийти в себя и милого марсианского мальчика не казнили? Это ведь была бы ужасающая несправедливость, после того, как он всех их спас...

Старая леди повертела головой, подслеповато помаргивая — очевидно, воцарившаяся в кают-компании ошеломлённая тишина изрядно её удивила.

— А почему вы так уверены, что монах был именно марсианином? — спросила Бэтти нейтрально, но леди Маргарет уже достаточно изучила свою компаньонку, чтобы пропустить смеющиеся искры в серебристых глазах.

— Ну как же, деточка, ведь не будь он марсианином, они бы все погибли, человек не может не спать неделю подряд, а у сухопутных спрутов, как и у земных дельфинов, полушария разделены и отдыхают по очереди, так что спать им вовсе не обязательно...

— Да причём тут дельфины?! — воскликнула леди Агнесс, чуть не плача. — Это пастор всех спас! И его вера! Он тоже не спал! И молился! Они все не спали!

— Они, конечно же, спали, милочка, хотя и не подолгу. Иначе бы просто умерли или сошли с ума, как и моя бедная тётушка Дженевьева, которая вдруг вообразила, что во сне за ней непременно явится враг рода человеческого. Бедняжка не спала пять ночей кряду, а потом ей и наяву начало мерещиться такое, что её мужу пришлось найти для бедняжки подходящее заведение... Но, Бэтти,



ведь всё закончилось хорошо? Бедного мальчика не линчевали?

— Нет, конечно, — Бэтти ободряюще улыбнулась. — Я бы не стала рассказывать столь печальную историю. Главный инженер проснулся и всё всем объяснил, хотя первое время ему и не хотели верить. Пришлось специально отключить электричество и показать... А потом всем, конечно же, было ужасно стыдно, и они постарались замять эту историю. И если бы главный инженер впоследствии не издал автобиографические мемуары, этот удивительный случай взаимопомощи механики и религии так бы и не стал достоянием общности.

— Я ничего не понимаю! — леди Агнесс жалобно посмотрела на мистера Пэтта, но тот изрёк лишь задумчивое и многозначительное «мнэ», не собираясь подтверждать, что и сам находится в абсолютном неведении.

— Всё дело в карме, милочка! — доброжелательно пояснила мисс Джейн Марпл. Наивная девушка была так похожа на одну из молоденьких племянниц, имя которой всегда вылетало у Джейн из памяти. Бледненькая такая, с золотыми кудряшками и таким же овечьим выражением кукольного личика. — Ну и в барабанчике, конечно же. Видела я эти барабанчики, они довольно массивные и прочные, на совесть сделанные. Наверное, бедному мальчику потому и не дали взять других вещей, что весь положенный переселенцу запас веса этот барабанчик и выбрал. Хитрый мальчик. И ленивый, как и все мальчики, неважно, марсианские или земные. Вы, голубушка, — доброжелательный кивок в сторону Бэтти, — так усиленно старались не назвать его человеком, что только глухой бы не догадался. Ленивый мальчик насадил барабан на рабочую ось вентилятора, я



видела этот отсек на «Галилее», помните, нас водили на экскурсию? Они же одинаковые, эти корабли, и в том отсеке единственный подходящий штырь как раз от вентилятора... Мальчик думал, что всех обхитрил, и барабан за него будет вращать электричество. А потом вентилятор перестал вращаться. И мальчик вспомнил о карме. Посчитал своим долгом её отрабатывать, теперь уже сам вращая не только барабанчик, но и присоединённый к нему вентилятор. И тем самым дал главному инженеру столь необходимое тому время... Главный инженер умница, он всё понял, но прочие поселенцы были люди простые... Хорошо, что он успел проснуться, правда?

\*\*\*

— Что ты знаешь об этой старой любительнице инопланетных уродов? — неодобрительно поинтересовалась леди Маргарет, когда они с компаньонкой остались одни. Бэтти 100 УН выгодно отличалась от прочих моделей механистических секретарей ещё и наличием эмпатических способностей — она никогда не переспрашивала. Вот и сейчас, нахмуренными бровками изобразив сосредоточенность на идеально гибком лице (возможность отображения восьмидесяти пяти эмоций — настоящее чудо каучуковой пластики!), она выдала только самую важную из необходимой хозяйке информации:

— Мисс Джейн Марпл, по неподтверждённым данным, — секретный агент на службе Её Величества. По ещё менее достоверным сведениям — ученица самого сэра Шерлока.

— Эта старая бледная поганка?!

Ещё одним существенным преимуществом модели Бэтти было умение отличать простые вопросы от риторических.



\*\*\*

Джейн стояла у обзорного иллюминатора и смотрела на постепенно вырастающий над горизонтом Луна-Сити, когда сзади послышался знакомо-сварливый голос леди Маргарет, что-то втолковывающей то ли своей секретарше, то ли какой-нибудь другой безответной жертве:

— ...Эти дикари везде чувствуют себя как дома! Её Величество слишком добросердечна. Назначить Лунным епископом одного из этих?! Какая ужасная и совершенно безответственная идея! Должны же быть какие-то нормы, а то дождёмся архиепископа Кентерберийского о восьми ногах, или что там у них...

Джейн, глядя в иллюминатор на величественное скопление куполов Луна-Сити, столь похожее на хрустальную сферу Лондонской Кровли, и краем уха прислушиваясь к разговорам за спиной, позволила себе улыбнуться.

Люди не меняются.





# **СОДЕРЖАНИЕ**

**ЦЫГАНСКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ**

5

**ДЕЛО С МАРСИАНСКИМИ ТРЕНОЖНИКАМИ**

49

**ВОР ЖЕНСКОГО РОДА**

**или**

**НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ**

157

**ХРЯЩИ И ЖЕМЧУГА**

**или**

**ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ МАРСИАН**

181

**ГЕРОЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

209

**ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ**

**или**

**ПЛЕМЯННИК ИЗ ШКАФА**

227

**О ЛЮДЯХ, НЕЛЮДЯХ,  
КАРМЕ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ**

285

Литературно-художественное издание

ТУЛИНА СВЕТЛАНА АЛЬБЕРТОВНА  
ТИХОМИРОВ МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ

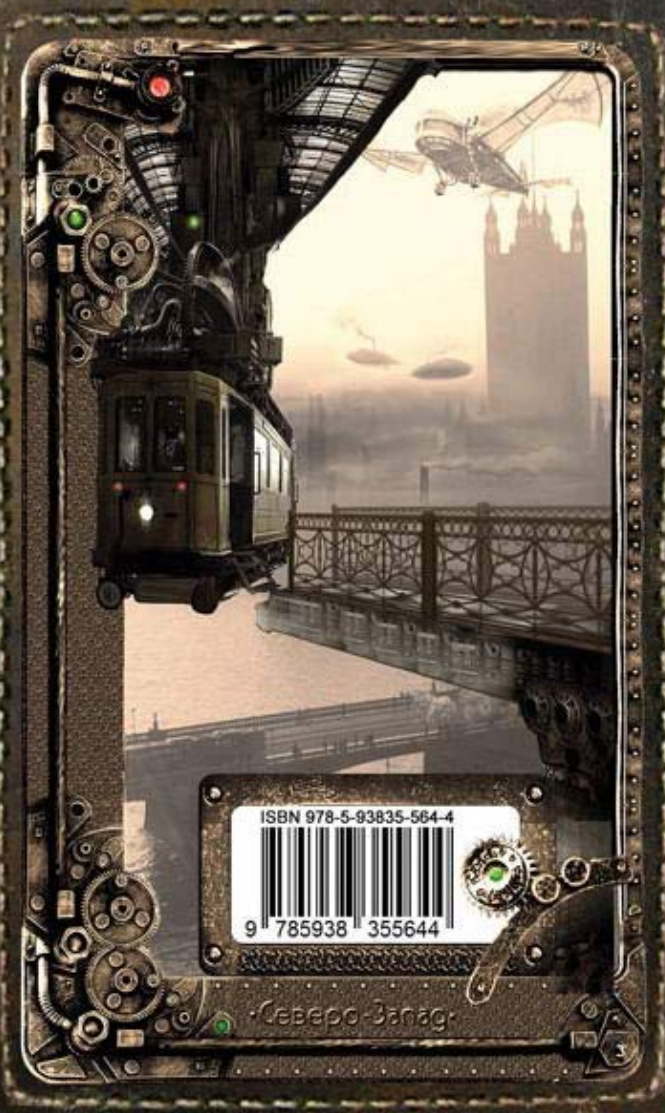
ЭРА МОРИАРТИ  
МЕЖАВТОРСКИЙ ЦИКЛ

Художественная редакция *Светланы Тулиной*  
Компьютерная верстка *Ольги Маковской*  
Иллюстрации *Светланы Тулиной*

Подписано в печать 05.12.2014  
Формат 70×90 1/32. Гарнитура «Bookman».  
Отпечатано с готового оригинал-макета по  
технологии Print-on-Demand.  
Усл. печ. л. 10,73. Уч.-изд. л. 10,86.

Заказ книг на сайте **[www.sz-izdat.ru](http://www.sz-izdat.ru)**

Издательство «Северо-Запад», 2015



ISBN 978-5-93835-564-4



9 785938 355644

Северо-Запад